Д. А. Журавлев

ОГНЕВОЙ ЩИТ МОСКВЫ

ВОЕННЫЕ МЕМУАРЫ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Аннотация издательства: «В годы войны немецко-фашистская авиация 134 раза пыталась нанести бомбовые удары по Москве. Но безрезультатно. Лишь отдельным самолетам противника удавалось проникнуть в воздушное пространство нашей столицы.

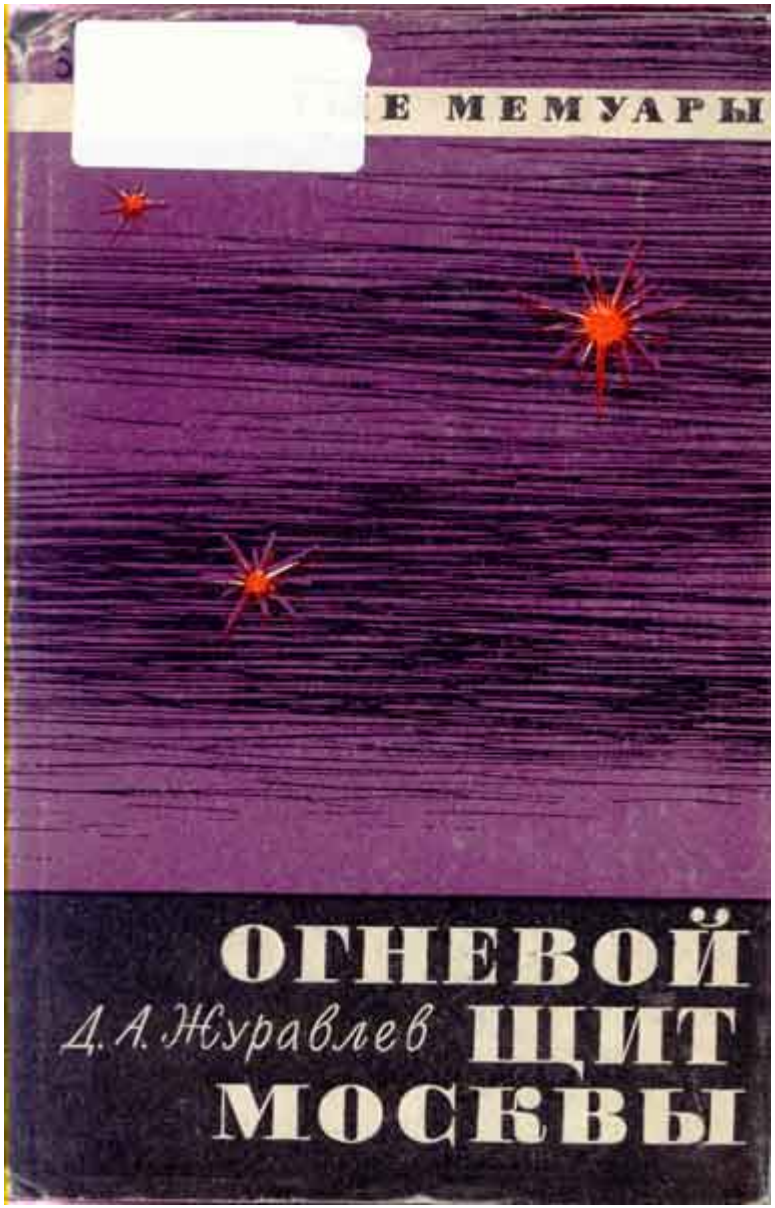
О том, как мужественно и умело защищали небо Москвы летчики-истребители, артиллеристы-зенитчики, пулеметчики, прожектористы, аэростатчики, вносовцы, рассказывает в своей книге бывший командующий Московским фронтом противовоздушной обороны генерал-полковник артиллерии Даниил Арсентьевич Журавлев.

Автор воссоздает героическую картину борьбы воинов ПВО столицы и против наземных войск гитлеровцев, приводит боевые эпизоды, которые золотыми страницами вошли в историю беспримерной битвы за Москву. Читатель найдет в книге имена многих отважных воинов, отстоявших город-герой от атак воздушных и наземных сил врага».

Приводится версия с разметкой страниц в соответствии с печатным оригиналом. Номер указывается в прямых скобках — [], отделяется от предыдущей страницы пустой строкой и ставится в начале страницы. — V_E.

- [3] От автора
- [5] Глава 1. Дни горячие, предгрозовые
- Глава 2. Боевой приказ отдан
- Глава 3. Попытки противника таранить нашу оборону
- Глава 4. Против наземного и воздушного противника
- Глава 5. Часовые московского неба
- Глава 6. На позициях — девушки
- Глава 7. Война продолжается
- Глава 8. Рядом со Ставкой
- Глава 9. Наш противник — 2-й воздушный флот
- Глава 10. За высокую боеготовность
- Глава 11. Нам родная Москва дорога
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6

- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24


Е МЕМУАРЫ
Д. А. Журавлев
ОГНЕВОЙ ЩИТ МОСКВЫ

[3] От автора

ГЕНЕРАЛ-ПОЛКОВНИК АРТИЛЛЕРИИ
Д. А. ЖУРАВЛЕВ

ОГНЕВОЙ ЩИТ МОСКВЫ

ВОЕННЫЕ МЕМУАРЫ

Ордена Трудового Красного Знамени
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СССР
МОСКВА — 1972

Рассказать о делах минувших, свидетелем и участником которых ты был, поделиться мыслями о событиях прошлого — законное желание человека, много видевшего и пережившего.

Почти вся моя сознательная жизнь была связана с воинской службой. Начал я ее рядовым бойцом Красной Армии, а закончил генерал-полковником. Во время гражданской войны сражался против частей Колчака и Дутова, позже — против басмачей в горах Памира. На моих глазах проходило становление и совершенствование Советских Вооруженных Сил. Довелось мне участвовать и в Великой Отечественной войне. Сначала я командовал 1-м корпусом ПВО, с 1942 года — Московским фронтом ПВО, а с конца 1944 года — Западным фронтом ПВО.

В этой книге я решил рассказать о наиболее памятных для меня событиях — о противовоздушной обороне Москвы, являющейся одной из славных страниц летописи Великой Отечественной войны.

Безопасность столицы нашего государства всегда была и сейчас является предметом повседневной заботы Центрального Комитета партии, Советского правительства, всего нашего народа. Высокое понимание своего долга, личной ответственности было присуще каждому солдату, сержанту, офицеру войск ПВО. Это помогло им успешно выполнить свою сложную и ответственную задачу.

Невозможно назвать имена всех воинов, чьи героические дела заслуживают доброй памяти. Всенародным при-

знанием заслуг каждого из нас является присвоение Москве высокого звания «город-герой», которого она удостоена за беспримерное мужество и стойкость всех ее защитников.

В заключение хотелось бы выразить сердечную признательность товарищам, оказавшим мне большую помощь советами и документами, использованными при написании этой книги.

Генерал-полковник артиллерии
Д. А. Журавлев

Генерал-полковник артиллерии Д. А. Журавлев

[5] Глава 1. Дни горячие, предгрозовые

С помощью маршала С. М. Буденного. А комендантом мне стать все же пришлось. Мои новые сослуживцы. Что же такое ПВО? В «подземном замке». Поездка в Костеревский лагерь. «Запломбированный» телефон зазвонил.

*С*Осенью 1939 года мне вручили телефонограмму: «Комбригу Журавлеву Д. А. явиться в Главное управление кадров Красной Армии. Распоряжение начальника ГУК комдива Щаденко Е. А.».

Людям военным известно, что означает подобный вызов: выходит, снова собирай чемоданы и отправляйся к новому месту службы. Мне было не привыкать к переездам, но, пожалуй, в этот раз особенно не хотелось оставлять налаженную работу, дружный коллектив.

Рязанское артиллерийское училище, которое я тогда возглавлял, готовило командиров для артиллерии большой мощности. Судя по отзывам из частей, наши воспитанники зарекомендовали себя знающими специалистами. Высокую оценку работе преподавательского состава дал и Маршал Советского Союза С. М. Буденный, побывавший в училище. На одном из совещаний он даже призвал начальников других военно-учебных заведений перенимать опыт рязанцев.

Жаль было уезжать из Рязани и по другой причине. Я активно участвовал в работе областной и городской партийных организаций. Коммунисты города доверили мне вместе с другими товарищами представлять их на XVIII съезде партии. Здесь, в Рязани, я баллотировался в депутаты Верховного Совета Российской Федерации. Но приказ есть приказ, и я выехал в Москву.

В приемной начальника Главного управления кадров Красной Армии было людно. Одновременно со мной на

[6]

прием было вызвано тринадцать человек. Все командиры дивизий, бригад, и только я — начальник училища.

Вскоре комдив Щаденко стал приглашать прибывших в

кабинет. Беседовал с каждым подолгу, и до меня очередь дошла лишь на второй день. Ефим Афанасьевич Щаденко предложил мне занять должность военного коменданта Москвы. Конечно, назначение это было весьма почетным, но мне не хотелось оставлять артиллерию, уходить из училища, с коллективом которого успел сродниться. Я долго отказывался и, исчерпав, казалось, все доводы, сказал:

— Товарищ комдив, ведь я же артиллерист. Мне думается, целесообразнее военным комендантом такого большого и важного гарнизона назначить общевойскового командира...

Но Щаденко продолжал настаивать на своем предложении.

«Защиту» я нашел у маршала Буденного. Он поддержал меня, и на должность коменданта Москвы был назначен полковник В. А. Ревякин. Мог ли я тогда предположить, что комендантом мне стать все же придется, но только — московского неба.

В марте 1941 года, когда мы готовили очередной выпуск курсантов училища, на мое имя вновь пришел вызов. На этот раз приглашал к себе командующий войсками Московского военного округа генерал армии И. В. Тюленев. И опять разговор пошел о назначении на новую должность, теперь уже на должность командира 1-го корпуса противовоздушной обороны, который по положению являлся и начальником ПВО города Москвы.

Пришлось снова отказываться. Ведь корпус ПВО включал помимо зенитных артиллерийских еще и зенитно-пулеметные, прожекторные части, подразделения воздушного наблюдения, оповещения и связи (ВНОС), аэростатов заграждения. Кроме того, начальнику пункта ПВО в оперативном отношении были подчинены части истребительной авиации. Боевую технику, тактику этих родов войск я знал недостаточно. С организацией же противовоздушной обороны пункта был знаком лишь в общих чертах. А ведь здесь речь шла не о каком-нибудь небольшом городе — о столице государства!

Так и не дав согласия на новое назначение, я уехал в Рязань. Вопрос остался открытым, и было ясно, что

[7]

вернуться к нему придется. Действительно, вскоре меня вызвал Народный комиссар обороны Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко. Семен Константинович принял тепло, подробно рассказал о значении противовоздушной обороны Москвы, предупредил, что это дело ответственное, не скрыл возможных трудностей, напомнил, что международная обстановка обязывает нас всерьез заниматься повышением обороноспособности государства. Я это прекрасно понимал. Из оперативных сводок

Генштаба, с которыми мне периодически приходилось знакомиться в училище, было ясно, что обстановка на наших западных границах становится все тревожнее.

Когда в конце беседы нарком спросил, не изменил ли я своего решения, — ответил согласием. Однако возвращался в Рязань с тяжелым сердцем. Хватит ли знаний, опыта для руководства столь большим и весьма специфичным соединением, как корпус ПВО? Впрочем, я полностью и не представлял тогда, какие своеобразные, богато оснащенные техникой войска вверялись мне.

Принимать корпус предстояло от генерал-майора артиллерии Г. Н. Тихонова. Я был хорошо знаком с этим опытным артиллеристом, отличным организатором. В свое время от него же мне пришлось принимать 2-е Ленинградское артиллерийское училище. А вот теперь — корпус ПВО. Г. Н. Тихонова переводили на другой участок работы по его настоятельной просьбе, вызванной состоянием здоровья.

15 мая 1941 года я получил предписание немедленно прибыть в Москву в распоряжение командующего Московской зоной ПВО генерал-майора М. С. Громадина. Приказ о моем назначении на должность командира 1-го корпуса ПВО состоялся.

Сдать дела заместителю полковнику Б. А. Юсупову не представляло труда. Он находился в курсе всех наших начинаний. Вскоре был подписан акт о приеме и передаче дел, мы пожали друг другу руки, и я уехал в Москву.

С Михаилом Степановичем Громадиным мы были знакомы давно. В 1926 году вместе учились в Киевской высшей артиллерийской школе имени С. С. Каменева. Он — на пулеметном отделении, я — на артиллерийском. Обоим пришлось пройти трудными дорогами гражданской войны. Видимо, воспоминания о тех днях и сближали нас

[8]

во время учебы в Каменевке (так называли мы между собой военную школу имени красного полководца С. С. Каменева). А потом наши пути надолго разошлись. И вот новая встреча, уже в иных условиях.

М. С. Громадин

М. С. Громадин

Штаб 1-го корпуса ПВО в ту пору помещался в двухэтажном доме на территории Чернышевских казарм. Некогда здесь была гарнизонная церковь. Потом здание переоборудовали. Кабинет командира корпуса находился в самой верхней части дома, там, где раньше, видимо, был купол церкви. Не очень понравился мне и командный пункт корпуса. Оборудован он был довольно примитивно. Но М. С. Громадин успокоил:

— Здесь вам оставаться придется недолго. Заканчивается отделка специального здания. Там же будет и новый командный пункт, который полностью отвечает всем современным требованиям.

С Громадиным у нас сразу установились хорошие, деловые отношения. Он держался просто, ни в коей мере не стараясь подчеркнуть свое положение. Мы часто беседовали с ним о структуре Московской противовоздушной обороны, ее задачах и принципах организации боевой работы.

В первый же день М. С. Громадин познакомил меня с полковым комиссаром Николаем Федоровичем Гритчиным — начальником отдела политической пропаганды корпуса. С ним бок о бок мне довелось работать всю войну. И я должен сказать, что в лице Николая Федоровича всегда находил деятельного помощника и хорошего товарища.

Н. Ф. Гритчин

Н. Ф. Гритчин

Политработником Николай Федорович стал незадолго до нашей встречи, в конце 1939 года. Тогда Центральный Комитет партии мобилизовал большую группу коммунистов — партийных и советских работников — для укрепления армейских и флотских политорганов. В их числе был и Николай Федорович Гритчин. В свое время он возглавлял одну из районных комсомольских организаций столицы, а потом долгое время был секретарем Фрунзенского райкома партии Москвы.

Гритчину сразу присвоили звание полкового комиссара, но он не производил впечатления человека военного. Однако, обладая большим опытом партийной работы, предельной требовательностью к себе, недюжинным умом, Николай Федорович быстро нашел свое место в армейской

[9]

среде, сразу же завоевал уважение и авторитет у работников управления корпуса и в войсках.

Уравновешенный, рассудительный, немногословный, он не терял присутствия духа в самой сложной обстановке. В трудные дни напряженных боев с воздушным противником приятно было чувствовать рядом с собой такого надежного помощника и советчика.

Вместе с Громадиным и Гритчиным я знакомился с работниками управления корпуса, командирами частей, политработниками. М. С. Громадин очень хорошо знал людей,

отзывался о большинстве из них весьма доброжелательно. Отлично разбирался он и в вопросах боевого применения средств ПВО, ясно представлял себе характер боевых действий при обороне крупного пункта от нападения воздушного противника. Словом, передо мной был зрелый военачальник, а не тот командир-пулеметчик, с которым довелось познакомиться в 1926 году в Каменевке.

Беседы с Громадиным помогли мне быстрее войти в курс дела. Я и не подозревал, что наша военная наука столь детально разработала вопросы противовоздушной обороны крупных административных и промышленных центров. Да это и не удивительно — войска ПВО страны в то время были несколько обособлены. Видимо, в значительной степени это обусловливалось требованиями секретности. Правда, в период предвоенного бурного развития войск ПВО в них направлялось много командиров, инженеров, политработников из полевой артиллерии, пехоты, специальных войск. Среди них у меня было немало знакомых. Но как-то так получалось, что с уходом этих людей в ПВО, я терял их из виду.

Мне пришлось взяться за учебники, усердно знакомиться с директивными документами. До поздней ночи засиживался я над книгами и все больше убеждался, что войска, в которых приходится мне служить, имеют свои, присущие только им особенности, оснащены новейшей по тому времени боевой техникой.

* * *

Становлению и развитию противовоздушной обороны страны Коммунистическая партия и Советское правительство уделяли большое внимание с первых дней рождения нашего государства.

[10]

Центральные партийные и советские органы неоднократно решали вопросы организации противовоздушной обороны Петрограда, Москвы и других городов в период гражданской войны. Все эти важнейшие мероприятия были связаны с именем Владимира Ильича Ленина, которого мы по праву считаем основоположником советской военной науки, в том числе и такого ее раздела, как защита тыла страны от воздушного нападения.

В период между первой и второй мировыми войнами бурно развивался новый род войск — авиация. Отсюда и то большое внимание, какое в империалистических государствах уделялось созданию мощной авиационной промышленности.

При этом совершенно четко проявлялась тенденция — отводить главенствующую роль бомбардировочной авиации. Военно-воздушные силы в целом рассматривались как одно из решающих средств в грядущей войне, а воздушный океан — как плацдарм для развертывания главным образом наступательных действий.

Советская военно-теоретическая мысль правильно определила перспективы развития ВВС потенциальных противников нашей страны и связанную с этим угрозу воздушного нападения на тыловые объекты и важные экономические районы государства.

В годы предвоенных пятилеток был заложен фундамент обороноспособности нашего государства. Создание отечественной тяжелой индустрии, коллективизация сельского хозяйства, развитие науки и культуры способствовали росту технической оснащенности, совершенствованию организации всех родов войск, в том числе и Войск противовоздушной обороны.

В 1939 и начале 1941 года создавались новые части и соединения ПВО, устаревшее вооружение и боевая техника заменялись новыми, более совершенными.

Противовоздушной обороне отводилась очень ответственная роль: она должна была в случае войны обеспечить нормальную работу тыла страны, его высокую активность, способность снабжать фронт всем необходимым для ведения напряженных и длительных боевых действий против сильного врага в условиях массового применения авиации. Под прикрытием этого своеобразного щита в начальный период войны должно было проводиться беспрепятственное мобилизационное развертывание Вооружен-

[11]

ных Сил и оборонной промышленности. Такие задачи стояли перед противовоздушной обороной Советского Союза.

Естественно, что детально был разработан план противовоздушной обороны Москвы. Он предусматривал, возможность отражения воздушного противника с любого направления, в любое время суток, при разных погодных условиях и разной высоте полета вражеской авиации (от бреющего полета до высоты 10 тыс. метров). В соответствии с этими принципами и были разработаны основные положения плана противовоздушной обороны Москвы.

1. Перед истребителями ПВО ставилась задача уничтожать самолеты противника на расстоянии 150—200 километров от столицы. Для этого вокруг Москвы в радиусе 100—120

километров развертывалась аэродромная сеть.

2. Боевые порядки зенитных артиллерийских частей обеспечивали круговую оборону города. Наибольшая плотность огня предусматривалась в северо-западном, западном и юго-западном направлениях.

3. Боевые действия истребительной авиации и зенитной артиллерии в ночных условиях обеспечивались световыми прожекторными полями. В первую очередь они создавались на наиболее вероятных направлениях нападения авиации противника — к западу и югу от Москвы. Всего было 16 таких полей, каждое глубиной 30—35 километров.

4. Для обороны центра города, его западной и южной окраин от нападения пикирующих и низколетящих самолетов врага предназначались части аэростатов воздушного заграждения.

5. Разведку авиации противника должны были вести части воздушного наблюдения, оповещения и связи (ВНОС), обеспечивая обнаружение неприятеля с рубежа 200—250 километров от Москвы. Радиолокационные станции обнаружения (РУС-1 и РУС-2) развертывались на рубеже Ржев — Вязьма.

6. Предполагалось создать ложные объекты и произвести маскировку важных объектов Москвы.

Знакомясь с теоретическими проблемами организации противовоздушной обороны, я изучал и особенности родов войск, входивших в состав ПВО.

Лучше других родов войск я, конечно, знал зенитную артиллерию. Но и здесь для меня было много нового.

[12]

Прежде всего, характер целей. Если «полевикам» и приходилось стрелять по движущимся объектам, то скорость их не превышала 30—40 километров в час. Между тем воздушный противник уже тогда летал со скоростью до 550 километров в час и находился в зоне обстрела всего 2—3 минуты. Такую цель не возьмешь «в вилку», не проведешь по ней предварительную пристрелку. Каждый залп должен быть рассчитан на поражение! Немало и других особенностей было у зенитной артиллерии в отличие от полевой.

Не мог меня не интересовать в тот период и вопрос о новом помещении для командного пункта и штаба корпуса. В начале июня в сопровождении начальника штаба корпуса полковника Михаила Григорьевича Гиршовича я отправился в новое здание, предназначенное для управления корпуса. К тому времени строительство большого, хорошо спроектированного дома в центре города было уже закончено. Шли внутренние отделочные

работы. Осматривая многочисленные помещения, я мысленно благодарил проектировщиков, строителей. С признательностью подумал я и о Маршале Советского Союза С. М. Буденном, который очень много внимания уделил этой стройке, будучи командующим Московским военным округом, а затем — заместителем Наркома обороны СССР.

Большое впечатление на меня произвел командный пункт. Находился он здесь же, под домом, на глубине пятидесяти метров.

По левую сторону длинного, ярко освещенного коридора — многочисленные двери. Гиршович открыл одну из них:

— Здесь пункт управления командира корпуса.

Стены обиты бархатом, чтобы приглушать звук, мягкая мебель, отлично продуманное освещение, хорошая вентиляция. Все это вначале показалось мне излишней роскошью. Однако очень скоро я убедился, как облегчили нам выполнение трудных обязанностей розданные здесь удобства.

В середине зала, куда мы с Гиршовичем вошли, помещался большой стол с пультом управления. Пользуясь им, можно было связаться с любой частью, с каждым из начальников родов войск, с городскими организациями и правительственными учреждениями.

[13]

Рассказывая мне о назначении различной аппаратуры, М. Г. Гиршович с какой-то таинственностью показал на один из телефонов:

— Этим аппаратом пользоваться запрещено. Он запломбирован. По нему можно говорить только в крайнем случае...

— Ладно, — ответил я, — тут и без него достаточно различных средств связи.

Проектировщики нашего «подземного замка» предусмотрели все до мелочей. Не выходя на поверхность земли, мы могли принять горячий душ, отдохнуть, поесть. В случае недостатка воздуха можно было включить кислородное оборудование.

Как не походил наш КП на тесные казематы руководителей ПВО Берлина, которые мне довелось осматривать в 1945 году, сразу же после разгрома гарнизона немецкой столицы. Пункты управления противовоздушной обороны Берлина находились в тесных помещениях, не обеспечивающих дежурным расчетам элементарных удобств. Признаться, мы были удивлены. Ведь в гитлеровских войсках штабы и командные пункты всегда оборудовались добротно. Но оказалось, что противовоздушной

обороне в Германии вообще не повезло. Хвастливое заявление Геринга о том, что на рейх не упадет ни одной бомбы, принималось всерьез.

...Мы долго ходили по комнатам нашего КП. Слева от зала, где размещался пункт управления командира корпуса, находилась комната оперативной группы начальника зенитной артиллерии, справа — командира 6-го авиационного корпуса. В этом было нечто символическое: старший авиационный начальник являлся правой рукой командира корпуса ПВО, а начальник зенитной артиллерии — его левой рукой.

Верхний этаж КП занимал главный пост ВНОС. Там хозяйничал со своими подчиненными начальник службы воздушного наблюдения, оповещения и связи полковник А. Н. Глазер. Рядом находилась оперативная группа прожектористов, возглавляемая начальником прожекторной службы полковником Б. В. Сарбуновым, и некоторые другие службы.

А потом свое огромное заведование показывал мне начальник командного пункта инженер-полковник Н. А. Захаров, человек обширнейших знаний и предель-

[14]

ной добросовестности. Он рассказал, что в специальном помещении смонтирована достаточно мощная электростанция для обеспечения нужд командного пункта на случай аварии городской сети. Замечу кстати, что на протяжении всей войны включать ее приходилось только для проверки. Московская энергосистема работала бесперебойно, также как водопровод и канализация — словом, все коммунальное хозяйство большого города.

Возвращаясь в старое помещение штаба, я чувствовал огромное удовлетворение: Московской противовоздушной обороне придается действительно большое значение, если с такой заботой относятся к ее нуждам.

Через несколько дней я решил выехать в лагеря для знакомства с войсками. Там в ту пору находилась основная часть зенитной артиллерии, зенитно-пулеметных и прожекторных подразделений. Отправился я в лагерь вместе с начальником артиллерии корпуса полковником Л. Г. Лавриновичем.

Л. Г. Лавринович

Л. Г. Лавринович

Путь был неблизкий — 140 километров. Но время пролетело быстро. Всю дорогу Лавринович с увлечением рассказывал мне о том, как в частях учатся уничтожать воздушные цели первым залпом, первыми очередями, разъяснял, в чем секрет успеха.

Мы проезжали мимо сосновых и березовых перелесков, зеленеющих лугов, тихих речушек. Свернув с шоссе на проселочную дорогу, помчались вдоль берега реки и вскоре прибыли в лагерь. Строгий воинский порядок, отличная организация занятий и стрельб, хорошо налаженный быт красноармейцев и командного состава радовали сердце. Конечно, не ускользнули от нас и некоторые недостатки. Разумеется, я ревниво сравнивал организацию службы здесь и в родном Рязанском училище, понимая, конечно, что условия слишком разные.

Жизнь в лагере шла по строго намеченному плану. Повсюду в тени могучих сосен были оборудованы летние классы. Здесь проводились занятия по теории стрельбы, изучались уставы, шла политическая учеба. А в артиллерийском парке, что раскинулся на несколько километров вдоль реки, непрерывно клацали затворы десятков орудий, поднимались в зенит и опускались вниз длинные пушечные стволы, сверкали на солнце гильзы учебных снарядов.

Когда в какой-нибудь батарее проводилась тренировка на слаживание, с ее позиции доносились доклады, номера, считывавшие величину установки трубки, выкрикивали данные, басисто гудели ревуны орудий, подавалось множество различных команд и докладов об их исполнении. В этом многоголосом хоре мне нелегко было сразу разобраться. Я испытующе посматривал на Лавриновича. Тот довольно прищуривался. Значит, все в порядке.

Вскоре и я стал легко ориентироваться в происходящем. Стрельбы на полигоне проводились круглые сутки. Днем здесь преимущественно вели огонь расчеты счетверенных пулеметных установок и 37-мм зенитных орудий. Они стреляли по матерчатому конусу, который буксировался самолетом. После того как заканчивали стрельбу несколько пулеметных расчетов, экипаж самолета-буксировщика сбрасывал конус, и начинался подсчет пробоин. Отличить «свои» пробоины от попаданий соседей наводчикам было нетрудно: пули каждого расчета имели свой цвет, и потому на краях пробоин в конусе оставались следы различной краски.

Артиллерия среднего калибра также вела огонь по конусу, но чаще всего ночью, когда мишень освещалась лучом прожектора. Нужно сказать, что на изготовление конусов, или рукавов, как их называли авиаторы, приходилось расходовать немало средств. После каждого захода самолета-буксировщика мишень превращалась в решето. А были и такие наводчики-виртуозы, что, на горе авиаторам, умудрялись перебивать пулями и трос, которым буксировался конус. Практика, полученная на полигоне нашими зенитчиками, помогла им впоследствии уверенно поражать и реальные цели — вражеские самолеты.

В программу подготовки подразделений зенитной артиллерии были включены и специальные стрельбы: по пикирующему самолету, по снижающимся парашютистам, по штурмовикам, по наземным целям прямой наводкой и с закрытых позиций. Знакомясь с боевой учебой на полигоне, я обратил внимание, что к отработке этих упражнений иные командиры относятся как к делу второстепенному. Некоторые из них имели весьма смутное представление о том, как вести огонь по ненаблюдаемой наземной цели, а многие расчеты были слабо подготовлены к борьбе с движущимися танками.

[16]

Зная хорошо эти виды стрельб, я рассказывал о них командирам, требовал, чтобы каждая батарея была готова к выполнению таких задач.

Конечно, я не мог тогда предвидеть, что очень скоро нашим зенитчикам пригодятся эти навыки при отражении танковых атак врага.

Несколько дней, проведенных в лагерях, пролетели незаметно. Подошла суббота, и я заспешил в Москву: на понедельник было назначено штабное учение войск ПВО. К нему следовало подготовиться. Оставив полковника Лавриновича в лагере руководить стрельбами, я отправился в обратный путь.

Столица была особенно оживленной в этот летний субботний день. У школьников и студентов уже начались каникулы, повсюду встречались группы молодежи.

Стоило мне появиться дома, как жена и ребятишки атаковали просьбами съездить куда-нибудь, например, на Сельскохозяйственную выставку.

Мне и самому хотелось побывать там. Хотя я довольно часто прежде наведывался в Москву, но всегда наездами, всегда был ограничен временем. И поэтому знал столицу мало. Решили отправиться на Сельскохозяйственную выставку во второй половине дня, а до этого мне необходимо было заехать в штаб и детально ознакомиться с планом предстоящего учения.

И вот я в своем кабинете. Передо мной карта. По ней изучаю боевой порядок Московской зоны ПВО и 1-го корпуса противовоздушной обороны, район действия их средств. Москва на карте очерчена двумя красными окружностями. Радиус большей из них 120 километров. На таком удалении от столицы должны встречать воздушного противника самолеты-истребители Московской зоны противовоздушной обороны. Вторая окружность — на расстоянии 30—40 километров от центра Москвы. Внутри ее — зона действия наземных средств ПВО: зенитной артиллерии среднего и малого калибра и зенитных пулеметов.

Советская военная наука достаточно детально разработала вопросы защиты тыловых объектов от налетов вражеской авиации. В соответствии с ее выводами противовоздушная оборона строилась на совместном использовании родов войск ПВО и единстве управления ими в бою.

[17]

Наибольшие силы и средства ПВО предполагалось сосредоточить в районах объектов, имевших наиболее важное стратегическое значение. При этом войска группировались по принципу круговой обороны, с усилением на наиболее угрожаемом направлении. Предусматривалось тесное взаимодействие всех родов войск ПВО, маневрирование силами и средствами в ходе боевых действий.

С учетом этих важнейших принципов и была организована Московская противовоздушная оборона. Она располагала вполне достаточными силами и средствами, чтобы противостоять сильному воздушному противнику.

В состав 1-го корпуса ПВО входили шесть зенитных артиллерийских полков, имевших на своем вооружении 548 орудий среднего и 28 орудий малого калибра. С ними должны были взаимодействовать подразделения зенитного пулеметного полка, располагавшего 81 счетверенной установкой, иначе говоря — 324 пулеметными стволами[1]. В корпусе имелось также два полка аэростатов воздушного заграждения.

Для предупреждения всех этих средств о налетах воздушного противника вокруг Москвы была развернута сеть наблюдательных постов двух полков ВНОС. Первое кольцо постов наблюдения находилось в 200—250 километрах от Москвы, второе — в 170—180 километрах. Оба кольца соединялись между собой радиальными линиями постов, расположенных в шахматном порядке. На расстоянии 120 километров от столицы проходила граница «сплошного поля наблюдения». Вся эта система, включавшая по штатам военного времени 580 наблюдательных постов, множество взводных, ротных и батальонных пунктов, была связана телефонными линиями или по радио с главным постом ВНОС.

Корпус располагал и техническими средствами обнаружения воздушных целей — радиолокаторами РУС-1, входившими в отдельный радиобатальон. Правда, к началу войны мы имели лишь несколько таких установок. Они вели наблюдение в западном направлении. К сожалению, РУС-1 могли лишь фиксировать появление целей, но не могли определять их координаты.

[18]

В состав 1-го корпуса ПВО входили два прожекторных полка, располагавших 318 станциями, находившимися на позициях. Они должны были создавать так называемые световые прожекторные поля для обеспечения боевых действий истребительной авиации ПВО ночью. Конечно, мы не располагали тогда таким количеством прожекторов, чтобы образовать вокруг Москвы сплошное световое поле. Перекрывались лишь районы наиболее вероятных маршрутов неприятельских самолетов, где истребители могли особенно нуждаться в помощи прожектористов.

В зоне действия зенитной артиллерии для обеспечения прицельной стрельбы в ночное время предусматривалось

использование прожекторных батальонов, входивших в состав зенитных артиллерийских полков. При этом имелось в виду, что самолеты врага, обнаруженные и взятые в лучи в световых прожекторных полях, если их не удастся сбить истребителям, должны будут передаваться освещенными в световую зону зенитной артиллерии.

Теперь об истребительной авиации. Накануне войны 6-й истребительный авиационный корпус, которым командовал полковник И. Д. Климов, состоял из 11 истребительных авиационных полков — 387 боевых экипажей. К сожалению, из них только 175 экипажей имели самолеты Як-1, МиГ-3, ЛаГГ-3, остальные летали на истребителях И-16 и И-153, имевших относительно низкие боевые качества.

И. Д. Климов

Сформирован корпус был буквально накануне войны, 20 июня 1941 года, на базе двух истребительных авиационных дивизий. Таким образом, полковнику Климову, как и мне, в ходе войны пришлось заниматься слаживанием новых частей и органов управления корпуса. На плечи И. Д. Климова легла вся тяжесть формирования 6-го истребительного авиационного корпуса и руководства его боевой деятельностью при отражении массированных налетов вражеской авиации. Имея большой опыт

и знания, Иван Дмитриевич умело командовал крупным соединением.

Деятельную помощь Климову оказывали начальник штаба корпуса полковник И. И. Комаров, начальник отдела политической пропаганды полковой комиссар И. А. Орлов и другие товарищи. Опытными летчиками

[19]

и прекрасными руководителями были и все командиры полков. 11-м истребительным авиационным полком командовал подполковник Г. А. Когрушев, 16-м — майор Ф. М. Пруцков, 24-м — майор А. М. Степанов, 27-м — подполковник П. К. Демидов, 34-м — майор Л. Г. Рыбкин, 120-м — майор А. С. Писанко, 176-м — майор Г. П. Макаров, 177-м — майор М. И. Королев, 178-м — майор Р. И. Раков, 233-м — майор К. А. Кузьменко и 309-м — подполковник А. Г. Минов.

За месяц службы на новой должности мне удалось более или менее обстоятельно побеседовать с командирами полков, политработниками частей. В лагере был собран весь находившийся там командный и начальствующий состав. Я представился ему и высказал свои пожелания. Там же познакомился я и с воинами многих подразделений.

Конечно, это были лишь мимолетные встречи. Мне еще предстояло изучать своих подчиненных — их запросы, интересы, способности. Ведь в бою я буду руководить этими людьми.

...Я еще и еще раз продумывал возможные варианты решений, которые придется принимать во время учения. Правда, учение предстояло штабное. Но для меня оно означало многое. Я должен был проверить свою способность уверенно ориентироваться в сложной воздушной обстановке, мгновенно оценивать ее и принимать обоснованные решения.

В три часа дня я уехал домой, а вскоре вместе с семьей был уже на выставке. Мы не спеша бродили по павильонам, не уставая удивляться и восхищаться. Особенно долго я любовался грациозными скакунами и могучими тяжеловозами. Они напомнили мне детство, проведенное в степной Башкирии. Конь был моим верным другом и в боях с басмаческими бандами.

Выставка произвела на нас огромное впечатление. Мы готовы были осматривать ее до ночи, но около одного из павильонов меня нашел адъютант.

— Товарищ генерал, — торопливо доложил он, — вам приказано немедленно явиться на командный пункт.

Я посмотрел на часы: восемнадцать тридцать пять. «Что бы это могло быть? Очевидно, что-то связанное с учениями». На КП

оперативный дежурный сообщил:

— Вам нужно позвонить начальнику штаба округа.

[20]

Разговор связан с необходимостью вызвать из лагерей несколько подразделений.

Это известие утвердило меня в моем предположении.

Не успел я взяться за телефонную трубку, как на командном пункте появился М. С. Громадин.

— Только что звонил командующий округом, — сказал он. — Приказано вызвать из лагерей и поставить на позиции двадцать процентов из всех имеющихся там войск.

Мы решили, что учение будет проводиться с реальными войсками, и отдали распоряжение связаться с лагерем. «Что ж, наши зенитчики и прожектористы получат хорошую практику в совершении марша по тревоге», — подумалось мне.

Пока я вел переговоры по телефону с Л. Г. Лавриновичем о порядке отбора подразделений для отправки на позиции, а он проверял, какие из батарей уже провели стрельбы, поступило новое распоряжение: вызвать из лагеря не двадцать процентов, а половину всех войск.

— Ну, кому-то не спится, заново переделывают план учений, — ворчал Громадин. — Этак мы поломаем в лагерях весь график стрельб.

И снова связываемся со штабом лагерного сбора. Я представил себе, сколько хлопот у Лавриновича вызвали эти распоряжения, как забегали сейчас по уснувшему лагерю посыльные, как надсадно зазвонили во всех концах телефоны. Ведь нужно по-иному перестраивать четко налаженный распорядок, позаботиться о транспортных средствах, горючем. Шутка ли, сразу половину полков поставить на колеса! Не так-то уж богато у нас с автомобильным парком.

Где-то за полночь поступило еще одно распоряжение: выводить на позиции всю зенитную артиллерию.

Тут уж у нас начался подлинный аврал. Надо было прибегать к самым экстренным мерам, чтобы обеспечить находящиеся в лагерях подразделения тягачами и хотя бы минимальным количеством транспорта. Дело в том, что в наших частях, предназначенных для полустационарного размещения подразделений, и по штатному расписанию не предусматривалось достаточного числа тягачей и машин. А в наличии их обычно было еще меньше.

Все это может показаться странным, если боеготовность наших войск того периода оценивать с позиций

[21]

сегодняшнего дня. В самом деле, допустимо ли, что подразделения не располагают необходимыми средствами тяги и транспорта, что части противовоздушной обороны — войск постоянной боевой готовности — в большинстве своем находятся в лагерях, а не на огневых позициях? В современных условиях это, безусловно, недопустимо. Но в 1941 году страна еще не могла полностью удовлетворить всех потребностей своих Вооруженных Сил. Вывод же частей в лагеря был вполне оправдан.

Дело в том, что в ту пору ни одна страна не имела таких военно-воздушных сил, которые были бы в состоянии осуществлять внезапные массированные налеты на тыловые пункты противника, удаленные на тысячи километров от государственных границ. При возникновении угрозы воздушного (нападения войска ПВО Москвы могли своевременно изготовиться к отражению налета. Так, собственно, и произошло в 1941 году.

Забот и хлопот с передислокацией войск в ту ночь у нас было много. Мы и не замечали, как летит время. Взглянув на часы, я поразился: было около трех утра. Значит, там, наверху, уже начинает светать, а здесь, в нашем подземелье, об этом напоминают лишь стрелки хронометров.

На душе было как-то тревожно — уж не война ли это? Такой же вопрос я читал в глазах своих подчиненных. Но, разумеется, вслух его никто не задавал.

На командном пункте собрались все, кому положено там быть во время боевой работы. В помещении стало шумно: высказывались предположения о том, как сложится предстоящее учение, звонили командиры частей, докладывая о ходе развертывания подразделений, отдавались различные распоряжения.

В этой деловой суете никто сразу и не обратил внимания на звонок одного из телефонов, стоявших рядом с моим пультом управления. А телефон, помолчав немного, снова зазвонил, длинно и требовательно. Моя рука машинально потянулась к трубке, но вдруг застыла в воздухе. Звонил «запломбированный» телефон.

Секунду помедлив, снял трубку. Далекий взволнованный голос несколько раз повторил:

— Москва, Москва, говорит Минск. Бомбят аэродромы Гродно и Лиды. Вы слышите, Москва?

[22]

— Слышу, — ответил я и подумал: «Значит, учение уже

началось». Все еще не верилось, что это война.

Пока мы обсуждали полученное сообщение, наносили на карту данные, телефон зазвонил снова. Говорил оперативный дежурный с командного пункта ПВО Киева:

— Самолеты противника бомбят город. Горит Соломенка.

Почти без паузы раздался еще один звонок:

— Самолеты неизвестной принадлежности сбрасывают торпеды в акваторию Севастопольского порта. Зенитная артиллерия кораблей и береговой обороны ведет по ним огонь.

Сомнений быть не могло — это война.

Вскоре поступило донесение о воздушном нападении на Брест. Почти одновременно М. С. Громадин получил официальное сообщение о вероломном нападении Германии на нашу страну и приказал принимать меры согласно мобилизационному плану.

А «особый» телефон продолжал звонить. Поступило донесение о бомбардировке Вильнюса...

В 4 часа 40 минут утра был отдан приказ о приведении всей системы противовоздушной обороны Москвы в боевую готовность и приняты меры для вызова в части приписного состава.

[23]

Глава 2. Боевой приказ отдан

Части готовы к бою. Налет? Нет, учебная тревога. Новые формирования. Выполняем директивы Ставки. Противник ведет разведку. Первые победы. Бомбы падают на ложные объекты. Сталин принимает у нас экзамен.

Как только был подписан приказ, в войсках началась напряженная работа по выполнению мобилизационного плана. К тому времени зенитные батареи, прожекторные и пулеметные роты, прибывшие из лагеря, уже заняли огневые позиции, другие подразделения находились в пути, третьи еще ожидали своей очереди. Нужно было ускорить развертывание корпуса. Для этого предстояло скрупулезно уточнить наличие транспортных средств, по мере надобности перераспределять их между частями, организовывать наиболее рациональное использование автомашин и тракторов. Заняться этим я поручил свободным от дежурства работникам штаба. Самое деятельное участие во всех мероприятиях приняли и работники отдела политической пропаганды корпуса под руководством Н. Ф. Гритчина.

Сейчас, восстанавливая в памяти события первых дней войны, перелистывая документы, удивляюсь: «Поразительно, как мы успевали со всем справляться? Ведь в штабе и отделе политической пропаганды корпуса было в то время всего около 80 человек».

После выступления по радио Народного комиссара иностранных дел В. М. Молотова в стране повсеместно прошли короткие митинги. Народ выражал свою непреклонную решимость грудью встать на защиту Родины, дать достойный отпор врагу.

То обстоятельство, что в первых агрессивных актах гитлеровцев против нашей страны участвовали большие

[24]

силы авиации, заставило нас особенно остро осознать свою роль в обороне государства.

Находясь на командном пункте, я имел возможность довольно точно знать, как продвигаются колонны подразделений, следующие из лагерей к Москве, как оборудуют позиции те, кто уже встал на «точку». К сожалению, не все шло гладко. Хотя

мобилизационный план, казалось, предусматривал все, на деле обнаруживались изъяны, и приходилось оперативно вносить коррективы, требовать от подчиненных командиров инициативнее решать возникшие вопросы.

Несмотря на различные трудности и некоторые неполадки, войска корпуса в целом достаточно успешно провели развертывание. К 19 часам 22 июня на позициях в готовности к боевой работе уже находились 102 зенитные артиллерийские батареи и 18 прожекторных рот, входивших в состав зенитных полков. На дальних и ближних подступах к столице развернулось свыше 530 постов воздушного наблюдения, оповещения и связи. Это была уже сила, способная дать отпор воздушному противнику. А еще через сутки, то есть спустя 38 часов после объявления приказа о развертывании, все наземные средства ПВО Москвы были изготовлены к бою.

На защите столицы

На защите столицы

Проще дело обстояло с авиацией. Части 6-го истребительного авиационного корпуса находились на своих аэродромах, на месте был весь летный и технический состав. Это случилось потому, что 23 июня по плану боевой подготовки предстояло провести учение. Авиационные штабы также были в боевой готовности.

Я не могу, конечно, утверждать, что мы предугадали развитие событий. Однако запланированное учение авиаторов являлось

одним из звеньев той большой работы, которая проводилась у нас в целях повышения боеготовности войск.

В первые дни войны командование корпуса обратилось к воинам с воззванием. В нем, в частности, говорилось:

«Партия и правительство возложили на нас, зенитчиков-артиллеристов, вносовцев, аэростатчиков и прожектористов, почетную обязанность, поручив охранять Москву — сердце страны социализма, штаб мировой социалистической революции.

Выполнение этой великой задачи является делом че-

[25]

сти, доблести и геройства каждого бойца, командира и политработника нашего соединения...»[2]

В эти дни под Москвой повсюду велись строительные и земляные работы. Зенитные батареи, расчеты прожекторов и звукоулавливателей, постов ВНОС и аэростатов заграждения оборудовали позиции, строили жилье, кухни. Авиаторы сооружали капониры, запасные аэродромы. Развертывались многочисленные командные пункты. Они нуждались в связи, и телефонные линии прокладывались но лесам и полям Подмосковья, а в некоторых местах даже по дну рек. Протяженность кабельных линий связи была огромной. Если бы представилась возможность вытянуть их в одну непрерывную линию, то она опоясала бы весь земной шар по экватору и еще остался бы солидный запас.

Огневая позиция зенитчиков у Никитских ворот

Огневая позиция зенитчиков у Никитских ворот

Таким образом, все звенья Московской противовоздушной обороны были связаны между собой и с главным командным пунктом, что позволяло управлять сложной системой средств ПВО, быть в курсе всей воздушной и наземной обстановки.

Корпус ПВО, развернутый по штатам военного времени, — это огромный и чрезвычайно расчлененный на обширной территории войсковой организм. Его деятельность немыслима без строжайшей централизации, теснейшего взаимодействия всех больших и малых звеньев. Нечеткость в работе одного из них может привести к бездействию всей системы.

Огромное внимание в войсках противовоздушной обороны уделяется службе времени. Расхождение в показаниях часов не только на минуты, но даже на секунды способно серьезно осложнить взаимодействие. Поэтому с главного командного пункта с первых дней войны по телефону и радио стали периодически передаваться сигналы точного времени для всех командных пунктов, огневых позиций, постов ВНОС и других точек.

По сравнению с предвоенным временем численность личного состава войск корпуса сразу же увеличилась в семь с половиной раз, а количество подразделений — почти вдвое. Обучить и натренировать сразу стольких людей было не так-то просто. Все понимали, что никто не может дать нам гарантии: учитесь спокойно, у вас

[26]

есть время, боевой работы пока не предвидится. Поэтому вновь прибывших бойцов приходилось обучать по ускоренной программе, тренировать в выполнении лишь самых необходимых приемов боевой работы.

Нужно отдать должное нашим кадровым красноармейцам и младшим командирам, получившим подготовку в мирное время. Они стали костяком вновь сформированных подразделений, прекрасными инструкторами для новичков.

Проверка системы ПВО Москвы, нашей готовности к отражению налетов воздушного противника произошла очень скоро, гораздо раньше, чем мы научились по-настоящему решать боевые задачи.

На исходе вторых суток войны, в 3 часа утра 24 июня, группа наших бомбардировщиков возвращалась с боевого задания на один из подмосковных аэродромов. Они потеряли ориентировку и направились прямо к городу. Наблюдатели многих постов ВНОС в то время еще не имели практики опознавания самолетов по звуку моторов. Не удивительно, что с постов стали поступать самые противоречивые данные. Короче говоря, ситуация создалась сложная. Однако, коль скоро самолеты летели к Москве, было решено открыть по ним огонь.

Безусловно, мы быстро уяснили бы свою ошибку, если бы

«заблудившиеся» бомбардировщики развернулись и поторопились выйти из зоны огня. Но летчики не сделали этого, а один из них даже дал пулеметную очередь по беспокоившей его батарее. К счастью, все обошлось благополучно. Для нас же с Громадиным инцидент был исчерпан значительно позже и прошел вовсе не бесследно.

В то время обязанности начальника Главного управления ПВО Красной Армии исполнял генерал-полковник артиллерии Н. Н. Воронов. Он знал состояние дел в корпусе и быстро разобрался в случившемся. Но отчет о происшедшем эпизоде пришлось сделать и заместителю Наркома обороны армейскому комиссару 2 ранга Л. З. Мехлису. Он приказал Н. Н. Воронову и мне срочно явиться к нему. До этого мне не приходилось встречаться с Мехлисом, но довелось слышать о его крутом нраве, о нетерпимости к каким-либо возражениям.

Было раннее утро, когда мы прибыли в приемную замнаркома. Порученец сообщил, что армейский комиссар

[27]

бреется, придется подождать. Ждать пришлось довольно долго. Наконец нас пригласили в кабинет. Поглаживав свежевыбритый подбородок, Лев Захарович произнес:

— Ночь не спал, а чувствую себя отлично.

Мне показалось, что это укор в мой адрес. Наверное, я выглядел не столь бодрым. Заботы и волнения ночи потребовали много сил. А бриться и принимать ванну просто не было времени.

После небольшой паузы Мехлис обратился уже прямо ко мне:

— Вам что, безразлично по кому стрелять: по немцам или по своим?

Смысл и форма вопроса показались мне очень обидными. Я стал отвечать довольно резко, что и впредь буду отдавать приказы об уничтожении любых самолетов, которые попытаются проникнуть в воздушное пространство Москвы, ибо такое указание имею и так понимаю долг войск ПВО. Меня поддержал Н. Н. Воронов. Он подтвердил, что самолеты действительно шли курсом к центру города.

— Допустить такие полеты авиации, да еще неопознанной, нельзя, — твердо сказал Николай Николаевич.

В самый разгар нашей беседы зазвонил телефон. Тон и выражение лица хозяина кабинета сразу изменились.

— Нет, нет, ничего, — говорил Мехлис, — мы только выясняем некоторые обстоятельства...

Положив трубку, армейский комиссар довольно быстро отпустил нас. Выходя из Наркомата обороны, мы решили, что

Мехлису звонил Сталин.

Вернувшись на командный пункт, я застал там М. С. Громадина. Он рассказал, что недавно докладывал И. В. Сталину о ночном эпизоде. Сталин подробно расспросил обо всем, а потом потребовал разобрать со всеми командирами происшедший инцидент и принять меры к тому, чтобы подобные случаи больше не повторялись. В заключение он сказал: «Будем считать это учебной тревогой противовоздушной обороны». Так потом официально и было объявлено в печати.

Это разъяснение оказалось просто необходимым. Ведь москвичи пребывали в полной уверенности, что налетали вражеские самолеты. Многие из них не только слышали стрельбу, но и видели на улицах, во дворах, на территории предприятий многочисленные неразорвавшиеся «бом-

[28]

бы». Дело в том, что до войны наши зенитчики использовали шрапнель. Ею они вели огонь и в ту беспокойную ночь. При стрельбе шрапнельными снарядами убойные элементы разлетаются в воздухе, а стальные стаканы, в которых они находятся, падают на землю. Вот эти стаканы многие и приняли за неразорвавшиеся бомбы. Почти весь день в отделения милиции, в штаб Московского военного округа и военкоматы звонили с фабрик, заводов, домоуправлений с просьбой прислать саперов для обезвреживания обнаруженных «бомб».

Один такой шрапнельный стакан влетел в кабинет генерала П. А. Артемьева — командующего войсками Московского военного округа. Впоследствии он вручил мне этот «трофей» на память, запретив использовать шрапнель для стрельбы в городе. Этот стакан мне потом отникелировали, и он в течение всей войны стоял с карандашами на моем письменном столе, напоминая о тревожной июньской ночи.

Как ни досаден был эпизод с ночной стрельбой, но все же он принес и некоторую пользу. Мы подробнейшим образом проанализировали причины появления неопознанных целей, выявили пробелы в управлении.

Сразу же были приняты меры для установления более тесной оперативной связи со штабами ВВС и дальнебомбардировочной авиации. Мы обстоятельно договорились с ними относительно своевременного оповещения системы ПВО о всех полетах самолетов в Подмосковье, уточнили маршруты. Хотя в условиях войны вылеты самолетов проводились не по заранее установленному расписанию, а высоты полетов и маршруты выдерживать было довольно трудно, эта мера все же помогла, и

столь досадные эпизоды больше не повторялись. А ведь с подмосковных аэродромов поднимались различные воздушные корабли. Это были дальние бомбардировщики, которыми командовал полковник А. Е. Голованов, самолеты ВВС, летавшие на бомбежку и штурмовку фронтовых целей, самолеты гражданской авиации и других ведомств. Словом, хлопот с организацией диспетчерской службы и взаимодействия было немало.

Мы с глубокой благодарностью восприняли помощь московских партийных и советских организаций, которые всегда с большим вниманием относились к нашим нуждам. МГК ВКП(б) мобилизовал специально для частей

[29]

ВНОС 600 коммунистов. Нам помогли обеспечить все посты ВНОС биноклями, часами, альбомами силуэтов своих и вражеских самолетов. Все это делалось под руководством секретаря ЦК и МГК ВКП(б) А. С. Щербакова.

А. С. Щербаков на позиции 193-го зенитного артиллерийского полка

А. С. Щербаков на позиции 193-го зенитного артиллерийского полка

Внимательно относились к нам и в Центральном Комитете партии. Особенно это было заметно по тому, как заботливо подбирались кадры руководящих работников для нашего корпуса. Когда маршала С. М. Буденного назначили на пост главнокомандующего войсками Юго-Западного направления, на должность начальника ПВО он взял с собой полковника Н. Т.

Селяха, моего заместителя. Признаться, в хлопотах я не успел ни к кому обратиться с просьбой о замещении вакантной должности. Об этом позаботился Центральный Комитет партии. Вскоре мне позвонили и сказали, что заместителем командира корпуса рекомендуется полковник С. И. Макеев.

С. И. Макеев

С. И. Макеев

Семен Ильич Макеев стал моим заместителем. Вместе с ним мы работали долгое время, и я всегда считал, что выбор Центрального Комитета был сделан очень удачно. С. И. Макеев — отлично подготовленный артиллерист-зенитчик, человек высокой культуры. До назначения к нам он работал в Управлении командующего артиллерией Красной Армии Н. Н. Воронова.

С самого начала войны стали приниматься энергичные меры по перевооружению и увеличению войск корпуса. Нескончаемым потоком к нам поступали новые 85-мм и 37-мм зенитные орудия, зенитно-пулеметные установки, самолеты, прожекторы. Особенно интенсивно этот процесс стал осуществляться после того, как Государственный Комитет Обороны 9 июля 1941 года принял постановление о противовоздушной обороне Москвы, в котором были изложены конкретные меры по увеличению численности войск, боевой техники и совершенствованию организационной структуры ПВО столицы. В том же документе предусматривалось создание городских аварийно-восстановительных формирований

местной противовоздушной обороны. Вскоре появились специальные полки по восстановлению дорог, энергетических сооружений и отдельные батальоны по восстановлению других объектов городского хозяйства.

В соответствии с постановлением ГКО от 9 июля 1941 года 6-й истребительный авиационный корпус был усилен еще двумя истребительными авиационными пол-

[30]

ками: 95-м — командир полковник С. А. Пестов и 208-м — командир майор И. Кибирин. На вооружении этих полков находились двухместные многоцелевые самолеты Пе-3. На них были установлены по две 23-мм пушки и два пулемета, а под плоскостями имелось восемь держателей для реактивных снарядов РС-82 и РС-132. Самолеты обладали скоростью 550 километров в час и дальностью полета 2 тыс. километров. К концу июля мы располагали уже 340 новейшими самолетами МиГ-3, ЛаГГ-3 и Як-1, в то время как 20 июня в корпусе их было всего 175. Число полков в соединении за первый месяц войны возросло до 29[3].

Увеличилось и количество наземных частей ПВО. Мы сформировали два новых полка зенитной артиллерии среднего калибра, три полка зенитной артиллерии малого калибра, два зенитно-пулеметных полка и два зенитно-прожекторных полка. К 22 июля 1941 года в корпусе уже насчитывалось 796 орудий среднего калибра (из них 564 пушки 85-мм и 232 пушки 76,2-мм), 248 орудий малого калибра (37-мм), 336 счетверенных пулеметных установок[4].

Это позволило повысить плотность огня в черте города, в частности над Кремлем, районами вокзалов и другими важными объектами. Значительное количество огневых средств было выделено и для усиления обороны города на наиболее вероятных направлениях налетов вражеской авиации. Система ПВО обеспечивала надежную защиту всей территории Москвы, и, кроме того, выделялись средства для обороны отдельных, наиболее важных объектов, расположенных вне города.

Боевые порядки зенитной артиллерии среднего калибра были развернуты с таким расчетом, чтобы каждое из угрожаемых направлений прикрывал один стоорудийный зенитный артиллерийский полк:

— северное направление — 176-й зенитный артиллерийский полк (командир — майор А. В. Кравцов);

— северо-восточное направление — 250-й зенитный артиллерийский полк (командир — майор Н. С. Никифо-

[31]

ров);

— юго-восточное направление — 745-й зенитный артиллерийский полк (командир — майор П. А. Афанасьев);

— южное направление — 329-й зенитный артиллерийский полк (командир — полковник Е. М. Середин);

— юго-западное направление — 193-й зенитный артиллерийский полк (командир — майор М. Г. Кикнадзе);

— северо-западное направление — 251-й зенитный артиллерийский полк (командир — майор Е. А. Райнин);

— центральная группа, защищавшая центр города, — 864-й зенитный артиллерийский полк (командир — подполковник Ф. И. Ковалев).

Все командиры полков были отлично подготовленными офицерами, хорошими организаторами, а П. А. Афанасьев оказался еще и прекрасным хозяйственником.

К этому времени значительно возросло число постов ВНОС, прожекторных станций (с 318 до 618), постов аэростатов воздушного заграждения (со 124 до 303). В последующем из месяца в месяц усиливались все средства обороны города.

При разработке до войны планов противовоздушной обороны Москвы было установлено, что средства 1-го корпуса ПВО должны прикрывать город как единый объект в радиусе 8—10 километров. Организация защиты от воздушного противника важных объектов, не входящих в эту черту, возлагалась на командование Московской зоны ПВО.

Но командующий Московской зоной ПВО генерал-майор М. С. Громадин не располагал ни достаточным аппаратом управления, ни должными средствами для выполнения этих задач. Поэтому нашему корпусу — главной силе в зоне — стали поручать все новые и новые задания. Нас обязали выделить силы и средства для (Обеспечения противовоздушной обороны городов Электросталь и Серпухов, аэродромов истребительной авиации, водонасосных станций за пределами Москвы. Выделили мы орудия и пулеметы для усиления прикрытия Тулы.

А. С. Щербаков попросил нас позаботиться о противовоздушной обороне города Шатура и Подмосковного угольного бассейна. Они снабжали столицу электроэнергией и топливом. Оставить их без прикрытия было нельзя, и наши штабники стали изыскивать для них средства. Позже поступило распоряжение, исходившее непосредственно от Верховного Командования, — прикрыть важ-

нейшие железнодорожные мосты в окрестностях Москвы. Теперь трудно было сказать, где сфера действия 1-го корпуса ПВО, а где — Московской зоны противовоздушной обороны.

Существовавшая в начале войны структура управления Войсками ПВО страны была еще недостаточно совершенной. Истребительная авиация, предназначенная для ПВО, находилась в ведении командования ВВС и только в оперативном отношении подчинялась начальникам противовоздушной обороны пунктов. В двойном подчинении находились и корпуса, дивизии, бригады ПВО. С одной стороны, их деятельностью, планированием боевой подготовки занималось Главное управление ПВО Красной Армии, а с другой — штабы военных округов, на территории которых эти соединения находились.

В ноябре 1941 года эта система была изменена. Государственный Комитет Обороны учредил должность командующего Войсками ПВО территории страны (им стал М. С. Громадин) и его штаб. Некоторые из существовавших ранее зон ПВО были реорганизованы в корпусные и дивизионные районы ПВО, уже не подчинявшиеся командованию военных округов. Правда, истребительная авиация в этот период по-прежнему оставалась лишь в оперативном подчинении начальников ПВО пунктов, и это вызывало немалые трудности.

Наш корпус до реорганизации управления Войсками ПВО страны подчинялся командованию Московского военного округа и входил в Московскую зону ПВО вместе с 6-м истребительным авиационным корпусом, Тульским и Калининским бригадными районами ПВО. Эти соединения составляли немалую часть сил и средств противовоздушной обороны страны.

Все практические вопросы мы решали с командующим Московской зоной ПВО М. С. Громадиным, его начальником штаба генерал-майором артиллерии А. В. Герасимовым. А наиболее важные, принципиальные проблемы противовоздушной обороны Москвы разбирались на самом высоком уровне — в Государственном Комитете Обороны и Генеральном штабе.

А. В. Герасимов

Для командования корпуса всегда были открыты двери к секретарю Центрального и Московского городского комитетов партии А. С. Щербакову, председателю Моссовета В. П. Пронину, секретарю Московского обкома

[33]

ВКП(б) Б. Н. Черноусову и председателю Мособлисполкома П. С. Тарасову. Они всегда внимательно выслушивали нас, охотно помогали.

В. П. Пронин

В. П. Пронин

Вследствие особого положения нашего корпуса нам почти не приходилось обращаться за помощью в Военный совет Московского военного округа и в его штаб. Но так как 1-й корпус ПВО все же был подчинен округу, Военный совет, Политическое управление, штаб МВО считали себя обязанными контролировать нашу деятельность, руководить ею. Мы были признательны командующему округом генерал-лейтенанту П. А. Артемьеву и члену Военного совета бригадному комиссару К. Ф. Телегину за помощь нам советами. Однако для практического решения каких-либо вопросов у штаба округа просто не было возможностей.

Наоборот, командованию округа часто приходилось обращаться за помощью в корпус, так как уже в начале войны в округе почти не осталось других соединений, кроме соединений ПВО. Дело в том, что штаб МВО формировал дивизии, полки, батальоны, оснащал их всем необходимым, но они немедленно передавались фронтам. Приходилось изыскивать резервы для укомплектования новых подразделений. В этой большой и важной работе опорой и базой штаба округа стали части и тылы нашего корпуса.

Уже в первые дни войны, когда мы были поглощены работой по развертыванию системы ПВО, пришла директива о необходимости параллельного формирования противотанковых дивизионов и зенитных артиллерийских полков для

противовоздушной обороны войск на фронтах. Мы понимали, как это необходимо: нашей пехоте не давала покоя вражеская авиация, господствовавшая тогда в воздухе. Нужны были средства ПВО, и мы отдавали свою боевую технику.

Особенно жаль было расставаться с новыми 85-мм зенитными орудиями, которые предназначались для защиты Москвы от воздушного противника. Но и с этим приходилось мириться. Дивизионы, вооруженные такими пушками, прекрасно воевали с танками неприятеля. Зенитные бронебойные снаряды, обладавшие высокой начальной скоростью полета, оказались отличным средством борьбы с бронированными машинами врага.

Корпус ПВО выделял из своего состава для вновь

[34]

сформированных частей кадровых военнослужащих, а взамен принимал новичков.

В эти дни к нам прибыла и большая группа выпускников Рязанского артиллерийского училища. Как родных, встретил я своих бывших воспитанников. Приятно было видеть, какие умелые командиры из них получились. Очень хотелось оставить ребят в корпусе, по по требованию приказа пришлось направить их во вновь формируемые части.

Позже, в декабре 1941 года, я получил письмо от майора А. И. Малофеева. «Товарищ генерал! — писал он. — Наш полк, где почти 40 процентов начсостава Ваши воспитанники-рязанцы, дерется на малоярославецком направлении. Деремся мы неплохо. Выпустили уже 8 тысяч снарядов. И выпустили не напрасно. Семь человек представлено к правительственным наградам. Среди них командир 1-й батареи лейтенант Шершнев, которого Вы, наверное, помните курсантом. Здесь, на фронте, мы убедились, что училище многое нам дало...»

Я и сейчас храню это письмо как дорогую реликвию. Прислали мне и альбом с фотографиями, отображающими боевую деятельность полка. Он сейчас находится в Музее боевой славы Московского военного округа.

Судьба многих бывших воспитанников Рязанского артиллерийского училища мне неизвестна, но уверен, что все они с честью выполнили свой воинский долг.

Инициатива формирования новых частей за счет наших войск исходила, конечно, не от штаба Московского военного округа. Такие решения могли принимать лишь Государственный Комитет Обороны и Ставка Верховного Командования. Так, 17 июля 1941 года мы получили от Ставки срочное задание — сформировать 10 противотанковых полков. На выполнение этой задачи нам дали

всего сутки. Корпус выделил из своего состава 200 орудийных расчетов с их техникой, а потом пришлось «заделывать бреши», готовить новое пополнение.

За первое военное полугодие 1-й корпус ПВО сформировал большое число подразделений, в общей сложности — 72 части. Из них только 19 — для пополнения корпуса. Остальные мы передали для прикрытия объектов Московской зоны ПВО и для действующей армии. В этот период из войск корпуса во вновь сформированные части ушло 3905 командиров и политработников и свыше

[35]

10000 младших командиров и красноармейцев. Так же дело обстояло и в подразделениях истребительной авиации.

В Москве был создан своеобразный формировочный пункт. Тысячи людей, сотни орудий и пулеметных установок прошли через этот гарнизон перед отправкой на фронт. Там постоянно трудились работники штаба и политотдела корпуса. Огромную работу вели комиссар корпуса Николай Федорович Гритчин и начальник политотдела полковой комиссар Н. А. Петров (16 июля 1941 года отделы политической пропаганды в Красной Армии были реорганизованы в политические отделы и введен институт комиссаров в войсках).

Кроме формирования маршевых полков и дивизионов приходилось срочно выполнять и другие задания. Вдруг поступает распоряжение: немедленно выделить 30 тыс. винтовок для дивизий народного ополчения. На другой день: выслать столько-то автомашин для переброски частей на рубеж обороны. Потом еще и еще: приказания, директивы, распоряжения.

Страна и армия напрягали все силы, чтобы сдержать врага, нанести ему наибольшие потери, измотать в боях и подготовить условия для решительного контрнаступления. Вот и приходилось считать и пересчитывать наши ресурсы, с точностью до одного снаряда учитывать их.

Между тем приближение фронта к Москве с каждым днем ощущалось сильнее. В зону действия наших постов ВНОС и истребительной авиации все чаще стали наведываться воздушные разведчики неприятеля. Изучая маршруты их полетов, проложенные на наших картах по донесениям наблюдательных постов, нетрудно было определить, какие направления особенно интересуют противника, откуда он намечает наносить удары по Москве. А что такие удары готовятся, сомневаться не приходилось.

Первый вражеский разведчик появился в нашей зоне в районе

Вязьмы в 18 часов 1 июля. Это был Ю-88. На другой день над Ржевом пролетел «Хейнкель-111», а 4 июля один немецкий самолет достиг западных окраин Москвы. Всего с 1 по 21 июля посты ВНОС зафиксировали 89 разведывательных полетов, а летчики 6-го истребительного корпуса в тот же период провели немало воздушных боев с перехваченными ими неприятельскими самолетами.

Боевой счет открыл лейтенант С. С. Гошко. 2 июля

[36]

он уничтожил «Хейнкель-111», который пытался изучить район Ржева. Это был не только первый вражеский самолет, сбитый в зоне действия Московской противовоздушной обороны, но и первый из 23 воздушных таранов, выполненных во время войны летчиками корпуса.

Когда посты ВНОС донесли о появлении разведчика в районе Ржева, командир 11-го истребительного авиационного полка, базировавшегося на аэродроме близ Великих Лук, получил указание поднять на перехват врага наши самолеты. «Хейнкель» удалось заметить лейтенанту Гошко, пилотировавшему Як-1. После нескольких атак у нашего истребителя отказало вооружение, и тогда Гошко принял решение идти на таран.

Оказавшись над противником, лейтенант быстро настиг его и, сблизившись, винтом своего истребителя ударил по хвостовому оперению «хейнкеля». Таран был выполнен мастерски. Вражеский самолет врезался в землю, а наш летчик сумел посадить машину на свой аэродром и после замены винта вновь летал на ней.

Мы постарались использовать первый боевой опыт для воспитания у наших авиаторов мужества, чувства личной ответственности за выполнение воинского долга. Надо отдать должное политработникам, партийному и комсомольскому активу 6-го истребительного авиационного корпуса и 1-го корпуса ПВО — они использовали разнообразные формы работы, чтобы рассказать всем воинам об итогах первого воздушного боя.

Но этот бой заставил нас сделать и некоторые другие выводы. В первых же атаках на истребителе отказало бортовое оружие. Что это — недосмотр оружейников или недостатки в конструкции вооружения? Как показала проверка, и то и другое. Нам еще много предстояло работать, чтобы научить младших авиаспециалистов правильно эксплуатировать новые типы самолетов, и в частности пушечное вооружение, являвшееся тогда новинкой. Да и конструкторам, производственникам пришлось немало потрудиться над доводкой боевой техники. Все недостатки были устранены в новых модификациях самолета Як,

которые появились в последующие годы.

Вспоминается и другая схватка наших летчиков с воздушным противником. 6 июля стало известно, что в направлении одного из объектов идет группа вражеских бомбардировщиков в сопровождении истребителей.

[37]

Это выглядело уже как разведка боем. На перехват немецких самолетов поднялось звено, возглавляемое старшим лейтенантом В. А. Шишовым из 178-го истребительного авиационного полка. Неприятельских бомбардировщиков было восемь, но Шишов смело повел своих ведомых в атаку. Ему сразу же удалось сбить один из самолетов противника. Строй бомбардировщиков рассыпался. Они стали беспорядочно сбрасывать бомбы и стремительно уходить на запад. Но в это время наших летчиков атаковали фашистские истребители. И снова Шишов бесстрашно ринулся на врага. Ему удалось поджечь один из «мессершмиттов», однако он был ранен в руку. Ведомые прикрыли командира и дали ему возможность выйти из боя. Управляя самолетом одной рукой, старший лейтенант успешно посадил его на свой аэродром. Большое мужество и высокое воинское мастерство Владимир Александрович Шишов показал и в других боях при обороне столицы. В 1942 году ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

Это высокое звание заслужили и два других участника первых воздушных боев под Москвой — лейтенант Владимир Григорьевич Каменщиков и младший лейтенант Степан Григорьевич Ридный.

В. Г. Каменщиков

Лейтенант Каменщиков пришел к нам, уже обладая некоторым боевым опытом. Война застала его на аэродроме близ Белостока. 22 июня он принял первый бой, в котором открыл счет сбитым вражеским самолетам. В наш 126-й истребительный авиационный полк Владимир Каменщиков прибыл, имея на боевом счету четыре уничтоженные неприятельские машины.

Так же стойко и умело он дрался с гитлеровцами в небе Москвы (7 июля сбил «Мессершмитт-109», 10 июля — «Юнкерс-88»), а позже — в небе Сталинграда, куда был послан 126-й истребительный авиационный полк, возглавлявшийся опытным летчиком, участником воздушных боев в Испании и Монгольской Народной Республике майором В. М. Найденко.

В. М. Найденко

Младший лейтенант Ридный открыл свой боевой счет 10 июля, сбив Ю-88. 11 июля он уничтожил в воздушном бою Хе-111, а 12 июля в паре с младшим лейтенантом Иваном Левшой сбил еще два «юнкерса». Позже Ридный тоже сражался под Сталинградом.

С. Г. Ридный

С. Г. Ридный

[38]

Именно из таких летчиков, как В. Г. Каменщиков и С. Г. Ридный, вырастали подлинные советские асы — летчики-истребители, достигшие наивысшего боевого мастерства.

Успешная борьба с вражескими разведчиками не давала возможности командованию 2-го воздушного флота противника детальнее узнать характер построения противовоздушной обороны Москвы. Уничтожая воздушных разведчиков малыми силами, и в основном на дальних подступах к городу, вне зоны действия зенитной артиллерии, мы не позволяли неприятелю вскрыть наши боевые порядки.

Для дезориентации врага по указанию Ставки были закамуфлированы наиболее выделяющиеся здания, замаскирована излучина Москвы-реки около Кремля, созданы многочисленные ложные объекты.

Москвичи-старожилы, безусловно, помнят, как преобразились здания Совета Народных Комиссаров СССР, гостиницы «Москва», библиотеки имени В. И. Ленина, Центрального театра Красной Армии и многие другие.

Московские партийные и советские организации, которым было поручено проведение всех работ по маскировке и созданию

ложных объектов, в короткий срок сумели сделать очень многое.

Вся ответственность за эту трудоемкую и очень нужную работу легла на Михаила Алексеевича Яснова, являвшегося в то время заместителем председателя Исполкома Моссовета. Надо было обладать поистине неисчерпаемой инициативой и энергией, чтобы в трудные дни войны выполнить все, что предложили специалисты. Помогали ему начальник одного из отделов Наркомата внутренних дел подполковник Д. Ф. Федоров, главный архитектор Москвы Д. Н. Чечулин, военный инженер Колосницин, который погиб во время командировки в Сталинград.

Особенно большую роль сыграли ложные объекты. В различных районах под Москвой и на ее окраинах строители возвели макеты, с воздуха воспринимавшиеся как подлинные промышленные предприятия, аэродромы и другие объекты. Приведу несколько цифр, характеризующих эффективность ложных сооружений.

Немецкая авиация неоднократно подвергала ожесточенной бомбардировке «элеватор», построенный в районе

[39]

поселка Плетениха. На этот «важный объект», видимо отмеченный на оперативных картах командования люфтваффе, было сброшено 943 фугасные и зажигательные бомбы. Массированным атакам подверглась и «нефтебаза», выросшая в пригороде Москвы, около Томилино. На нее немецкие летчики израсходовали 402 фугасные и зажигательные бомбы.

Понятно, что «объекты» эти сильно пострадали. Но М. А. Яснов и его помощники не жалели теса, фанеры и красок для восстановления «предприятий», а плотники и декораторы приложили немало усилий, чтобы выполнить эти работы как можно быстрее и лучше.

В один из ясных солнечных дней я решил проверить, насколько правдоподобно выглядят ложные объекты с воздуха. Такое же пожелание высказал и В. П. Пронин. На двух самолетах По-2 мы облетели районы ложных объектов и убедились: они не без основания привлекают пристальное внимание противника.

Как-то на допросе один пленный немецкий летчик сообщил нам, какие комбинации ракет и световых сигналов они получают от своих лазутчиков в нашем тылу, чтобы ночью безошибочно атаковать нужные цели. И тогда в районах ложных объектов стали давать условные сигналы. Вражеские летчики очень старательно следовали этим «подсказкам» и обрушивали свой бомбовый груз на пустыри.

Излюбленным тактическим приемом немецкой

бомбардировочной авиации при ночных налетах было сбрасывание фугасных бомб на очаги пожаров. Самолеты первых эшелонов использовали главным образом зажигательные бомбы, вызывая ими пожары. На них, как на своеобразные маяки, шли другие бомбардировщики. Мы учитывали это. В болотистых и пустынных местах специальные команды заготавливали штабеля дров и хвороста, а когда начинался воздушный налет на город, зажигали их. Гигантские костры, как правило, привлекали внимание фашистских летчиков, и они сбрасывали на них десятки бомб, предназначенных для столицы.

Всего на ложные объекты и искусственные очаги пожаров гитлеровцы обрушили 697 фугасных, 2521 зажигательную и 156 осветительных бомб. В этих районах наши истребители и зенитчики сбили несколько самолетов противника.

[40]

Эксплуатацией ложных объектов занимался в ту пору подполковник Д. Ф. Федоров, человек весьма энергичный и знающий (долгое время он возглавлял одно из строительных управлений Москвы). Нужно сказать, что обслуживание их во время налетов было делом опасным. Но люди работали самоотверженно. Большую роль здесь играл личный пример Д. Ф. Федорова.

Подполковнику Федорову приходилось руководить и восстановительными командами МПВО, лично рекогносцировать здания города, подвергшиеся бомбардировке. Нужно сказать, что для этой цели в Москве и области было создано большое число формирований.

Местная противовоздушная оборона представляла большую силу. В ее состав в общей сложности входило 8 полков, 25 отдельных батальонов и до 5 тыс. групп самозащиты. Организованные на предприятиях и при домоуправлениях, они выполняли ответственную и нелегкую работу: гасили вражеские зажигалки, предотвращая пожары.

Начальником местной противовоздушной обороны по положению являлся председатель Исполкома Моссовета В. П. Пронин. Практическое же руководство ею осуществлял комбриг (затем генерал-майор) С. А. Фролов, а начальником штаба там бессменно был полковник С. З. Лапиров.

* * *

Подходил к концу первый месяц войны. С горьким чувством знакомились мы со сводками Советского информбюро. Противник

оккупировал значительную часть Прибалтики, Белоруссии, Украины. Линия фронта на западе уже проходила у Ельни и Ярцево, на северо-западе — около Великих Лук. Угроза нависала над Ленинградом.

В руках противника оказались крупнейшие аэродромы на территории Белоруссии, откуда он мог организовывать на Москву налеты бомбардировочной авиации в сопровождении истребителей. Было ясно, что гитлеровцы не преминут воспользоваться этими благоприятными условиями, чтобы попытаться нанести по столице бомбовые удары, нарушить ее нормальную жизнь и тем самым дезорганизовать управление страной.

В предвидении налетов мы добивались, чтобы вся

[41]

система противовоздушной обороны Москвы находилась в постоянной готовности к бою, продолжали настойчиво совершенствовать управление войсками, учить людей.

21 июля меня предупредили: «Сегодня начальник Генерального штаба проведет с руководством 1-го корпуса ПВО и 6-го истребительного авиационного корпуса игру на картах. Вам и авиаторам нужно подготовить оперативные группы». Я попытался выяснить подробности, но мне ответили: «Все узнаете на месте».

Часов в пять вечера нас пригласили в особнячок, находившийся во дворе, рядом со зданием штаба корпуса, и проводили в кабинет Верховного Главнокомандующего. Входили мы туда довольно робко. Личность И. В. Сталина в то время была окружена ореолом исключительности и, я бы сказал, некоторой таинственности. Каждое его слово воспринималось как непререкаемая истина.

До этого мне доводилось видеть И. В. Сталина только в президиуме, когда приходилось участвовать в заседаниях сессии Верховного Совета РСФСР, а близко — всего однажды, во время работы XVIII съезда партии, делегатом которого мне посчастливилось быть. Теперь же предстояло не только видеть его, но и держать перед ним экзамен.

И вот мы в просторном кабинете, посредине которого стоит длинный стол. Вдоль одной из стен сидят члены Государственного Комитета Обороны. В углу слева заняли места М. С. Громадин и А. В. Герасимов.

Нам предложили развернуть карты и подготовиться к работе. Когда полковник Н. Ф. Курьянов, начальник оперативного отдела штаба корпуса, разложил свое громоздкое хозяйство на столе,

оказалось, что для карт авиаторов места не осталось. И. Д. Климову и его помощникам пришлось расстилать их на полу.

Наконец все было готово.

— Покажите нам, как вы будете отражать массированный дневной налет авиации противника на Москву, — обратился к нам Сталин. А потом кивнул в сторону Громадина: — Можно начинать.

Игра длилась часа полтора. По данным, заранее подготовленным штабом Московской зоны ПВО (их считы-

[42]

вал генерал Герасимов), ваши операторы наносили на карты обстановку, а я и генерал Климов оценивали ее, принимали необходимые, по нашему мнению, решения и отдавали условно обозначенным войскам соответствующие распоряжения.

Нужно сказать, что авторы разработки создали достаточно сложную обстановку. Согласно их данным, воздушный противник пытался прорваться к Москве тремя большими группами, эшелонированными по высоте и времени. Мне с Климовым пришлось здорово потрудиться, организуя отражение настойчивых атак врага. В пылу работы я незаметно для себя обрел уверенность и перестал волноваться. Видимо, тут мне помог опыт, полученный на фронтах гражданской войны, привычка в любых условиях не терять самообладания.

Пока мы «воевали», И. В. Сталин медленно прохаживался по комнате, наблюдая за тем, как складывается обстановка на наших картах. Когда программа игры была исчерпана, Верховный Главнокомандующий ограничился лишь несколькими замечаниями. Коротко подвел итоги начальник Генерального штаба Г. К. Жуков. Из его слов было ясно, что в основном мы со своей задачей справились.

Затем нам разрешили свернуть карты, и И. В. Сталин сказал:

— Завтра вы нам покажете отражение ночного налета.

Однако второй игре на картах не суждено было состояться ни на следующий день, ни позже. Всего через несколько часов нам пришлось отражать налет на столицу не условного, а вполне реального противника.

Тот факт, что Государственный Комитет Обороны нашел возможность заняться проверкой готовности противовоздушной обороны Москвы, весьма характерен. Руководители партии и правительства придавали огромное значение защите столицы. По всей вероятности, они располагали данными о готовящихся массированных налетах авиации противника на Москву и решили лично убедиться, как готова столица к отражению этих ударов.

Возвратившись к себе на командный пункт, я снова и снова восстанавливал в памяти детали только что проведенной игры. Наверняка не все мы делали правильно. Были, видимо, и недостаточно обоснованные выводы, и не лучшие тактические решения, и просто ошибки. «Ну

[43]

что ж, — успокаивал я себя, — давно ли ты познакомился с новыми для тебя родами войск? Всего два месяца прошло, как принял командование корпусом. К тому же, самое главное — не ошибаться в бою, когда от твоих решений будет зависеть жизнь десятков тысяч людей».

После пережитого волнения я чувствовал себя таким уставшим, будто целый день таскал тяжелые мешки. Познакомившись с обстановкой и отдав необходимые распоряжения, решил подняться к себе и немного отдохнуть. Моя квартира в то время находилась здесь же, в здании штаба корпуса.

Дверь открыла Полина Захаровна — неизменный спутник моей жизни еще с далеких дней гражданской войны. Она без слов поняла мое душевное состояние и, верная своей привычке не докучать расспросами, захлопотала у стола. Но отдыхать долго не пришлось. Зазвонил телефон.

— Товарищ генерал, идут... — послышался в трубке взволнованный голос полковника Н. Ф. Курьянова.

— Кто идет? Говорите толком, — переспросил я, но тут же все понял: налет вражеской авиации.

— В границах нашей зоны появились неприятельские самолеты, — торопливо докладывал начальник оперативного отдела.

— Тщательно наносите обстановку, сейчас буду на КП.

Лифт быстро опустил меня в подземный коридор. И вот уже просторная комната оперативной группы. Даже при беглом взгляде на планшет воздушной обстановки можно было убедиться — противник держит курс на Москву. Первые донесения постов ВНОС уже давали представление о высоте, направлении полета и количестве самолетов врага.

— Частям корпуса положение номер один! — распорядился я. Было 22 часа 5 минут 21 июля 1941 года.

По многочисленным линиям связи, по радио к артиллеристам, пулеметчикам, прожектористам, аэростатчикам, вносовцам, на аэродромы истребительной авиации полетела команда: «Привести в полную боевую готовность технику, нести около нее дежурство, усилить наблюдение за воздухом». Повсюду

на позициях по этой команде началась работа, зарокотали двигатели машин. В считанные минуты вся система противовоздушной обороны столицы была изготовлена к бою.

[44]

Глава 3. Попытки противника таранить нашу оборону

«Граждане, воздушная тревога!». На командном пункте. Герои отражения первого налета. Доклад членам ГКО. Первый поздравительный приказ, первые награды. Налеты продолжаются. Наши политработники. Что такое заградительный огонь. Москвичи — защитники столицы.

Еще перед войной было установлено, что в случае налета вражеской авиации на Москву решение об объявлении воздушной тревоги принимает начальник ПВО города.

Но в ночь первого налета мне не пришлось самому решать этот вопрос. После того как мы доложили обстановку Верховному Командованию, последовал приказ:

— Объявить городу тревогу!

И вот в 22 часа 25 минут в репродукторах впервые послышалось:

— Граждане, воздушная тревога! Воздушная тревога!

Нам предстояло держать первый боевой экзамен и не допустить ошибок, ибо каждая наша ошибка — это раны, нанесенные Москве, это — смерть десятков людей, это — невосполнимые потери национальных культурных ценностей.

У нас еще было время, чтобы подготовить к бою зенитную артиллерию и другие средства, находившиеся в черте города и на его окраинах. Но наблюдательные посты ВНОС, летчики-истребители, прожектористы в световых полях уже приступили к делу.

На командный пункт поступали все новые и новые данные о действиях противника и нашей авиации. Воздушная обстановка на штабных картах и светоплане выглядела уже довольно пестро. Однако главное выделялось очень рельефно: вражеские бомбардировщики шли курсом на Москву.

[45]

Мне нелегко сейчас восстановить в памяти все подробности той ночи. Конечно, все мы были взволнованы, напряжены. Я ощущал биение жилки на виске, но старался держаться уверенно

и спокойно.

Почувствовав какое-то движение среди присутствовавших в помещении, оглянулся. Мимо нашей двери по коридору прошли И. В. Сталин и члены правительства. Их сопровождал М. С. Громадин. А. С. Щербаков зашел в наш зал и находился там, пока продолжался налет. За все время он ни одним словом не отвлек нас от боевой работы.

Первые сообщения от постов ВНОС мы получили ровно в 22 часа, когда они обнаружили на границах Московской зоны противовоздушной обороны одиночные вражеские бомбардировщики, шедшие с трех направлений: северо-западного, западного и юго-западного. За ними с интервалами в 10 минут шли четыре группы самолетов. В общей сложности в воздухе было до 70 бомбардировщиков. Они летели на высоте 2—3 тыс. метров, стараясь строго выдерживать направление вдоль шоссе и железных дорог, идущих к Москве.

Тот факт, что командование немецких ВВС предприняло налет на сравнительно малой высоте, весьма характерен. Фашистские летчики в первый месяц войны, действуя против наших войск и мирного населения ближнего тыла, привыкли к безнаказанности. Подобный опыт ведения войны был у них и в Западной Европе. Однако на этот раз они просчитались.

На пути немецких самолетов в небо то и дело поднимались лучи прожекторов, и сразу же их атаковали наши истребители. Некоторым бомбардировщикам приходилось преждевременно освобождаться от своего смертоносного груза и ложиться на обратный курс. Но многие из них продолжали идти вперед, отстреливаясь от наседавших истребителей.

К зоне действия зенитной артиллерии вся эта армада подходила уже далеко не такими стройными рядами, как вначале. А когда бомбардировщиков встретила стена разрывов, они начали метаться, отыскивая «просвет» в завесах зенитного огня. Но ни одному из них так и не удалось прорваться к городу.

Однако за первым эшелоном шла вторая волна самолетов, затем — третья и четвертая. Последовательны-

ми ударами враг пытался пробить брешь в огневом щите, прикрывавшем столицу.

Напряженно чувствовали мы себя на командном пункте. Впоследствии, когда организация боя с воздушным противником стала делом обычным, мы научились предвидеть, что можно ожидать от него. Пусть фашистские бомбардировщики меняли тактику, шли на какие-то уловки, нам было ясно — это только

варианты боевых действий, ставших привычными. А при отражении первого галета многое приходилось предполагать. И не было полной уверенности не только в том, как поведет себя противник, но и в достаточной эффективности собственных действий.

Должен, однако, сказать, что в главном все происходило именно так, как мы предполагали, планируя боевую деятельность частей корпуса и группы управления. Многочисленные тренировки, проведенные в первый месяц войны, во многом были похожи на наши действия при отражении первого налета.

Ни верхнем этаже командного пункта работали офицеры главного поста ВНОС. Я не видел их, но ясно представлял, с каким напряжением им приходится трудиться, как до предела загружены там все люди. Непрерывные донесения из вносовских рот фиксировались и журналах и на картах. Данных накапливалось так много, что их требовалось сортировать и как бы пропускать через сепаратор: для нанесения на карту командира корпуса необходимо было отбирать только самое сущесвенное. Обязанности такого сепаратора выполнял полковник А. Н. Глазер. Удивительно, как он мог так невозмутимо и, казалось бы, неторопливо действовать в этой напряженной атмосфере, улавливая главное в пестрой картине воздушной обстановки. Тут нужны были и аналитический ум, и глубокие знания и, вероятно, какая-то особая интуиция. А. Н. Глазер обладал всеми этими качествами.

По системе внутренней связи все отобранные данные об обстановке поступали к начальнику оперативного отдела, который работал рядом со мной. Полковник Н. Ф. Пурьянов и его заместитель майор С. В. Павлов, склонились над огромной картой, быстро наносили на нее данные о противнике и о своих самолетах, обозначая места их нахождения миниатюрными свинцовыми

[47]

макетиками. В этот первый налет их было так много, что они едва умещались.

Я почти не отрывался от карты. Вначале, когда вражеские бомбардировщики были еще далеко от черты города, требовалось нацеливать на них истребительную авиацию, организовывать ее взаимодействие с прожектористами. То и дело приходилось нажимать кнопки на концентраторе и отдавать распоряжения:

— Товарищ Климов, поднимите из Ржева две пары в зону семь.

— Товарищ Сарбунов, организуйте прием истребителей в

седьмом световом прожекторном поле.

У нас было строго установлено: как только на Концентраторе включается кнопка для циркулярной передачи командира корпуса и загораются красные сигнальные лампочки на пультах начальников служб, все разговоры в сети должны мгновенно прекращаться. За выполнением этого требования неуклонно следили и я, и полковник Гиршович. Только так можно было оперативно управлять всеми частями и отдавать распоряжения начальникам родов войск. Даже в нервозной обстановке первого налета это правило выполнялось неукоснительно.

Получив боевое распоряжение, полковник И. Д. Климов немедленно производил необходимые расчеты и отдавал соответствующие распоряжения командирам полков. В этой работе ему деятельно помогали начальник штаба корпуса полковник И. И. Комаров и штурман майор П. П. Машенькин. Вся деятельность истребительной авиации отражалась на картах.

Нравилась мне уверенная работа начальника прожекторной службы подполковника Б. В. Сарбунова. Сложное это было в ту пору дело — организовывать взаимодействие с истребителями. Связь с летчиками зачастую отсутствовала, опыт у расчетов был еще невелик, а все решали буквально считанные секунды.

Б. В. Сарбунов

Б. В. Сарбунов

Сарбунов и его подчиненные многое делали, чтобы помочь авиаторам находить и успешно атаковать цели. Прожектористам

пришлось в ту ночь выдерживать и атаки вражеских самолетов, пытавшихся пушечным огнем подавлять прожекторные установки.

Между тем новая волна неприятельских бомбардировщиков приближалась к Москве. И хотя все чаще в

[48]

динамике слышался глуховатый голос полковника Глазера, докладывавшего о сбитых нашими истребителями вражеских самолетах, основная их масса все же подходила к зоне огня зенитной артиллерии. Наступала пора действовать нашим артиллеристам и пулеметчикам.

На моей карте к тому времени стало совсем тесно от пометок и макетиков самолетов. Казалось, уже невозможно разобраться, откуда и куда движутся бомбардировщики. Но Курьянов продолжал невозмутимо прокладывать курс каждого из них, с непостижимой точностью определяя, где какая группа действует.

Сама внешность этого высокого, плечистого сибиряка, его спокойствие вселяли уверенность в тех, кто работал с ним рядом. Нужно сказать, что Николай Федорович успевал еще и прогнозировать возможное развитие событий, помогая мне принимать решения.

Как только противник вошел в соприкосновение с зенитчиками, включился в работу и начальник зенитной артиллерии корпуса полковник Л. Г. Лавринович. Человек по природе весьма подвижный, эмоциональный, он очень живо реагировал на изменения воздушной обстановки, подсказывал командирам полков необходимые решения. Знания и опыт бывалого зенитчика помогали ему ни на миг не терять управления зенитной артиллерией, своевременно переносить огонь на наиболее опасные цели.

Надежной опорой в бою был для меня и начальник штаба корпуса полковник М. Г. Гиршович, необыкновенно работоспособный и аккуратный человек. Он активно участвовал в подготовке данных для принятия решения, успевал фиксировать все перипетии боя в журнале, а когда налет закончился, у начальника штаба все уже было готово для доклада о ходе и результатах боевой работы. Бывало, во время более или менее спокойной обстановки, я разрешал Михаилу Григорьевичу отдохнуть, но он никогда не пользовался этой возможностью.

М. Г. Гиршович

М. Г. Гиршович

Наблюдая за работой подчиненных, я не мог не заметить некоторую скованность, даже растерянность людей в первый период боевой работы. Но она быстро прошла. Начал действовать непреложный закон: успех окрыляет, вселяет уверенность в своих силах.

Рядом со мной находилось лишь несколько человек. Но мне легко было судить о настроении и других работ-

ников оперативной группы по их голосам, раздававшимся в динамике, и докладам Н. Ф. Гритчина, бывавшего во всех помещениях командного пункта.

Пять часов продолжался первый налет. Вот наконец отражена еще одна, последняя волна вражеских бомбардировщиков. Смотрю на часы: три двадцать пять. Там наверху, на земле, сейчас уже наступает раннее июльское утро. Вероятно, противник исчерпал все свои возможности и больше не прилетит. Да и короткая летняя ночь минула. Теперь уже, когда рассвело, наши истребители способны атаковать немецких летчиков повсюду, не ожидая помощи прожектористов.

Выждав еще немного и видя, что посты ВНОС не доносят о появлении новых целей, я принял решение объявить отбой тревоги. Позвонил об этом В. П. Пронину.

Через несколько минут из репродукторов донеслось: «Граждане! Первый массированный налет немецко-фашистской авиации на Москву отражен нашими летчиками и зенитчиками. Опасность миновала!»

Циркулярно соединившись со всеми командными пунктами частей, приказываю:

— Положение номер два. Командирам частей назначить дежурные подразделения. Аэростаты выбрать. Артиллеристам, пулеметчикам и прожектористам почистить боевую технику, подготовить боеприпасы. Истребителям быть готовыми к перехвату и уничтожению вражеских разведчиков.

Первый налет явился серьезнейшей проверкой готовности всех звеньев противовоздушной обороны столицы к выполнению своих боевых задач. В ходе отражения атак вражеских бомбардировщиков нам пришлось пережить и трудные минуты, когда на командный пункт поступали донесения о сброшенных на город бомбах, о возникших пожарах, и радостные, когда нам сообщали о сбитых самолетах противника. Значит, способны мы громить сильного неприятеля, наводившего ужас на жителей многих городов Европы.

Успешному отражению первого и последующих налетов вражеской авиации в очень большой степени способствовала надежная работа связи. Все основные ее направления действовали безотказно. А если и появлялись временные нарушения, связисты оперативно устраняли

[50]

их или мгновенно находили обходные пути для связи с нужным полком.

Радиопередающий центр штаба корпуса находился не в подземном бункере, а на поверхности земли, в обычном домике. Мы располагали несколькими радиопередающими центрами, вынесенными в разных направлениях из Москвы. Это обеспечивало устойчивость радиосвязи с частями даже в том случае, если бы один из них вышел из строя. К счастью, этого не произошло.

В ходе напряженного боя мы не имели возможности получать подробные данные о моральном состоянии людей в частях. Но о благополучном положении дел можно было судить, по результатам их боевой работы. Как потом свидетельствовали политические донесения, случаев малодушия, трусости не было ни в одном из полков, хотя нередко на позициях создавалась сложная обстановка.

Итак, тревожная ночь позади. Воины ПВО с честью выдержали

экзамен на боевую зрелость. Зенитчики, прожектористы, представители других родов войск отлично справились со своими обязанностями. А ведь для большинства из них этот налет был боевым крещением.

В числе летчиков-героев — участников этого боя мне хочется назвать капитана Константина Николаевича Титенкова, командира эскадрильи 11-го истребительного авиационного полка. В короткой ожесточенной схватке, проведенной в лучах прожекторов, он уничтожил флагмана одной из групп бомбардировщиков. Как выяснилось позже, его пилотировал опытный летчик в звании полковника.

К. Н. Титенков

Возвращаясь на аэродром, капитан Титенков увидел, что два наших истребителя атакуют еще один вражеский самолет, Константин Николаевич не мог не вступить в бой. Совместными усилиями капитана К. Н. Титенкова, лейтенанта В. Д. Лапочкина и младшего лейтенанта В. В. Бокача был уничтожен и этот бомбардировщик.

В моей памяти Константин Николаевич Титенков, погибший осенью 1941 года, остался энергичным, смелым и очень скромным человеком. Командиру-коммунисту было присуще высокое чувство личной ответственности. Оно, в частности, нашло очень яркое выражение в его письмо к жене и дочери.

«...Относительно осторожности, о которой ты говоришь, это правильно, — писал Константин Николаевич. —

[51]

Только не в том смысле, как ты это понимаешь. По-моему, быть осторожным — это сейчас значит быть смелым, решительным и, главное, ответственным за судьбу нашего государства».

Нельзя не назвать имя коммуниста старшего лейтенанта Петра Васильевича Еремеева. При отражении первого налета в ночь на 22 июля он атаковал бомбардировщик противника в непосредственной близости от зоны заградительного огня зенитчиков. Его не остановило яростное сопротивление неприятельского самолета. Еремеев даже не заметил, что получил легкое ранение в голову. Он продолжал атаковать врага и добился победы. А когда приземлился и ему сделали перевязку, вновь поднялся в воздух.

Сто семьдесят три боевых вылета совершили при отражении первого налета на Москву наши летчики-истребители. От них потребовалось большое напряжение сил. Ведь в ту нору только каждый пятый или шестой летчик в полку мог вести боевую работу ночью. На их плечи и легла основная тяжесть.

В ночь на 22 июля в небе Подмосковья было проведено 25 воздушных боев, в которых враг потерял 12 бомбардировщиков. Мужественно и умело действовали летчики 11, 27, 34-го и других истребительных авиационных полков, еще в предвоенные годы составлявших костяк истребительной авиации Московской противовоздушной обороны. С лучшей стороны показала себя и группа летчиков-испытателей под руководством опытного авиатора полковника А. Б. Юмашева. Эта группа была послана в наши войска по указанию Верховного Командования. Известный летчик-испытатель, ныне Герой Советского Союза, М. Л. Галлай метким огнем сбил в ту ночь вражеский бомбардировщик.

Огневой щит Москвы выдержал. Только отдельным самолетам удалось пробиться в воздушное пространство города. Большинству же из 220 бомбардировщиков противника, участвовавших в этом первом массированном налете, пришлось отказаться от своих намерений.

Те самолеты, которым удалось проникнуть в пределы московского неба, были встречены плотным, массированным огнем зенитной артиллерии и пулеметов. Десять из них были сбиты.

[52]

Умело и мужественно сражались воины наземных родов войск ПВО столицы. Малокалиберная зенитная артиллерийская батарея под командованием лейтенанта С. Ф. Осауляка уничтожила два вражеских бомбардировщика. Своевременно открывая точный огонь, зенитчики не позволили противнику нанести удар по Центральному аэродрому, который охраняла их батарея.

Большая заслуга воинов этой батареи состояла и в том, что они сбили несколько «люстр» — так наши зенитчики окрестили вражеские осветительные бомбы (САБ). Во время первых налетов немцы использовали их очень широко. Обычно один из шедших впереди самолетов сбрасывал САБы с небольшими интервалами. Образовывалась цепочка светящихся точек, позволявшая летчикам идущих сзади самолетов достаточно отчетливо видеть наземные цели.

Однако уже через месяц противник отказался от этого дорогостоящего, но малоэффективного средства, так как наши пулеметчики и расчеты малокалиберных зенитных орудий научились сбивать «люстры» короткими очередями.

Воины батареи, которой командовал лейтенант А. Е. Турукало, также записали на свой боевой счет два сбитых вражеских бомбардировщика. Нас особенно порадовало то обстоятельство, что зенитчики этого подразделения умело воспользовались помощью прожектористов и вели стрельбу по освещенным самолетам так называемым основным способом, то есть использовали дальномер для определения высоты целей, а наводку орудий осуществляли по данным, выработанным прибором управления артиллерийским зенитным огнем. Стрельба была проведена четко, без спешки и суеты.

Надо отметить, что в ходе первых ночных боев далеко не все наши зенитчики успешно применяли основной способ стрельбы. Личный состав многих батарей тогда только осваивал новую боевую технику и не очень был уверен в ее точной и безотказной работе. Да и взаимодействие между зенитчиками и прожектористами не было еще налажено должным образом. Не последнюю роль играл психологический фактор: увидев вражеские самолеты, каждый зенитчик стремился скорее их уничтожить. И мастерство, точный расчет невольно подменялись интенсивной стрельбой.

[53]

Вот почему самой высокой оценки заслужили действия командира батареи лейтенанта Турукало. Большое самообладание и мужество проявил также комиссар этой батареи

младший политрук И. П. Аксен. Во время отражения налета на огневую позицию упала осветительная бомба, сбитая зенитчиками. Шипя и брызгая раскаленным магниевым сплавом, она и на земле продолжала излучать яркий свет, демаскируя позицию. Тогда комиссар Аксен схватил ее, обжигая руки, потащил к соседнему ручью и бросил в воду.

Прекрасно действовала батарея, которой командовал старший лейтенант И. В. Клец. Это подразделение в первом бою также уничтожило два вражеских бомбардировщика, ведя по ним прицельный огонь с использованием прибора управления артиллерийским зенитным огнем. Один из самолетов был сбит третьим залпом. А это — показатель весьма точной стрельбы даже в условиях полигона. Батарея же старшего лейтенанта Клеца вела огонь под разрывами бомб. Несмотря на тяжелые условия, воины ни на секунду не прекращали боевой работы и добились успеха. Во время бомбежки была повреждена телефонная линия, связывавшая батарею с командным пунктом дивизиона. Красноармеец-связист Федор Мазнюк стал исправлять повреждение. Очередным взрывом его сбросило со столба на землю, контузило. Но он нашел в себе силы закончить работу и обеспечил батарею связью.

Отважно действовали в ночном бою наши зенитные пулеметчики. Их огонь мешал противнику вести прицельное бомбометание, пикировать на охраняемые объекты. Один из бомбардировщиков, особенно настойчиво пытавшийся атаковать Белорусский вокзал, был сбит меткими очередями пулеметчиков.

Хочется сказать доброе слово и о прожектористах. Умело отыскивая в ночном небе цели, они брали их в лучи и не выпускали до тех пор, пока истребители не заканчивали атаку. В ту ночь немало боев наши летчики провели в световых прожекторных полях, а зенитчики обстреляли несколько бомбардировщиков во взаимодействии с прожектористами, действовавшими в черте города. Здесь расчетам вести боевую работу было нелегко. Прожекторы, установленные на крышах домов, привлекали внимание вражеских летчиков, и они стремились уничтожить их.

[54]

Так было, например, с расчетом, который возглавлял старший сержант Э. Ц. Левин. Экипаж бомбардировщика, взятого прожектористами в луч, решил сам расправиться с ними. Пикируя вдоль луча, немецкий летчик обстрелял позицию из пулемета. Но бойцы ни на секунду не отклонили луча. Ослепленный фашист не смог вывести машину из пике и врезался в землю.

Расчет прожектора во время боевой работы

Расчет прожектора во время боевой работы

Командование корпуса, анализируя итоги боевой работы, с удовлетворением отметило, что зенитные артиллерийские полки, дислоцировавшиеся на самых ответственных направлениях — юго-западном, южном и северо-западном, отлично справились со своей задачей.

Юго-западные рубежи московского неба прикрывал 193-й зенитный артиллерийский полк, имевший богатые боевые традиции. Командовал им опытный зенитчик майор М. Г. Кикнадзе.

Оборона воздушных подступов к Москве на юге была поручена подразделениям 329-го зенитного артиллерийского полка, возглавляемого полковником Е. М. Серединым. В предвоенные годы воины этого полка, как правило, показывали высокие образцы боевой подготовки. Успешно действовали они и при отражении первого налета.

На северо-западе сражался 251-й зенитный артиллерийский полк, также славившийся высокой выучкой своих подразделений. Командовал им майор Е. А. Райнин, впоследствии ставший генерал-майором артиллерии.

Прекрасно проявили себя и командиры других частей, выполнявших в ходе боя в ночь на 22 июля наиболее ответственные задачи. Это командир 1-го полка ВНОС полковник Н. М. Васильев, командир 1-го зенитного пулеметного полка

полковник И. Н. Абросичкин, командир 1-го прожекторного полка майор И. Е. Волков. Немалый труд, затраченный ими на обучение подчиненных в предвоенные годы и в первые дни войны, вполне оправдал себя.

Огромную роль в сколачивании подразделений, обучении и воспитании личного состава сыграли также комиссары этих частей, начальники штабов, весь командный и политический состав, актив партийных и комсомольских организаций, многие бойцы и младшие командиры.

Отдавая распоряжение о готовности истребителей к перехвату разведчиков противника, я ни на минуту не

[55]

сомневался, что немецко-фашистскому командованию захочется узнать результаты первого налета. Вскоре под Москвой, действительно, появились специальные самолеты для аэрофотосъемок. Но приблизиться к столице не удалось ни одному из них. Пришлось Геббельсу и его пропагандистам придумывать версию о том, что Москва горит и по ее улицам невозможно проехать — так велики разрушения.

А как было на самом деле? Действительно, в Москве. возникло несколько очагов пожара, и довольно сильных. Сгорели деревянные бараки на одной из окраин, железнодорожный эшелон с горючим, стоявший на запасных путях около Белорусского вокзала. Вражескими бомбами было разрушено несколько домов. Обо всем этом я доложил И. В. Сталину и членам правительства сразу после окончания налета.

Как только был объявлен отбой тревоги, члены Государственного Комитета Обороны, находившиеся в бомбоубежище, поднялись в особняк, где мы еще так недавно проводили игру на картах. Вскоре последовал телефонный звонок: Громадина и меня вызывали на доклад.

Входили мы в уже знакомую комнату не без волнения. Противовоздушная оборона выполнила свою задачу, люди сделали все, что могли, и даже больше того. Но несколько самолетов все же прорвались к Москве. Городу нанесен некоторый ущерб. Как расценят это члены Государственного Комитета Обороны?

В первые дни войны мне не раз приходилось слышать предупреждения: «Смотрите, товарищ Журавлев, если хоть одна бомба упадет на Москву, не сносить вам головы». Понятно, мне вовсе не улыбалась перспектива лишиться головы, хотя бы и в фигуральном смысле. Тем не менее решил докладывать все без прикрас.

Сообщил, что в налете участвовало в общей сложности более двухсот вражеских бомбардировщиков, а к городу удалось прорваться лишь одиночным самолетам. Перечислил, какие разрушения вызвали бомбовые удары противника. Подчеркнул, что коммунальному хозяйству города ущерб не причинен, и в связи с этим отметил заслуги воинов всех родов войск 1-го корпуса ПВО и 6-го истребительного авиационного корпуса.

Меня слушали молча, не перебивая. Я видел, что А. С. Щербаков, присевший у края стола, быстро запи-

[56]

сывал приводимые мной данные. (Позже стало известно, что он готовил проект приказа, подводящего итоги отражения первого налета.)

— Количество уничтоженных вражеских самолетов уточняется, — заключил я, — но, по предварительным данным, противник потерял не менее двадцати бомбардировщиков.

Когда я закончил, Сталин сказал:

— Ну что же, хорошо. Двадцать самолетов — это десять процентов от числа участвовавших в налете. Для ночного времени — нормально. Нужно иметь в виду, что еще значительная часть немецких бомбардировщиков получила серьезные повреждения. Мне сейчас звонил маршал Тимошенко. Сказал, что наблюдал за самолетами противника, идущими от Москвы. Некоторые из них горят и падают за линией фронта.

Нас с Громадиным отпустили, и я решил проехать по городу, посмотреть, как выглядит столица после тревожной, полной волнений ночи.

На улицах уже было людно. Из убежищ и станций метро возвращались москвичи. Сердце сжималось при виде стариков и женщин, медленно двигавшихся с сонными ребятишками на руках, с узлами и рюкзаками за плечами.

Под колесами машин похрустывало битое оконное стекло. Да, окна многих московских домов пострадали довольно серьезно. И не только от взрывов вражеских фугасных бомб. В ряде случаев они лопались от резкой воздушной волны, которая возникала при стрельбе расположенных неподалеку зенитных орудий. Впоследствии именно по этой причине нам пришлось перенести огневые позиции некоторых зенитных батарей подальше от домов — на пустыри, в парки и на стадионы.

В целом же вид утренней Москвы подействовал успокаивающе. Отдельные, незначительные разрушения были неизбежны при таком массированном налете. Но главное — дух москвичей не был сломлен. Рабочие спешили на смену. Они были

деловиты и спокойны. В городе открылись магазины, стал работать транспорт. Нет, Гитлер явно переоценил возможности своей авиации. Ей не удалось вызвать панику и уныние среди населения нашей столицы.

Огромную роль в защите людей сыграло метро. Московский метрополитен работал во время войны беспере-

[57]

бойно, как и в мирные дни. Его тоннели были не только транспортными магистралями, но и отличными бомбоубежищами. Иногда во время воздушных тревог на станциях метро укрывалось до 800 тыс. москвичей.

К сожалению, все усилия противовоздушной обороны не могли предотвратить прорыва в воздушное пространство Москвы некоторого числа вражеских самолетов. Нас интересовал вопрос: как действовали экипажи фашистских бомбардировщиков, которым удавалось прорваться сквозь стену заградительного зенитного огня? Искали ли они наиболее важные цели: административные здания, промышленные предприятия, военные объекты? Ведь многие из них были отмечены на картах, которые мы неоднократно находили на борту сбитых самолетов.

Анализ показывал, что в подавляющем большинстве случаев экипажи бомбардировщиков торопились побыстрее освободиться от своего смертоносного груза и выйти из зоны огня. Об этом со всей очевидностью свидетельствует тот факт, что мы почти не наблюдали организованных атак на объекты, отмеченные немецкими летчиками на планах Москвы. Но бомбы падали на город и, конечно, наносили некоторый ущерб мирному населению.

Тактика бомбардировки по площади города, а не по отдельным объектам была весьма характерна для фашистских летчиков. С одной стороны, она соответствовала их людоедской идеологии, а с другой — свидетельствовала о низком моральном уровне экипажей. Ведь для того чтобы атаковать цель наверняка, нужно было снижаться до предела и в течение определенного времени выдерживать прямолинейный курс. Под воздействием зенитного огня гитлеровцы не отваживались на столь рискованные действия. Им гораздо проще было высыпать бомбы с большой высоты на густонаселенные кварталы.

Подобной тактики фашисты придерживались в Испании и в странах Западной Европы. Эту же тактику гитлеровцы попытались применить и при налетах на Москву, но безуспешно.

Днем 22 июля мы услышали по радио приказ № 241 Народного комиссара обороны СССР. Он вызвал у всех нас

радость за высокую оценку деятельности войск ПВО. Приказ гласил:

«В ночь на 22 июля немецко-фашистская авиация пыталась нанести удар по Москве.

[58]

Благодаря бдительности службы воздушного наблюдения (ВНОС) вражеские самолеты были обнаружены, несмотря на темноту ночи, задолго до появления их над Москвой.

На подступах к Москве самолеты противника были встречены нашими ночными истребителями и организованным огнем зенитной артиллерии. Хорошо работали прожектористы. В результате этого более 200 самолетов противника, шедших эшелонами на Москву, были расстроены, и лишь одиночки прорвались к столице. Возникшие в результате бомбежки отдельные пожары были быстро ликвидированы энергичными действиями пожарных команд. Милиция поддерживала хороший порядок в городе.

Нашими истребителями и зенитчиками сбито, по окончательным данным, 22 самолета противника.

За проявленное мужество и умение в отражении налета вражеской авиации объявляю благодарность:

1. Ночным летчикам-истребителям Московской зоны ПВО.

2. Артиллеристам-зенитчикам, прожектористам, аэростатчикам и всему личному составу службы воздушного наблюдения (ВНОС).

3. Личному составу пожарных команд и милиции г. Москвы.

За умелую организацию отражения налета вражеских самолетов на Москву объявляю благодарность:

— командующему Московской зоной ПВО генерал-майору Громадину;

— командиру соединения ПВО генерал-майору артиллерии Журавлеву;

— командиру авиационного соединения полковнику Климову.

Генерал-майору Громадину представить к правительственной награде наиболее отличившихся»[5].

Таким был первый в истории Великой Отечественной войны благодарственный приказ Наркома обороны за достигнутые войсками боевые успехи. И мы, конечно, горды, что первыми заслужили столь высокую похвалу.

Вскоре был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении наиболее отличившихся бойцов, командиров и политработников.

[59]

Ордена Ленина были удостоены зенитчики И. В. Клец, А. Е. Турукало, летчики К. Н. Титенков, С. С. Гошко, П. А. Мазепин, 28 воинов были награждены орденом Красного Знамени, столько же — орденом Красной Звезды, 22 человека получили медаль «За отвагу». Через несколько дней, вручая им награды, Михаил Иванович Калинин сказал:

«Охраняйте Москву как зеницу ока. Защита нашей столицы в этой войне имеет огромное международное и политическое значение. Бейте врага так, чтобы все воины ПВО страны брали с вас пример»[6].

Этот призыв Всесоюзного старосты, как мы понимали, отражал требование Центрального Комитета партии и Советского правительства, волю всего народа, ибо Москва была не только центром нашего государства, но и городом, к которому с надеждой устремлялись взоры всех прогрессивных людей мира.

Руководители Московской противовоздушной обороны не только чувствовали ответственность за защиту столицы, но и постоянно находились под непосредственным контролем членов ГКО. Должен сказать, что Сталин всегда очень реально оценивал и наши успехи, и наши ошибки. Мы неизменно встречали у него доброжелательное и внимательное отношение.

Высокая оценка, полученная от Наркома обороны, не вызвала у нас самоуспокоения. Мы, безусловно, видели и недостатки, допущенные в первом бою нашими частями и управлением корпуса. Поэтому сразу же, по горячим следам, был проведен разбор боя с оперативной группой главного командного пункта, дано указание провести подобные разборы в частях.

Следует сказать, что практика подведения итогов каждого боя стала у нас с тех пор традиционной. Она оказала немалое влияние на совершенствование противовоздушной обороны.

Как показал первый бой, у нас еще не совсем благополучно обстояло дело с организацией взаимодействия между родами войск и подразделениями внутри частей. А для войск ПВО это является решающим условием успеха. Нам еще не удалось добиться и достаточно четкого,

[60]

гибкого управления войсками, которое бы полностью отвечало характеру скоротечного боя с авиацией.

Следовало по-иному организовать и работу прожекторных подразделений, особенно в черте города. Отсутствие опыта у командиров-прожектористов в распределении целей между

расчетами приводило к тому, что некоторые неприятельские самолеты оказывались освещенными несколькими лучами, а другие оставались незамеченными.

Расчеты пулеметов и малокалиберных орудий порой открывали стрельбу по вражеским самолетам, которые находились явно вне зоны досягаемости их огня. Это приводило к бесцельному расходованию боеприпасов.

Невозможно было, конечно, тотчас же исправить все обнаруженные недостатки. Но мы обратили на них внимание, и уже вскоре действия всех звеньев нашей системы приобрели значительно большую слаженность, а следовательно, и эффективность.

После первой неудачной попытки нанести удар по Москве командование люфтваффе решило изменить тактику. Теперь уже бомбардировщики не пытались идти напролом на малой высоте, как это было в первую ночь. Но они и не отказались от намерения обрушить на нашу столицу свой бомбовый груз.

В ночь на 23 июля, в то же самое время, что и накануне, посты ВНОС стали докладывать о появлении вражеских самолетов. Двадцать эшелонов (в общей сложности до полутора сотен бомбардировщиков) шли на высоте 6—7 тыс. метров и не были столь многочисленными как в первый налет.

Довольно плотная облачность не давала возможности прожектористам освещать и сопровождать воздушные цели, а это затрудняло действия истребителей. И тем не менее четырем эшелонам не удалось даже приблизиться к зоне зенитного огня. Их рассеяли и частично уничтожили истребители. Остальные, встретив стену заградительного огня, пытались прорваться к городу мелкими группами и поодиночке. Однако удалось это немногим.

Во время второго налета два вражеских бомбардировщика наткнулись на тросы аэростатов воздушного заграждения и рухнули на землю — случай довольно редкий в практике противовоздушной обороны. Аэростатчики открыли свой боевой счет. В дальнейшем он, правда, воз-

рос не намного, но и этот вклад в общую победу был для нас дорог.

Впоследствии неприятельские летчики стремились летать выше страшной для них сети стальных тросов. А это значит, что аэростаты выполняли свое предназначение: лишали противника возможности вести прицельное бомбометание, атаковывать небольшие по размерам объекты с малых высот.

Самоотверженно вели себя в этом бою воины одной из батарей 193-го зенитного артиллерийского полка. Их огневую позицию фашисты засыпали зажигательными бомбами. Вокруг горели строения, деревья, трава. Казалось, сама земля пылала от раскаленного магниевого сплава. Но зенитчики не дрогнули. Они продолжали вести стрельбу, борясь с огнем, не обращая внимания ни на ожоги, ни на ранения.

В эту ночь, как и в предыдущую, отличился молодой, но уже опытный летчик младший лейтенант А. Г. Лукьянов. На своем «миге» он настиг вражеский бомбардировщик, освещенный лучами прожекторов, и несколькими меткими очередями вогнал его в землю. Так же решительно и умело действовал Лукьянов и во время третьего налета, сбив еще один бомбардировщик.

Всего в эту ночь наши истребители совершили 202 боевых вылета. Атаковать воздушного противника в большинстве случаев им приходилось без помощи прожекторов, так как их лучи не могли пробить плотную облачность. Но и в этих сложных условиях летчики-истребители действовали отлично. Они искали врага в ночном небе по вспышкам выхлопов моторов, старались занять такое положение, чтобы увидеть бомбардировщика на фоне диска луны или засечь его по тени на верхней кромке облачности. Словом, это были бои, в которых летчикам приходилось экспериментировать, на ходу создавать оригинальные тактические приемы. И многие из наших авиаторов добились успеха — 10 самолетов потеряли гитлеровцы в ту ночь в воздушных боях.

Всего же было уничтожено 15 неприятельских самолетов. Два из них налетели на тросы аэростатов, а еще три были сбиты огнем зенитной артиллерии.

Свидетельством побед воинов противовоздушной обороны столицы явился вражеский бомбардировщик Хе-111, установленный на площади Свердлова вскоре после пер-

вых налетов. Москвичи с интересом знакомились с этим «экспонатом».

Авиация противника продолжала натиск на нашу столицу. Каждую ночь на внешнем рубеже наблюдательных постов появлялись немецкие самолеты и волнами шли в сторону Москвы. Налеты длились по пять-шесть часов. Только к двум-трем часам ночи появлялась возможность дать отбой воздушной тревоги и перевести войска на положение номер два.

В дни напряженных боев не всегда удавалось систематически проводить политические занятия, читать в подразделениях

лекции, организовывать семинары для изучающих марксистско-ленинскую теорию. Но мы постоянно напоминали командирам и политработникам о необходимости заниматься идейным воспитанием личного состава, используя для этого все доступные средства.

Те, кому довелось побывать в боевой обстановке, понимают значение и великую силу политической работы. Мне, в частности, пришлось убедиться в этом еще в период гражданской войны. Помню, как важно было нам, молодым бойцам Красной Армии, услышать слово комиссара об обстановке на фронтах, о международном положении, о наших задачах. Позже, став политработником, я сам старался держать красноармейцев в курсе всех событий, знакомить их с политикой партии и правительства, воспитывать чувство ответственности за выполнение воинского долга.

Огромную роль играл и личный пример коммунистов-политработников. Они всегда были впереди, на линии огня, выполняя волю партии, следуя велению своего сердца.

В годы гражданской войны мне довелось служить под непосредственным командованием М. В. Фрунзе, встречаться с ним и членом Военного совета В. В. Куйбышевым. Их большевистское слово и личный пример были поистине сильным оружием.

Из многих, порой незаметных мероприятий складывается политическая работа. А какой глубокий след оставляет она в сознании людей!

В наших войсках служило немало хорошо подготовленных, вдумчивых политработников, умевших найти путь к сердцу и разуму воинов, личным примером увлечь за собой бойцов.

[63]

Многие из тех, кто выполнял обязанности комиссаров, а затем — заместителей командиров полков по политической части, впоследствии стали начальниками политотделов зенитных артиллерийских, пулеметных, прожекторных, аэростатных, вносовских дивизий. Они приобрели большой опыт партийно-политической работы в боевой обстановке. Это можно с полным основанием сказать о батальонных комиссарах Ф. М. Гресе, М. И. Черкасе, И. И. Белове, И. В. Бабашкине, П. П. Телегине, Д. А. Захватаеве, М. Ф. Геронтьеве и многих других.

Дивизионный комиссар К. Ф. Телегин вручает орден летчику-истребителю Л. В. Даубе

Дивизионный комиссар К. Ф. Телегин вручает орден летчику-истребителю Л. В. Даубе

Подлинными идейными руководителями и боевыми вожаками показали себя политработники авиационных частей столичной ПВО. Особенность истребительной авиации, как известно, состоит в том, что здесь и командир и политработник, невзирая на ранги, должны быть летчиками. И не просто летчиками, а лучшими воздушными бойцами. Такими и были многие наши комиссары. Самоотверженно сражались с врагом батальонные комиссары А. Ф. Горшков, Н. Л, Ходырев, старшие политруки М. Г. Десятниченко, Н. И. Чепуренко, политрук Ю. И. Герасимов и другие. Только за пять месяцев первого года войны военные комиссары участвовали в 189 воздушных боях и 97 штурмовках наземного противника. За это время они сбили 22 вражеских самолета.

Используя каждую паузу между боями, наши политработники, постоянно находившиеся среди воинов, занимались их воспитанием, вникали в быт и многое делали для его улучшения. Их роль в поддержании постоянной боевой готовности войск поистине неоценима.

* * *

Вскоре выяснился характер деятельности вражеской авиации,

и мы сделали вывод, что начался новый этап воздушного наступления на Москву.

Первый этап продолжался в течение месяца — с начала войны до дня первого массированного налета. В этот период гитлеровцы пытались разведать характер противовоздушной обороны столицы, но не добились сколько-нибудь значительных результатов.

И вот с 22 июля наступил новый этап нашей борьбы с воздушным противником. Он характеризовался ожесточенными попытками вражеской авиации протаранить противовоздушную оборону Москвы, прорваться в

[64]

ее воздушное пространство, обрушить на город бомбовые удары большой мощности и тем самым способствовать успешному развитию наступления наземных армий группы «Центр».

Совершая налеты с аэродромов из районов Бреста, Барановичей, Бобруйска, Минска, эшелоны неприятельских самолетов обычно шли по одним и тем же маршрутам, провешивая их радиосигналами, световыми маяками и цепочками костров.

Как показало наблюдение за тактикой противника, с 22 июля до середины августа 1941 года он придерживался одних и тех же тактических приемов. За эти 24 дня гитлеровцы предприняли 17 попыток нанести массированные бомбовые удары по нашей столице. В среднем в каждом налете участвовало до 150 бомбардировщиков. Из двух с половиной тысяч самолетов, принимавших участие в налетах второго периода, к городу удалось прорваться пятидесяти. Основную массу бомбового груза фашистские летчики сбрасывали в световых прожекторных полях или на ложные объекты.

Все налеты производились ночью. И это понятно. В тот период противник, действуя с удаленных аэродромов, еще не мог организовать сопровождения бомбардировщиков своими истребителями. А без их прикрытия немецкие летчики не решались входить днем в зону действия нашей истребительной авиации. Да и ночи они старались выбирать такие, когда была плотная облачность.

Это, конечно, затрудняло наши действия. Напряженно приходилось работать летчикам-ночникам, зенитчикам. Старое правило артиллеристов «Не вижу — не стреляю!» нам явно не подходило.

Каждую ночь при массированных налетах вражеской авиации

начальнику зенитной артиллерии полковнику Л. Г. Лавриновичу приходилось отдавать распоряжение о постановке на пути бомбардировщиков завес заградительного огня. Дело в том, что в ту пору мы еще не имели радиолокационных станций орудийной наводки. Ведение прицельного огня ночью предусматривалось только по целям, освещенным прожекторами. Но, как показала практика, обеспечить успешное взаимодействие прожектористов и зенитчиков-артиллеристов в скоротечном бою на ближних подступах к городу было весьма сложно. Не менее трудной для зенитной артиллерии была борьба с воз-

[65]

душным противником и днем, если налет производился при сильной облачности. Приходилось снова прибегать к заградительному огню.

В чем отрицательные стороны этого способа стрельбы? Прежде всего в том, что он требовал расхода огромного количества боеприпасов. На пути движения вражеских бомбардировщиков мы создавали завесу из разрывов зенитных снарядов. А так как точное местоположение самолетов установить было трудно, приходилось создавать стену огня, охватывающую немалое пространство по фронту, высоте и в глубину. Только так мы могли компенсировать ошибки, допущенные в определении местонахождения воздушных целей в пространстве. О том, сколько для этого требовалось сделать выстрелов, говорят такие цифры. За первое полугодие войны при отражении налетов вражеской авиации на Москву мы израсходовали 741 тыс. снарядов среднего калибра. Из них только 26 тыс. — на прицельную стрельбу. Львиная же доля — 715 тыс. — пошла на ведение заградительного огня.

Заградительный огонь — это пассивная форма обороны. Ставя завесу на пути неприятельских самолетов, зенитчики лишь препятствовали их продвижению к цели. А ведь главная задача обороны — уничтожение наступающих, подрыв их способности к повторению налетов. К сожалению, этой задачи заградительный огонь почти не выполнял.

И все же, несмотря на необходимость строжайше экономить боеприпасы, мы вынуждены были прибегать к заградительному огню. В ходе боев методы и способы его ведения были усовершенствованы. В этом нам помогли преподаватели зенитно-артиллерийского факультета Военно-инженерной артиллерийской академии имени Ф. Э. Дзержинского, и в первую очередь военинженер 1 ранга И. И. Кюпар.

Блестящий знаток теории стрельбы зенитной артиллерии,

один из старейших советских зенитчиков, Иван Иванович Кюпар воспитал в стенах академии сотни умелых специалистов. А в дни войны он оказал нам, практикам, большую услугу, разработав принципиально новый метод организации заградительного огня.

Вместе с ним деятельное участие в работе приняли руководители кафедр и преподаватели академии генерал-

[66]

майоры артиллерии П. М. Прохоров, П. С. Дмитриев, полковник А. А. Гродзинский, подполковник Б. А. Шерстнев и другие.

В довоенных наставлениях рекомендовалось ставить неподвижную завесу заградительного огня. Способы ее организации были весьма сложны и недостаточно эффективны.

И. И. Кюпар, наблюдая за ходом первых боев против вражеской авиации на подступах к Москве, по личной инициативе взялся за разработку более эффективного метода борьбы с воздушным противником. Созданный им новый способ организации заградительного огня был детально обсужден зенитчиками академии. Предложение нас заинтересовало. И хотя проверять его на практике во время отражения налета было делом довольно рискованным, мы пошли на это.

Проверку решили произвести в одном из лучших дивизионов, стоявших на наиболее угрожаемом направлении. Но, как назло, бомбардировщиков не было две ночи подряд.

На третью ночь они появились. Командир дивизиона майор С. Ф. Рундин быстро определил по планшету необходимые данные и подал команду. Теперь расчетам надо было лишь придавать орудиям необходимые установки и точно соблюдать темп огня. Стрельба велась в течение 20 секунд. За это время в избранной для встречи воздушного противника зоне возникло до сотни разрывов. Вражеские летчики не выдержали и повернули обратно.

Несколько позже, в конце октября 1941 года, новый метод отлично применил командир одной из батарей старший лейтенант П. И. Лозицкий. Он зарекомендовал себя мастером точного огня еще до войны, завоевав призовое место на одном из Всеармейских зенитных артиллерийских состязаний.

Ночь выдалась особенно темной. Воспользовавшись этим, группа вражеских бомбардировщиков на большой высоте попыталась прорваться к Москве. Но плотный заградительный огонь зенитчиков рассеял их строй. Тогда противник, обнаружив по вспышкам выстрелов местоположение батареи, решил подавить ее бомбовым ударом. Однако все бомбы упали в стороне, не причинив зенитчикам вреда. Немецкие летчики

повторили атаку и стали пикировать на огневую позицию с выключенными

[67]

моторами. Но и такой маневр не принес успеха. Подвижные завесы заградительного огня заставили врага ретироваться. А один бомбардировщик, сраженный снарядом, так и не вышел из пике.

Новый способ оправдал себя. В частях зенитной артиллерии была проведена большая работа по внедрению его в практику. А 20 августа все дивизионы корпуса уже вели заградительный огонь по квадратной, подвижной системе. В дальнейшем новый метод был усовершенствован при участии многих зенитчиков наших частей. Надо сказать, что все это делалось в период самой напряженной боевой работы, когда каждую ночь приходилось вести интенсивный огонь по воздушному противнику, днем заботиться о пополнении боекомплекта, о подготовке техники к следующим боям.

И уж если речь зашла об инициативе людей, хочется коснуться и другого вопроса, решение которого во многом зависело не только от распорядительности командования корпуса, организаторских способностей командиров частей, а в первую очередь от инициативы, смекалки, хозяйственной хватки младшего офицерского звена. Я имею в виду инженерное оборудование наших боевых порядков, бытовое устройство людей в полевых условиях.

Эта проблема возникла с первого дня войны, как только части заняли свои позиции согласно боевому расписанию. Конечно, и в предвоенный период определенное число подразделений противовоздушной обороны несли боевое дежурство по охране неба столицы. Для них были созданы позиции, достаточно капитально оборудованные в инженерном отношении. На случай развертывания войск по боевой тревоге была заранее подготовлена сеть запасных зенитных артиллерийских, прожекторных, вносовских позиций. Но естественно, их было недостаточно. Ведь в ряде мест в мирное время просто невозможно было рыть окопы и сооружать землянки. Как они выглядели бы, например, в Центральном парке культуры и отдыха имени Горького, на площади Коммуны или на территории завода «Шарикоподшипник»? Непригодными оказались и многие из заранее подготовленных сооружений. И это понятно: невозможно поддерживать позиции в полном порядке, если войска их не занимают.

Короче говоря, прибыв по тревоге на место боевой

дислокации, многие командиры подразделений были постав-

[68]

лены перед фактом — сооружений для техники, помещений для людей не было. Вопросы организации питания, сбережения боеприпасов, помывки людей и стирки белья тоже пришлось решать заново.

На помощь пришла смекалка наших воинов, их золотые руки, привычные к любому ремеслу. Сколько искусных плотников, каменщиков, столяров и маляров оказалось среди зенитчиков, прожектористов, вносовцев! А материалы, инструмент защитникам Москвы охотно давали окрестные колхозы, предприятия, стройки. Отказа воинам не было ни в чем.

Вскоре подавляющее большинство наших подразделений имело прекрасные позиции, все условия для боевой работы и отдыха личного состава. Повсюду вокруг Москвы и на территории города появились подземные сооружения, в которых размещались командные пункты полков, дивизионов и батальонов, командирские пункты и позиции зенитных артиллерийских батарей, прожекторных, пулеметных, аэростатных и вносовских рот, взводов, постов, расчетов.

Особенно тщательно оборудовались командные пункты частей. И это понятно. Для войск ПВО строгая централизация и четкость управления — решающее условие успешного выполнения боевых задач. В период массированных налетов вражеской авиации на Москву не было ни одного случая нарушения деятельности командных пунктов.

Постоянную помощь нашим войскам оказывали и труженики Москвы. Они участвовали в строительстве аэродромов, площадок для зенитных пулеметов и орудий на крышах заводских зданий. Заводы «Каучук» и «Красная роза» изготовляли оболочки для аэростатов. Не перечислить всех видов помощи, которую мы получали от жителей столицы.

Методическими налетами гитлеровцы хотели воздействовать на психику москвичей, морально подавить их, сломить волю к сопротивлению. Но враг просчитался. В дни напряженных боев на подступах к Москве в городе без перебоев работали заводы, фабрики, транспорт, огромное коммунальное хозяйство. Люди не покидали своих рабочих мест даже во время воздушных тревог.

Москва стала подлинным арсеналом фронтов. К осени 1941 года около 2 тыс. ее предприятий, выпускавших до

[69]

войны самую мирную продукцию, стали специализироваться

на производстве оружия, боеприпасов, снаряжения для армии. На нужды обороны была переключена и местная промышленность. Ремонтные мастерские восстанавливали боевую технику, возвращавшуюся с фронтов. И это было огромным вкладом в укрепление боеспособности войск, защищавших столицу.

Самоотверженно боролись москвичи с вражескими зажигалками, спасая свои предприятия, жилые дома, памятники культуры от уничтожения огнем, быстро ликвидировали последствия взрывов фугасных бомб.

На заводе «Серп и молот» в группах местной противовоздушной обороны состояли все рабочие и служащие. Каждый из них нес дежурство в часы, свободные от смены. На завод «Динамо» вражеские бомбардировщики трижды сбрасывали зажигалки. В 1941 году их обезвредили здесь около 1200 штук. Завод не пострадал и ни на один день не прекратил выпуск продукции.

Во время одного из первых массированных налетов десятки зажигательных бомб упали на строения и во двор Музея-усадьбы Л. Н. Толстого. Там дежурили лишь заведующий музеем Теодорович и сотрудники Гусева, Зубарев, Тюрина, Юнисов. Чтобы сохранить от уничтожения священный памятник русской культуры, они бесстрашно вступили в бой с огнем и отстояли музей.

Подлинный героизм проявила пожилая москвичка М. П. Нестерова, возглавлявшая команду местной противовоздушной обороны одного из московских домов. На охраняемый ею объект упало полторы сотни зажигательных бомб. Рядом разорвалось пять фугасок. Мария Прокофьевна Нестерова была дважды ранена, но не покинула своего поста. Она обезвредила более десятка зажигательных бомб. И это не было каким-то исключением. Жители столицы, пережившие вместе со своим родным городом тяжкие дни обороны, активно помогали его защитникам и с полным основанием могут считать себя участниками великой битвы, достойными гражданами города-героя.

Приводя эти примеры, не могу удержаться от сравнений. К концу войны, когда Берлин оказался столь же близко к линии фронта, как Москва осенью 1941 года, население немецкой столицы потерпело моральное поражение и оказалось не в состоянии бороться с последствиями

[70]

воздушных бомбардировок. Вот что писал по этому поводу немецкий историк Грефрат:

«Огромные потери, плохие вести с фронтов, недостаточное питание и большое количество налетов, как дневных, так и ночных (за сутки воздушная тревога зачастую объявлялась по три-четыре раза), довели нервное напряжение гражданского населения до предела. Часть населения вообще упала духом и перестала противодействовать налетам...»[7].

Пропагандистскими и административными мерами городским властям не удавалось организовать дежурство населения в домах во время воздушных тревог. В результате служба местной противовоздушной обороны почти отсутствовала в жилых кварталах Берлина, и поэтому даже небольшие пожары разрастались до огромных размеров.

Иначе обстояло дело в Москве. В самые трудные для столицы дни, в октябре 1941 года, от имени партии к москвичам по радио обратился А. С. Щербаков. «Над Москвой нависла угроза, — сказал он, — но за Москву будем драться упорно, ожесточенно, до последней капли крови... В связи с тем, что линия фронта приблизилась к Москве, увеличилась опасность воздушных бомбардировок. Теперь фашистские бомбардировщики имеют возможность появляться в сопровождении истребителей. Таким образом, борьба с вражеской авиацией стала труднее, но нет сомнений, что наши летчики, зенитчики, прожектористы — все, кому вверена защита Москвы, сумеют дать отпор фашистским стервятникам. Товарищи москвичи! Каждый из вас, на каком бы посту он ни стоял, какую бы работу ни выполнял, пусть будет бойцом армии, отстаивающей Москву от фашистских захватчиков»[8].

Этот призыв нашел самый горячий отклик у трудящихся нашей столицы. Москвичи мужественно и самоотверженно боролись за свой город и отстояли его.

Ожесточенные налеты требовали от нас огромного напряжения сил, бессонных ночей, немалых материальных затрат. Но и вражеской авиации попытки нанести удары по нашей столице обошлись недешево. В июле и

августе люфтваффе потеряли от атак истребителей и огня зенитчиков противовоздушной обороны Москвы около 200 самолетов — в общей сложности почти три эскадры. Нам стало известно, что 55-я бомбардировочная эскадра к концу августа лишилась половины своих самолетов и экипажей, 53-я — «Легион Кондор» — 70 процентов бомбардировщиков. Обе эти эскадры немецко-фашистскому командованию пришлось отводить на переформирование.

Не меньшие потери понесли и другие части 2-го воздушного флота немцев, принимавшие участие в налетах на Москву. Для восполнения потерь гитлеровскому командованию пришлось перебросить из Западной Европы четыре новые группы дальних бомбардировщиков, насчитывающие в общей сложности сто самолетов.

Безусловно, мы не были одиноки в борьбе с вражеской авиацией, выделенной для налетов на Москву. Части ВВС фронтов и дальнебомбардировочиой авиации нередко наносили удары по аэродромам люфтваффе. Например, в период с 22 июля по 15 августа 1941 года фронтовая авиация совершила налеты на 67 аэродромов противника. За это же время летчики дальнебомбардировочной авиации подвергли бомбовым ударам 51 аэродром. Немцы при этом потеряли значительное количество самолетов и, попятно, не могли использовать их для участия в налетах на Москву.

Правда, позже, осенью, когда обстановка для нас особенно осложнилась, фронтовые авиаторы и экипажи дальних бомбардировщиков уже не могли помочь нам. Все свое внимание им приходилось сосредоточивать на поддержке наших войск на поле боя. Больше того, эту задачу пришлось выполнять и летчикам 6-го истребительного авиационного корпуса. Так, в ноябре 1941 года ВВС Западного фронта произвели 4451 самолето-вылет, однако только 122 из них, или 2,7 процента, с целью ударов по аэродромам противника.

В середине августа 1941 года мы зафиксировали окончание второго этапа деятельности вражеской авиации — периода массированных налетов. Наступила новая фаза обороны столицы от воздушного противника.

Убедившись, что при полетах крупными группами бомбардировщики несут большие потери, командование 2-го воздушного флота немцев решило изменить тактику. Противник стал действовать мелкими группами и одиноч-

[72]

ными самолетами, значительно повысил потолок полетов. В зону огня зенитной артиллерии бомбардировщики пытались входить с различных направлений, стремясь проложить курс по тем районам, где в то время у нас но было световых прожекторных полей.

22 августа 1941 года Советское информбюро опубликовало сообщение, подводившее итоги двух месяцев войны. Этот документ имеет большое значение для уяснения точки зрения Советского правительства на ведение боевых действий против

крупных политических, административных и экономических центров воюющих государств. Я позволю себе привести его достаточно полно.

«Советская авиация, — говорилось в сообщении, — имела полную возможность систематически бомбить Берлин в начале и в ходе войны. Но командование Красной Армии не делало этого, считая, что Берлин является большим столичным городом, с большим количеством трудящегося населения, в Берлине расположены иностранные посольства и миссии и бомбежка такого города могла привести к серьезным жертвам среди гражданского населения. Мы полагали, что немцы в свою очередь будут воздерживаться от бомбежки нашей столицы — Москвы. Но оказалось, что для фашистских извергов законы не писаны и правила войны не существуют. В течение месяца, с 22 июля по 22 августа, немецкая авиация 24 раза произвела налеты на Москву. Жертвами этих налетом явились не военные объекты, а жилые здания в центре и на окраинах Москвы, больница и две поликлиники, три детских сада, театр им. Вахтангова, одно из зданий Академии наук СССР, несколько мелких предприятий местной промышленности и несколько колхозов в окрестностях Москвы. В результате бомбардировки жилых домов вражеской авиацией в Москве убито 736, тяжело ранено 1444, легко ранено 2069 человек.

Разумеется, советское командование не могло оставить безнаказанными эти зверские налеты немецкой авиации на Москву. На бомбежку мирного населения Москвы советская авиация ответила систематическими налетами на военные и промышленные объекты Берлина и других городов Германии. Так будет и впредь. Жертвы, понесенные трудящимися Москвы, не останутся без возмездия»[9].

Глава 4. Против наземного и воздушного противника

Враг рвется к Москве. Парад на Красной площади. Плечом к плечу с пехотой. На обороне Тулы и Каширы. В рядах наступающих. Итоги первого полугодия войны.

Летом 1941 года Красная Армия сорвала попытку врага выполнить главную задачу плана «Барбаросса» — с ходу овладеть Москвой. Понеся в этих боях огромные потери, гитлеровцы вынуждены были сделать длительную паузу для перегруппировки сил, пополнения их за счет других участков фронта и мобилизации в тылу новых резервов. Около месяца продолжалась подготовка противника к новому, «генеральному» наступлению на нашу столицу. План этой операции получил кодовое название «Тайфун».

Для осуществления своего намерения фашистское командование выделило огромные силы, почти половину всех войск и боевой техники, имевшихся на советско-германском фронте. В состав группы армий «Центр» входило 75,5 дивизий, в том числе 14 танковых и 8 моторизованных. Действия наземных войск поддерживали 950 самолетов, более половины которых бомбардировщики. Замечу, что эти ВВС по числу самолетов превосходили авиацию противостоящих ей трех наших фронтов в 1,7 раза.

Уверенный в достижении быстрой победы, Гитлер накануне «генерального» наступления обратился к войскам со словами: «...созданы наконец предпосылки для того, чтобы посредством мощного удара сокрушить противника еще до наступления зимы. Вся подготовка, насколько это было в человеческих силах, закончена... Сегодня начинается последняя решающая битва этого го-

да»[10]. 30 сентября — 2 октября противник предпринял свое новое, «генеральное» наступление на Москву.

Главная задача войск противовоздушной обороны Москвы состояла, как известно, в обороне города и ряда промышленных объектов вокруг него от нападения авиации противника. Однако воинам противовоздушной обороны пришлось сражаться у стен

столицы и с наземными силами неприятеля, принимать активное участие в последующем контрнаступлении.

В дни решающих боев за Москву Ставка Верховного Главнокомандования смогла сосредоточить на подступах к столице мощные силы. В ее обороне участвовало в общей сложности 1134 самолета разных типов и предназначения. В их число входило 459 истребителей (более 40 процентов), находившихся в составе войск ПВО.

Активное участие в борьбе с наземным и воздушным противником принимал весь 6-й истребительный авиационный корпус. Располагая значительным количеством отлично подготовленных экипажей, корпус мог выделять ежедневно 200—400 самолетов на штурмовку неприятельских войск и патрулирование в прифронтовой полосе, а также осуществлять задачи противовоздушной обороны столицы.

Существенный вклад в разгром вражеских полчищ у стен Москвы внесли зенитчики-артиллеристы и пулеметчики столичной противовоздушной обороны. Их точные удары по воздушному противнику способствовали тому, что люфтваффе, потеряв в октябре господство в воздухе, не сумели вернуть его до конца Московской битвы.

В октябре 1941 года, когда под Москвой создалась напряженная обстановка, Ставка Верховного Главнокомандования отдала приказ зенитчикам 1-го корпуса ПВО быть готовыми к борьбе с наземным противником. В приказе говорилось:

«1. Всем зенитным батареям корпуса Московской зоны ПВО, расположенным к западу, юго-западу и югу от Москвы, кроме основной задачи — отражения воздушного противника, быть готовыми к отражению и истреблению прорвавшихся танковых частей и живой силы противника.

[75]

2. Частям ВНОС корпуса и зенитной артиллерии усилить наблюдение за наземным противником и усилить непосредственное сохранение»[11].

Все мы ясно представляли себе сложность задачи, возложенной на войска ПВО столицы. Бойцы и командиры готовы были отдать все силы, чтобы с честью выполнить свой воинский долг. В огромной степени этому подъему боевой активности личного состава способствовала умелая политическая работа, пример коммунистов и комсомольцев.

Особенно напряженно эта работа велась в 30 зенитных артиллерийских батареях, занимавших огневые позиции на путях наиболее вероятного продвижения к Москве вражеских наземных

войск. Не всем нашим батареям довелось встретиться лицом к лицу с пехотой и танками противника. Но те зенитчики, которые впоследствии вели огонь по наземным целям, зарекомендовали себя отлично.

Зенитное орудие, поднятое на постамент в районе деревни Киово, где некогда зенитчики вели особенно ожесточенные бои с врагом, рвавшимся к Москве, символизирует мужество и стойкость воинов ПВО.

Следует иметь в виду, что участие войск Московской зоны ПВО в боях с наземным противником было вызвано чрезвычайными обстоятельствами. Иногда нашим воинам приходилось встречать и останавливать гитлеровцев там, где на их пути к Москве уже не было оборонительных рубежей.

Первыми из воинов ПВО лицом к лицу с врагом в начале октября 1941 года встретились вносовцы. Посты ВНОС, оказавшиеся в боевых порядках наших наземных войск, отходили вместе с ними. Но в ряде случаев они оставались за линией фронта и продолжали передавать данные о противнике.

Для всех нас особенно тревожной была неделя с 5 по 12 октября. Дело в том, что наши летчики, на которых была возложена разведка наземной обстановки в юго-западном направлении от Москвы, на рассвете 5 октября обнаружили большую моторизованную колонну с танками на участке шоссе Рославль — Юхнов.

Прорыв вражеской колонны в районе Юхнова означал, что противник вышел в тыл Резервному фронту и

[76]

может беспрепятственно двигаться к Малоярославцу, а затем и к Москве. На его пути до Можайской линии обороны не было достаточных сил и средств, способных задержать рвущиеся вперед механизированные колонны из состава 4-й танковой группы немцев.

Помнится, мы не сразу поверили в точность сведений, доложенных воздушной разведкой. Для проверки послали еще несколько наиболее опытных летчиков. Они на бреющем полете прошли над колоннами войск и убедились — это враг. Необходимо было принимать экстренные меры, чтобы остановить продвижение танков и механизированных частей гитлеровцев к Москве.

В эти трудные дни большая нагрузка легла на плечи наших авиаторов. Отражая систематические налеты вражеских бомбардировщиков на Москву, они в то же время должны были совершать ежедневно по нескольку сот вылетов на штурмовку

наземных войск.

Активное участие в борьбе с неприятельской колонной, прорвавшейся в район Юхнова, а затем Боровска, приняла созданная по заданию Ставки большая группа зенитных артиллерийских батарей и зенитных пулеметных взводов, снятых с подмосковных огневых позиций. Располагая автомобилями, она представляла собой внушительный подвижный заслон, способный нанести серьезное поражение механизированным частям противника.

Группу возглавил заместитель командира 767-го полка малокалиберной зенитной артиллерии майор М. В. Добрицкий. Этот молодой, но уже опытный зенитчик зарекомендовал себя мужественным воином, хорошим тактиком и волевым командиром. Его деятельными помощниками стали младший политрук Аникин, назначенный комиссаром, и капитан Грицай, выполнявший обязанности начальника штаба.

В состав группы вошли четыре батареи 76-мм зенитных пушек, две батареи малокалиберной зенитной артиллерии и восемнадцать расчетов крупнокалиберных зенитных пулеметов.

10 октября группа Добрицкого сосредоточилась в районе деревни Воробьи, поступив в распоряжение командующего 33-й армией. Сразу же по разным направлениям, где мог появиться противник, были высланы подвижные

[77]

разведывательные отряды. Однако они не обнаружили вражеских войск.

12 октября авиаразведка донесла о движении неприятельских колонн на Малоярославец и Боровск. Командующий 33-й армией приказал майору Добрицкому занять оборону на западной окраине Боровска и удержать этот город во что бы то ни стало: захват его позволил бы противнику выйти к Наро-Фоминску, от которого начинался только что построенный участок Киевского шоссе, ведущего в Москву.

Днем зенитчики вышли к реке Протва, на берегу которой раскинулся старинный русский город Боровск. Трудно было поверить, что на его тихих улицах с маленькими домиками, окруженными садами, скоро разгорится упорная и кровопролитная битва. Но именно так и произошло. Передовые отряды немецкого 57-го моторизованного корпуса приближались к Протве.

Бой начался в 23 часа. Встретив сильное сопротивление со стороны зенитчиков и потеряв несколько танков, противник вынужден был остановиться. Всю ночь продолжалась огневая

дуэль. Обе стороны понесли потери, но фашистам не удалось продвинуться ни на шаг. К рассвету немецкие автоматчики стали обходить огневые позиции артиллеристов. Для прикрытия флангов майор Добрицкий выдвинул пулеметные установки. Они сумели оттеснить противника, но вскоре сами оказались под огнем его артиллерии и минометов. Однако пулеметчики не дрогнули. Их разящие очереди продолжали прижимать вражескую нехоту к земле. В это время в воздухе появились бомбардировщики неприятеля. Пришлось вести борьбу и с наземным и с воздушным противником. Под руководством старшего лейтенанта В. Г. Бобкова и политрука П. П. Жукова воины сумели отразить все атаки. Один «хейнкель» был сбит.

Однако обстановка осложнялась с каждой минутой. Нужно было отходить за реку. И тогда сержант К. А. Майоров, не обращая внимания на разрывы вражеских мин, повел свою машину с пулеметной установкой к мосту. Вскоре пулеметчики перебрались на противоположный берег. А потом, поддерживая друг друга огнем, организованно сменили позиции и другие расчеты.

Бой у стен Боровска длился не утихая почти девять часов. Зенитчикам удалось задержать гитлеровцев у стен

[78]

города и выиграть драгоценное время. Враг потерял в этом бою восемь танков, два бомбардировщика и до батальона пехоты.

В этот период Ставка обязала нас выделить максимальное число истребителей для ударов по моторизованным колоннам немцев, прорвавшимся в район городов Белый и Юхнов, чтобы предотвратить их продвижение к Москве.

Опыт показал — да этого требовала и обстановка, — что для штурмовых действий целесообразнее применять массированные налеты авиации.

6-й истребительный авиационный корпус подготовил и обеспечил одновременный, согласованный по времени вылет четырех истребительных авиационных полков. Внезапным налетом истребители вызвали панику во вражеских войсках, нанесли немецкой мотопехоте и танкам чувствительный урон.

Особенно напряженно пришлось работать нашим авиаторам во второй половине октября, когда гитлеровцам удалось прорваться на ближние подступы к столице.

19 октября наши летчики нанесли несколько последовательных массированных ударов по врагу в районах Московского моря, города Клина, поселков Завидово и Тургиново. Они штурмовали наземного противника реактивными снарядами,

так называемыми «эрэсами», великолепно зарекомендовавшими себя еще в 1939 году в боях против японских захватчиков на Халхин-Голе.

Успешно действовали в тот период летчики 120-го истребительного авиационного полка под командованием подполковника А. С. Писанко. В те дни полк базировался на Центральном аэродроме столицы, который до войны считали главными воздушными воротами Москвы. Сейчас с миниатюрного поля аэродрома взлетают лишь пассажирские вертолеты, а осенью 1941 года над полем неумолчно гудели двигатели десятков истребителей. Летчики совершали по шесть — восемь вылетов в сутки, чтобы перехватывать бомбардировщики врага, рвавшиеся к городу, обрушивать штурмовые удары на немецкие танковые и механизированные части, также нацеленные на нашу столицу.

К. А. Крюков

К. А. Крюков

В 120-м истребительном авиационном полку выросли такие прославленные воздушные бойцы и мастера штурмовок, как Герои Советского Союза А. Н. Катрич и

[79]

К. А. Крюков, летчики А. Г. Михайлов, С. А. Рубцов, М. И. Сорокин и многие другие. Им посвятил свое стихотворение поэт

Алексей Сурков, побывавший в этой части:

Ведут бои опасные,
Потоки пуль стеля,
Чтоб рдели звезды красные
Над башнями Кремля.
В любом сраженье выстоим,
Рискуя головой,
Чтоб небо было чистое
Над нашею Москвой!

В марте 1942 года 120-й истребительный авиационный полк стал гвардейским.

Клятва гвардейцев 12-го истребительного авиационного полка

Клятва гвардейцев 12-го истребительного авиационного полка

В боях против рвавшихся к Москве гитлеровцев мужественно дрались и летчики других полков 6-го истребительного авиационного корпуса. Нужно сказать, что их боевая работа в этот период очень осложнилась. Объяснялось это резким сокращением аэродромной сети. Уже к концу октября у корпуса осталось лишь 20 аэродромов из 59 имевшихся в начале войны. Это сковывало маневр авиации, вызывало необходимость поднимать на перехват воздушного противника истребители с аэродромов, расположенных восточнее Москвы.

И тем не менее в этот период летчики произвели несколько

успешных штурмовок вражеских аэродромов. Мощные бомбо-штурмовые удары были нанесены в конце октября — начале ноября 1941 года. Такая задача по указанию Ставки перед нами была поставлена не случайно. Требовалось лишить наступавшие немецко-фашистские войска авиационной поддержки, заставить противника использовать бомбардировщики без сопровождения истребителей, базировавшихся на прифронтовых аэродромах. Эта задача была успешно выполнена. После ряда мощных внезапных ударов наших истребителей командованию люфтваффе пришлось отвести свои самолеты на глубинные аэродромы.

Особенно серьезный урон вражеским ВВС был нанесен в первых числах ноября. До сорока Ме-109 потеряли немцы на аэродроме в районе города Калинина вследствие внезапного удара 30 наших истребителей. Этой операцией руководил капитан Ф. С. Чуйкин. Он сумел отлично использовать низкую облачность, скоростные качества наших машин, их мощное вооружение. Выполнив

[80]

боевую задачу, группа без потерь вернулась на свою базу. Эффективными оказались налеты на аэродромы близ Юхнова и Инютино. Гитлеровцы почувствовали, что им придется считаться с возросшим мастерством и активностью советских летчиков. Господство противника в воздухе на этом участке советско-германского фронта было ликвидировано.

Штурмовки вражеских аэродромов уменьшали возможность немецко-фашистской авиации организовывать налеты и на нашу столицу. А это было особенно важно в дни, предшествовавшие Октябрьским праздникам. Дело в том, что Центральный Комитет партии и Советское правительство в конце октября приняли решение о проведении в Москве, на Красной площади, военного парада в честь 24-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции.

По понятным причинам подготовка к этому параду проводилась в обстановке строгой секретности. Даже будущие его участники не подозревали, что их строевые занятия — это подготовка к историческому маршу на Красной площади.

Меня заранее поставили в известность о торжественном заседании в помещении станции метро «Маяковская» и о готовящемся параде. Противовоздушной обороне столицы вменялось в обязанность принять все меры, чтобы обеспечить безопасность города. Познакомив с поставленной перед нами задачей самый узкий круг руководящих работников управления корпуса, я попросил их принять необходимые меры для

повышения бдительности и боевой готовности частей.

В те предпраздничные дни работникам штаба, политотдела корпуса, всем, кто не принимал непосредственного участия в дежурстве на командном пункте, пришлось безвыездно находиться в частях, контролируя их готовность к бою. И отовсюду шли донесения: «Люди глубоко прониклись чувством личной ответственности за выполнение своего долга, дежурство организовано безукоризненно, боевая техника в полной готовности!»

6 ноября командование люфтваффе предприняло попытку обрушить на Москву бомбовый груз. Это был один из массированных налетов. В нем участвовало большое количество вражеских бомбардировщиков, сопровождавшихся истребителями. Однако наши летчики и зенитчики

[81]

не допустили ни один немецкий самолет в воздушное пространство Москвы. Противник понес серьезные потери при попытках прорваться к городу.

Героями этих боев были многие наши воины. В 13 часов летчики 34-го истребительного авиационного полка, которым командовал майор Л. Г. Рыбкин, первыми вылетели на перехват большой группы «юнкерсов», появившихся в зоне действия войск ПВО Москвы. Затем к ним присоединились эскадрильи 27-го истребительного авиационного полка. В бой их вели майоры И. И. Воронин, М. И. Королев, Г. М. Пятаков. В небе Подмосковья развернулись ожесточенные воздушные бои.

Непреодолимой преградой для вражеских самолетов стал и огонь зенитной артиллерии. Наши зенитчики к осени 1941 года научились мастерски разить воздушные цели, очень организованно вести заградительный огонь. И было удивительно, что гитлеровцы решили совершить налет в дневное время. Видимо, это была еще одна попытка добиться успеха, использовав внезапность.

Налет длился почти пять часов. К шести вечера в небе Подмосковья не осталось ни одного самолета противника. Враг жестоко поплатился за попытку омрачить наш праздник.

Нужно ли говорить, что во время отражения налета весь состав оперативной группы командного пункта корпуса работал очень напряженно. Убедившись, что неприятель окончательно исчерпал свои наступательные возможности, я объявил отбой тревоги. Только теперь все почувствовали огромную усталость и в то же время удовлетворение: задание партии и правительства было выполнено успешно.

Отдав необходимые распоряжения, я поднялся наверх и, вызвав машину, отправился к станции метро «Маяковская». На улицах было уже оживленно. К площади Маяковского двигался поток машин. И вскоре вместительный перрон станции метро был заполнен. Он превратился в импровизированный зал заседаний: между колоннами стояли ряды стульев, а в дальнем от входа конце перрона была оборудована площадка со столом президиума и трибуной. Помещение, украшенное флагами, полотнищами с лозунгами, приобрело праздничный вид.

Я прошел вперед, поближе к трибуне, но сел на крайний в ряду стул, чтобы дежуривший у телефона

[82]

адъютант в случае необходимости мог меня быстро вызвать.

Ровно в 18.30 председатель Моссовета В. П. Пронин открыл торжественное заседание и предоставил слово И. В. Сталину. С большим вниманием присутствовавшие выслушали его доклад, сделанный по поручению партии и правительства. Не только мы, участники торжественного заседания, — весь мир ждал официальной оценки военного и политического положения страны, перспектив развития боевых действий. И мы услышали то, что так жаждали услышать: слова, выражающие уверенность в благополучном исходе гигантского сражения под Москвой, оптимистическую оценку перспектив дальнейшего развития событий на советско-германском фронте.

Содержание доклада, спокойный, деловой тон Сталина произвели на всех огромное впечатление.

Я с большой радостью воспринял слова доклада: «...Наша авиация по качеству превосходит немецкую авиацию, а наши славные летчики покрыли себя славой бесстрашных бойцов». Эта высокая похвала, безусловно, относилась и к защитникам неба столицы.

Мне не довелось быть на Красной площади во время исторического парада. Нужно было принять все меры к тому, чтобы в случае налета своевременно сообщить о нем и не допустить фашистские бомбардировщики к Москве. На этот счет я получил личные указания от Верховного Главнокомандующего. На командном пункте был установлен телефонный аппарат прямой связи с трибуной Мавзолея, на которой во время парада находились руководители партии и правительства.

В этот день все обошлось благополучно, хотя понервничать все же пришлось. Дело в том, что во время парада мы получили донесения от постов ВНОС о двух самолетах, шедших к Москве. Один из них — это был У-2 — летел из штаба Калининского

фронта с донесением. Предупредительным выстрелом его заставили сесть. Он приземлился рядом с огневой позицией зенитчиков. Второй самолет направлялся в Москву из Куйбышева. Пришлось позвонить командующему ВВС генералу П. Ф. Жигареву и попросить его отдать распоряжение о посадке этой машины. «В противном случае, — сказал я, — придется ее обстрелять».

[83]

Мы знали, что оба самолета наши. И все же нельзя было рисковать, допуская их к Москве. Кто мог гарантировать, что по ним не откроют стрельбу зенитчики, следуя строгому предписанию на сей счет. А это могло вызвать неприятные последствия, омрачить праздник.

Немецкая авиация после поражения, которое она потерпела 6 ноября, видимо, уже не имела сил для повторения налета. Однако позже, узнав о проведенном на Красной площади параде, главари люфтваффе, очевидно, сокрушались, что не попытались сорвать его.

После октябрьских праздников нашим войскам еще пришлось вести тяжелые оборонительные бои. Противнику удалось добиться в этот период некоторых успехов и потеснить нашу оборону.

В те дни, предшествовавшие советскому контрнаступлению под Москвой, по указанию Ставки мы сформировали две противотанковые группы, предназначенные для поддержки войск Западного и Калининского фронтов. Конечно, это ослабляло противовоздушную оборону столицы, но Ставка шла на такую крайнюю меру, не имея в то время возможности усилить каким-либо другим путем огневые средства войск, оборонявших подступы к Москве. Кроме того, привлечение зенитчиков к противотанковой обороне одновременно обеспечивало и противовоздушную оборону войск, что имело очень большое значение.

В состав обеих групп 1-й корпус ПВО выделил 84 орудия среднего калибра и 48 зенитных пулеметов. Одну из групп, получившую 64 орудия и 43 пулемета, возглавил опытный офицер управления корпуса полковник Д. Ф. Гаркуша, который в первые месяцы войны был начальником штаба 3-й дивизии ПВО, оборонявшей Киев.

Дивизионы зенитных артиллерийских орудий и батальон зенитных пулеметов этой группы получили задачу поддерживать войска 7-й гвардейской и 18-й стрелковых дивизий Западного фронта, которые действовали в составе 16-й армии на

солнечногорско-истринском направлении. Здесь враг ожесточенно рвался к Ленинградскому шоссе. Наши зенитчики приняли самое активное участие в оборонительных боях на этом участке фронта. В течение трех дней расчеты зенитных орудий и пулеметных установок отбивали атаки противника, нанося ему серьезный урон.

[84]

Трудность для наших воинов заключалась в том, что им приходилось отражать атаки танков и пехоты неприятеля нередко без пехотного прикрытия. Командование 16-й армии не имело возможности выделить для них ни одного стрелкового подразделения, так как при организации обороны вынуждено было учитывать чуть ли не каждый взвод. Резервов не было.

Особенно сложная обстановка создалась 24 ноября. Вражеским автоматчикам удалось просочиться к огневым позициям наших батарей. Фашисты вели огонь по окопам зенитчиков, а те не имели возможности ликвидировать эту угрозу. Однако и в таких условиях зенитчики, действуя смело и решительно, наносили сокрушительные удары по скоплениям неприятельских войск. Так, воины 18-й батареи 864-го зенитного артиллерийского полка, входившей в состав группы полковника Д. Ф. Гаркуши, сорвали атаку целого полка гитлеровцев. При этом враг оставил на поле боя до роты убитыми. Командовал этой батареей политрук М. П. Кошкин.

Мужественно действовал и личный состав батареи, которую возглавляли воентехник 2 ранга И. В. Жаворонков и младший политрук А. С. Сажнев. Зенитчикам было поручено поддерживать огнем оборону 159-го стрелкового полка 7-й гвардейской стрелковой дивизии. Умело оборудовав огневые позиции, расчеты вели интенсивный огонь по пехоте и танкам противника. Они успешно отразили и атаку фашистской авиации на боевые порядки наших войск.

В ноябре 1941 года под Москвой мне довелось встретиться со своим бывшим заместителем в Рязанском артиллерийском училище полковником Барием Абдуловичем Юсуповым. По делам, связанным с расстановкой зенитных орудий на противотанковых позициях, я прибыл в прифронтовой район. Вскоре на шоссе, недалеко от того места, где мы стояли, появилась колонна машин. Оказалось, что командиром подразделения установок М-13 был Б. А. Юсупов. Мы обрадовались встрече, наскоро обменялись новостями.

— Послушайте, какой «концерт» мы сейчас дадим для фрицев, — весело сказал Юсупов и стал отдавать распоряжения

командирам установок.

И в самом деле, «концерт» получился впечатляющий.

[85]

Вскоре после нашей встречи Барий Абдулович был тяжело ранен и доставлен в один из московских госпиталей. Я навестил его там. Юсупов находился в забытьи, бредил.

Врачам удалось спасти жизнь отважному артиллеристу, но вернуть ему зрение они не смогли.

Барий Абдулович Юсупов вошел в историю Великой Отечественной войны как один из первых командиров, овладевших новым грозным оружием — реактивными минометами и командовавших ими в боевой обстановке.

В Третьяковской галерее хранится прекрасный скульптурный портрет полковника Б. А. Юсупова работы В. И. Мухиной.

Под давлением превосходящих сил неприятеля 27 ноября подразделения 7-й гвардейской стрелковой дивизии отошли. Пришлось сменить огневые позиции и зенитчикам. Их рубежом обороны стала западная окраина деревни Киово на Дмитровском шоссе. Это всего в двух десятках километров от окраины Москвы. Наши воины решили стоять насмерть. Они выполнили свою клятву. Героические боевые действия этой батареи золотой страницей вошли в историю противовоздушной обороны столицы.

Утром 1 декабря 10 вражеских танков пытались атаковать огневые позиции орудийных расчетов, которыми командовали комсомолец замполитрука В. В. Громышев и коммунист старший сержант Г. А. Шадунц. Зенитчики встретили их метким огнем. Две фашистские машины были подбиты, остальные повернули назад.

Группа московских зенитчиков — героев боев с вражескими танками. Первый ряд (слева направо): И. Михайленко, Г. Шадунц, П. Телегин, И. Жаворонков, А. Сажнев; второй ряд: Н. Левченко, Б. Баранов, В. Конев, В. Петреев

Группа московских зенитчиков — героев боев с вражескими танками. Первый ряд (слева направо): И. Михайленко, Г. Шадунц, П. Телегин, И. Жаворонков, А. С. Сажнев; второй ряд — Н. Левченко, Б. Баранов, В. Конев, В. Петреев.

Через день противник повторил атаку. На участке обороны зенитчиков появилось 25 танков. И снова разгорелся ожесточенный бой. Атаку вражеских танков поддерживали тяжелые минометы, стрелявшие с закрытых позиций. Особенно трудно пришлось расчету Громышева. Воины подразделения уничтожили два танка, но все погибли. Последним пал смертью храбрых командир, до конца выполнивший свой долг.

Тяжелый бой выдержал расчет Гайка Шадунца. Наводчик этого орудия ефрейтор Василий Раздайбеда мгновенно ловил в перекрестье прицельной трубы неприятельские танки, а заряжающий Борис Баранов, заслав снаряд в патронник, быстро производил выстрел. Вот остановился один танк. Бронебойный снаряд зенитного орудия снес с него башню. Затем застыла на месте другая брониро-

ванная машина. Экипаж третьего танка, пытавшийся прийти на помощь второму, был уничтожен. Шесть танков потерял противник на этом участке от огня зенитного орудия, но ни на шаг не продвинулся вперед, хотя в то время именно здесь он был ближе всего к заветной цели, к Москве.

В район Клязьминского водохранилища, где танковой части противника удалось прорвать оборону наших войск, были переброшены семь батарей из состава группы полковника Д. Ф. Гаркуши. Они закрыли брешь и сумели задержать наступление

врага. Здесь стойко сражались воины батареи лейтенанта И. А. Кушакова. В напряженном бою зенитчики уничтожили 8 танков и не допустили врага к мосту через водохранилище.

В районе Савельево, Ложки, Овсяпиково, что у Ленинградского шоссе, зенитчики уничтожили 12 танков, 3 самолета, 4 минометных батареи, 12 пулеметных точек, несколько автомашин и до полка живой силы противника. 1-я немецкая танковая дивизия, действовавшая здесь, во многом потеряла свои наступательные возможности благодаря противодействию зенитчиков.

Комиссаром в группе полковника Д. Ф. Гаркуши был старший политрук Г. М. Крытов — в прошлом редактор газеты корпуса. После ранения его сменил инструктор политотдела корпуса по комсомолу старший политрук И. В. Стрелков. Оба они вполне оправдали наше доверие.

Умело выполнял свои обязанности в трудных условиях быстро менявшейся боевой обстановки и начальник штаба группы полковник А. М. Ребриев.

Вторая группа зенитных батарей, выделенных нами из состава Московской противовоздушной обороны, действовала на рогачевском направлении. Возглавлял ее начальник штаба одного из полков майор Семен Лаврович Спиридонов (ныне генерал-лейтенант артиллерии). Комиссаром в эту группу был назначен один из лучших политработников корпуса — батальонный комиссар Павел Петрович Телегин. В группу входили сводный зенитный артиллерийский дивизион в составе пяти батарей (20 орудий) и пять зенитно-пулеметных установок.

Действуя вместе со 133-й и 126-й стрелковыми и 17-й кавалерийской дивизиями, а также с 21-й и 24-й танковыми бригадами, входившими в группу генерала Ф. Д. Захарова, зенитчики должны были предотвратить

[87]

прорыв противника к Москве с северо-западного направления, откуда части 6-й и 7-й танковых дивизий гитлеровцев наносили сильный удар, пытаясь обойти Москву с севера.

В районе деревень Федоровка, Филимоново, Храбровка, Алабуха 27 ноября развернулись напряженные бои. Некоторые наши стрелковые и танковые подразделения, в том числе и группа майора Спиридонова, оказались в окружении. Противник, стремясь расчленить окруженную группировку, бросил в бой большое число танков с десантом автоматчиков.

На пути наступавших вражеских подразделений оказались

огневые позиции двух орудий 19-й батареи 250-го зенитного артиллерийского полка, возглавляемые комиссаром батареи младшим политруком Б. М. Чеславским. Воины не дрогнули перед превосходящим противником. Первым же выстрелом был подбит один танк. Сразу же отошла и пехота. Фашисты отступили, но было ясно, что они не отказались от своего намерения прорваться сквозь огневой заслон. Сосредоточив большие силы, враг снова атаковал зенитчиков. Но к этому времени майор С. Л. Спиридонов перебросил на угрожаемое направление еще шесть орудийных расчетов. И тем не менее силы были неравные.

В один из моментов боя бессмертный подвиг совершил замполитрука комсомолец Н. Ф. Левин. Дело было так. Гитлеровцы повели наступление на огневую позицию зенитчиков, обстреливая ее из минометов и пулеметов. В расчетах двух орудий, находившихся на основном направлении, оставалось все меньше людей. Вот замолчала одна пушка. Все реже и реже слышались выстрелы другой. Командир взвода лейтенант В. В. Тарабан стал пробираться к орудийному окопу. Но вражеская пуля настигла его. И тут из ячейки выскочил Никифор Левин. Добежав до замолкшего орудия, он встал к прицелу. По его команде несколько раненых бойцов стали подавать ему снаряды. Атака неприятеля была сорвана.

Но вот с фланга появилась большая группа немецких автоматчиков. Нужно было нацелить на нее огонь соседних орудий. И Никифор Левин, вскочив на бруствер, показал рукой направление стрельбы.

— Взять влево! — успел крикнуть он и замертво упал в окоп.

[88]

Два слова, произнесенные комсомольцем Левиным, стоили ему жизни. Но они помогли отбить атаку врага. Более батальона пехоты и восемь танков потерял противник в этом бою.

В результате внезапного прорыва вражеской механизированной колонны в тыл наших войск группе майора Спиридонова и некоторым другим частям пришлось вести бой в окружении. Однако зенитчикам почти в полном составе удалось прорваться к своим. Но громоздкие, мало приспособленные к транспортировке по бездорожью зенитные пушки пришлось оставить в лесу. Несколько позже, получив тягачи, майор Спиридонов и батальонный комиссар Телегин сумели найти дороги, не занятые противником, и вывезти по ним свои орудия.

Боевая деятельность обеих противотанковых групп, сформированных из наших зенитчиков, получила высокую оценку

командиров стрелковых дивизий, вместе с которыми они отстаивали оборонительные рубежи.

В конце ноября сильный удар по противнику нанесли наши авиаторы. Поддерживая пехоту, истребители в течение дня атаковали мотомеханизированную группу неприятеля, прорывавшуюся от Солнечногорска на Хоругвино и Логиново. Гитлеровцы потеряли здесь от ударов авиации 77 танков, 263 автомашины и немало живой силы.

На подступах к столице бесстрашно дрались и пулеметчики из зенитно-пулеметного полка, которым командовал энергичный и знающий офицер майор Антон Михайлович Накашидзе.

Однополчане и местные жители свято хранят память о трех отважных пулеметчиках-зенитчиках Михаиле Максимове, Петре Калашникове и Павле Островском.

Эти бесстрашные воины отразили несколько яростных атак пятнадцати вражеских бомбардировщиков, пытавшихся бомбить наши войска, а затем вместе с подразделением стрелковой части вели огонь из своей счетверенной установки по цепям наседавших неприятельских автоматчиков. Установка продолжала стрелять и тогда, когда все трое получили тяжелые ранения. Герои погибли, но враг не прошел.

Любопытное признание содержится в одном из документов командования XXIII армейского корпуса немец-

ко-фашистской армии, относящихся к этому периоду. «Бои наземной армии, — говорится в нем, — в последние два месяца потребовали использования непосредственно в наземном бою соединений тяжелых, сравнительно малоскоростных бомбардировщиков. При этом установлено, что потери в самолетах в результате обстрела с земли были исключительно велики. В одном соединении, введенном в бой для непосредственной поддержки наземных войск, количество действующих самолетов уменьшилось в результате обстрела с земли до 50 процентов. Причину этого следует искать в хорошо организованной противовоздушной обороне русских...»[12]

Умелые и мужественные действия наших воинов в период напряженных боев с наземным противником во многом являлись следствием хорошо налаженной политической работы в подразделениях. Нужно сказать, что этому вопросу командование корпуса уделяло большое внимание. В самые трудные моменты, когда от людей требовалось огромное напряжение сил, мы принимали меры, чтобы обеспечить свои подразделения не только боеприпасами, продуктами питания, теплой одеждой, но и

книгами, газетами, листовками.

В одной из таких листовок, обращенных к воинам истребительно-противотанковых отрядов, говорилось: «В минуту опасности наша организация и дисциплина должны многократно возрасти. Ни тени паники, ни одного малодушного в наших рядах!

Бойцы истребительных отрядов и батальонов, на вас возлагается трудная и ответственная задача — уничтожать вражеские танки гранатой и бутылкой с горючим. Будьте стойки, ни шагу назад! Не отдадим Москву!»

В подразделениях перед решающими боями проводились митинги, партийные и комсомольские собрания.

Политическая агитация, пламенное слово командиров, политработников, агитаторов находило самый горячий отклик в сердцах воинов. Пожалуй, никогда не был так высок патриотический подъем среди нашего личного состава, как в эти, самые трудные для советской столицы, дни. Я не помню случая, чтобы командирам приходилось

[90]

прибегать к мерам дисциплинарного воздействия за малодушие, нерадивость, недисциплинированность. Не было таких случаев в наших подразделениях, хотя в те дни стойкость каждого проходила самое суровое испытание.

Нельзя не отметить, что подавляющее большинство наших комиссаров батарей, рот, отрядов лишь в ходе боев приобретали опыт политической работы в войсках. Многие из них пришли из запаса, другие были выдвинуты на должности политработников из рядовых и младших командиров. Достаточно сказать, что из 416 военкомов подразделений в 1-м корпусе ПВО только каждый четвертый имел стаж работы более года.

Мы смело выдвигали на должности комиссаров лучших коммунистов. За первые шесть месяцев войны 120 человек были назначены военкомами подразделений, из них 30 рядовых и младших командиров; 70 человек стали комиссарами дивизионов и батальонов. Ответственные посты комиссаров полков заняли способные политработники старшие политруки И. В. Зернов, И. А. Демьянов и некоторые другие.

В эти дни нелегко приходилось и нам, руководителям войск противовоздушной обороны столицы. Из-за частых дневных и ночных налетов авиации противника на Москву много времени приходилось проводить на командном пункте. Но как только появлялась возможность, мы выезжали на передний край к зенитчикам, выделенным для наземной обороны.

Правда, поездки эти были недальними: борьба шла на ближних подступах к столице. Машина за 40—50 минут доставляла нас к линии фронта. Нередко случалось попадать и под обстрел неприятеля. Однажды, пробираясь к батарее, расположенной на заснеженном поле, мы попали под минометный огонь. На белой равнине вокруг нас появилось множество черных пятен от взрывов. Нужно было выбираться из зоны обстрела. Видимо, вражеский корректировщик приметил нас. До машины, оставленной в перелеске, было довольно далеко. Вскоре я почувствовал, что стало трудно дышать. Помог мне вырваться из огненного кольца и добраться до укрытия мой адъютант капитан М. М. Терехин, который всегда сопровождал меня в таких поездках. Переждав стрельбу, мы окольным путем добрались до батареи. Михаил Михайлович Терехин — человек недюжинной физической си-

лы и незаурядных организаторских способностей — был моим верным и постоянным помощником. В те дни ему было поручено формирование и обучение батальона лыжников-автоматчиков. Это подразделение прикрывало потом наши батареи, выдвинутые на противотанковые позиции. Михаил Михайлович Терехин, будучи прекрасным спортсменом, впоследствии сделал многое, чтобы развить военно-прикладные виды спорта в частях ПВО.

Непосредственное участие в борьбе с наземным противником вместе с частями Красной Армии и ополченцами приняли наши зенитчики и летчики при обороне Тулы и Каширы.

Бои за Тулу и Каширу были очень тяжелыми. Используя огромное количество танков, гитлеровцы пытались с ходу овладеть обоими важными пунктами.

Войска Тульского бригадного района ПВО, которые возглавлял генерал-майор М. Н. Овчинников, были немногочисленны. Из наземных войск противовоздушной обороны здесь находился лишь один 732-й зенитный артиллерийский полк, взаимодействовавший с несколькими ротами зенитных пулеметов. В дни боев за Тулу всем этим подразделениям пришлось занять противотанковую оборону на окраинах города.

22 октября воздушная разведка обнаружила более 40 вражеских танков в 45 километрах к западу от Тулы. Позже многочисленные группы танков были замечены на юго-западном направлении. Командир 732-го полка майор М. Т. Бондаренко принял все меры к усилению противотанковой обороны в

западном и юго-западном направлениях. Он решил, в частности, использовать для помощи артиллеристам зенитные прожекторы. Это едва ли не первый случай применения прожекторов для наземной обороны.

Первый бой зенитчики провели 29 октября. Прорвав оборону 290-й стрелковой дивизии в районе Ясной Поляны, гитлеровцы устремились к городу оружейников. И тут на их пути встали зенитчики. Не выдержав сильного огня, противник повернул обратно, оставив на поле боя несколько подбитых машин.

На рассвете 30 октября атаки танков и мотопехоты возобновились с новой силой. Особенно яростно неприятель рвался к городу вдоль Орловского шоссе, где стояла 6-я батарея 732-го зенитного артиллерийского полка. Вы-

[92]

сокое мужество проявили в этом бою командир взвода лейтенант Г. М. Волнянский, комиссар батареи политрук М. И. Сизов, орудийные расчеты сержантов Т. Н. Никитенко и И. Г. Козака. Фашисты потеряли пять танков и отступили.

Г. М. Волнянский

Г. М. Волнянский

Через некоторое время враг возобновил атаки. На позиции наших артиллеристов двинулись около тридцати танков. И вновь они были встречены метким огнем. Однако редел и строй обороняющихся. Наводчик одного из орудий комсомолец И. И. Беспалов был тяжело ранен, но продолжал сражаться, пока осколок снаряда не оборвал его жизнь. К орудию встал лейтенант

Волнянский. Выполняя обязанности всех выбывших из строя номеров расчета, он подбил два танка. Но вскоре отважный офицер погиб под гусеницами третьей вражеской машины, успев подорвать ее противотанковой гранатой.

Столь же мужественно сражались и другие зенитчики взвода, которых после гибели лейтенанта Волнянского возглавил политрук Сизов. За день боя они уничтожили в общей сложности 12 неприятельских машин.

Не смог преодолеть огня зенитчиков противник и на Варшавском шоссе, где самоотверженно оборонялись воины 10-й батареи. Особенно стойко действовал взвод лейтенанта М. И. Милованова. Зенитные расчеты, в которых наводчиками были красноармейцы Н. Я. Степанов и Н. Г. Лачин, уничтожили четыре немецких танка.

Как ни труден был день 30 октября для защитников Тулы, в том числе и для наших зенитчиков, все они с честью выполнили свой долг. От огня зенитчиков противник потерял в этот день 26 танков, более 200 солдат и офицеров. Это значительно снизило наступательные возможности фашистов в последующие дни. хотя они и пытались еще несколько раз сломить сопротивление обороняющихся подразделений.

Мужество и мастерство наших зенитчиков не мог не признать и командующий 2-й танковой армией гитлеровцев генерал Гудериан. «29 октября наши головные танковые подразделения, — писал он, — достигли пункта, отстоящего в 4 км от Тулы. Попытка захватить город с хода натолкнулась на сильную противотанковую и противовоздушную оборону и окончилась провалом, причем мы понесли значительные потери в танках и офицерском составе».

[93]

Многие воины 732-го зенитного артиллерийского полка были награждены орденами и медалями за участие в героической обороне Тулы. Их заслуги отмечены памятным Красным знаменем Тульского горкома ВКП (б) и исполкома Совета депутатов трудящихся.

Отлично показали себя при обороне Тулы наши прожектористы, взаимодействовавшие с зенитчиками.

Средств у прожектористов было немного — всего восемь станций. Каждая из них была придана зенитным артиллерийским взводам, занимавшим противотанковую оборону на наиболее ответственных направлениях.

Так, вместе со взводом лейтенанта М. И. Милованова действовали прожектористы взвода лейтенанта Л. И. Смирнова.

30 октября с наступлением темноты группа вражеских танков предприняла внезапную атаку, пытаясь прорваться к городу через заслон артиллеристов. Однако наблюдатели прожектористов, выдвинутые вперед, обнаружили противника своевременно. По их сигналу мощный луч осветил неприятельские танки. Атакующие машины были видны как на ладони, и зенитчики открыли по ним губительный огонь. Короткий бой закончился нашей победой. Гитлеровцы потеряли три танка.

В другой раз пехота противника, развернувшись на узком участке, под покровом темноты скрытно двинулась к линии нашей обороны в районе зенитной батареи лейтенанта Н. Д. Мазурова. Фашисты шли в полный рост, плотными рядами. Они были уверены, что им удастся застать наших артиллеристов врасплох. Внезапно наступающих ослепил яркий луч, а затем по ним ударили зенитные орудия. Атака была сорвана. Противник понес чувствительные потери.

Не сумев сломить сопротивление защитников Тулы, соединения 2-й немецкой танковой армии двинулись в обход города с востока. Прорвав оборону 50-й армии, они устремились к городу Венев. Встретив на подступах к нему упорное сопротивление, гитлеровцы решили наступать на север. В сторону Каширы двинулась их 17-я танковая дивизия.

«25 ноября передовому отряду этой дивизии, — говорится в «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза», — удалось прорваться к южной окраине Каширы, где его встретил сильным огнем зенитный артил-

[94]

лерийский дивизион под командованием майора А. П. Смирнова»[13].

Здесь повторилось то же, что и под Тулой: зенитчики, действуя без пехотного прикрытия, своим мощным огнем остановили продвижение танков противника, задержали его, пока к участку прорыва не подошли наши части — конники 2-го кавалерийского корпуса под командованием генерала П. А. Белова и 112-я танковая дивизия полковника А. Л. Гетмана.

Воинам 352-го отдельного зенитного артиллерийского дивизиона во главе с майором Смирновым пришлось выполнять весьма сложную и ответственную задачу. Получив сообщение о движении к Кашире с юга танковой колонны неприятеля, командир дивизиона своевременно перегруппировал средства. Две батареи заняли противотанковые позиции на южной окраине города и у моста через Оку. Остальным подразделениям было приказано защищать от воздушного противника электростанцию

— важнейший объект города.

25 ноября в 16 часов командиру 3-й батареи старшему лейтенанту С. К. Абрамову с наблюдательного поста доложили, что по шоссе от Венева движется группа вражеских танков и автомашин. Как только они приблизились, зенитчики открыли огонь. Гитлеровцы повернули обратно. Но вскоре позиции батареи атаковали около 50 танков. Сосредоточенный огонь зенитчиков сорвал и эту попытку врага прорваться к городу. Несколько неприятельских машин было уничтожено.

Одновременно артиллеристам пришлось отражать налет воздушного противника, пытавшегося разбомбить мост через Оку. Несмотря на потери, зенитчикам удалось отстоять этот чрезвычайно важный для наших войск объект. Здесь отличились зенитчики батареи, которой командовал старший лейтенант И. С. Рязанцев.

За Тулу и Каширу сражались и наши летчики-истребители. В обороне Тулы участвовал 171-й истребительный авиационный полк, получивший за героизм и мастерство наименование Тульского. При этом отважно действовали не только летчики, дравшиеся с превосходящим по численности противником, но и технический состав полка,

[95]

которому не раз приходилось отражать атаки вражеских автоматчиков на границах аэродрома.

Блестящую победу в одном из воздушных боев на подступах к Туле одержал младший лейтенант Г. К. Старцев. Во главе звена он вылетел на перехват вражеских бомбардировщиков. Фашисты не выдержали дружной атаки наших летчиков и повернули обратно. Пытаясь уйти от преследования, ведущий группы юнкерсов спикировал к земле и на малой высоте пошел на запад. Старцев атаковал врага, но оружие отказало — пулеметы молчали. Тогда летчик пошел на таран. Приблизившись к бомбардировщику, винтом своего истребителя он обрубил ему хвостовое оперение. Выполнив боевую задачу, Старцев благополучно приземлился на своем аэродроме.

За период обороны Тулы летчики полка провели 47 воздушных боев, в которых уничтожили 16 самолетов противника.

В районе Каширы ожесточенные воздушные бои вели экипажи 445-го истребительного авиационного полка под командованием майора В. П. Круглова. За несколько дней они уничтожили 20 самолетов врага. Многие авиаторы и зенитчики — участники оборопы Каширы — были награждены орденами и медалями.

За заслуги в обороне города личному составу 352-го отдельного зенитного артиллерийского дивизиона было вручено Красное знамя Каширского горкома ВКП(б) и Исполкома Совета депутатов трудящихся.

Летом 1941 года в Москву приезжал Гарри Гопкинс — личный советник президента США Рузвельта. Он вел беседы со Сталиным и другими руководителями партии и правительства по вопросам, связанным с поставками Советскому Союзу боевой техники и военных материалов.

Среди этих поставок значительное место должны были занимать самолеты-истребители, зенитные орудия и пулеметы, предназначенные для нужд противовоздушной обороны.

Впоследствии американские малокалиберные зенитные пушки действительно появились в советских войсках. Были они и в частях Московской противовоздушной обороны. Зенитчики неплохо отзывались об этом оружии. Однако заокеанскую технику мы получили тогда, когда немецко-фашистская авиация уже вынуждена была прекратить на-

[96]

леты на Москву. Расчетам, освоившим американские пушки, не довелось сделать из них ни одного выстрела но реальному противнику, и свое умение вести огонь из иностранных орудий они демонстрировали лишь на учебных стрельбах.

Что же касается потребности советских войск в зенитной артиллерии, то она действительно была настоятельной. Вот несколько цифр, характеризующих уровень технической оснащенности войсковой противовоздушной обороны к началу Великой Отечественной войны. В штатах стрелковой дивизии числился зенитный артиллерийский дивизион, а в каждом стрелковом полку — зенитно-пулеметная рота. Для прикрытия от воздушного противника согласно штатам дивизия располагала всего восемью 37-мм и четырьмя 76,2-мм зенитными пушками, девятью крупнокалиберными зенитными пулеметами и двадцатью четырьмя счетверенными зенитно-пулеметными установками.

Однако и этих явно недостаточных сил и средств не удавалось выделять во вновь сформированные в начале войны соединения. Так, на Юго-Западном фронте ко второму месяцу войны дивизии были обеспечены среднекалиберными зенитными орудиями лишь на 70 процентов, а малокалиберными и того меньше — на 40 процентов.

В период, когда войска Западного фронта отходили к Москве, оборонять штаб фронта от нападения авиации противника пришлось нашим зенитчикам. Из состава частей Московской

противовоздушной обороны для этой цели был выделен 751-й зенитный артиллерийский полк, личный состав которого успешно выполнил свои обязанности.

Мне думается, недостатки в защите пехоты, конницы, танков от ударов вражеской авиации в первый год войны объяснялись не только острой нехваткой зенитных средств, но и тем, что общевойсковые командиры не были в должной мере подготовлены к решению этой задачи. Гражданская война почти не оставила опыта организации противовоздушной обороны войск, видимо, не уделила должного внимания этому вопросу в предвоенный период и наша военно-теоретическая мысль.

Накануне войны в наших Вооруженных Силах готовилось очень мало специалистов младшего и среднего звена для зенитных подразделений сухопутных войск. На должности командиров зенитных пулеметных взводов, зенитных артиллерийских батарей, предназначенных для

[97]

противовоздушной обороны войск, нередко назначались выпускники общевойсковых или обычных артиллерийских училищ.

Нужно сказать, что и штаты подразделений ПВО в войсках были явно недостаточны. Зенитчики могли прикрыть от ударов с воздуха штабы дивизий и полков, решать отдельные, частные задачи по защите переправ или тыловых баз, но для обеспечения противовоздушной обороны боевых порядков средств у них не хватало.

В начале войны, пользуясь подавляющим превосходством в воздухе, люфтваффе нанесли нашим сухопутным войскам чувствительный урон. Учитывая это, Советское правительство поставило перед нашей промышленностью задачу — в кратчайшие сроки увеличить выпуск зенитных орудий, пулеметов и боеприпасов к ним. И эта исключительно трудная в условиях войны задача была решена. К осени 1942 года войска получили 2761 среднекалиберную и 3499 малокалиберных пушек. В 1943 году артиллерийские заводы дали соответственно 5472 и 3713 орудий, а в 1944 году производство 37-мм пушок было доведено до 5993, 85-мм — до 1903 и 25-мм — до 2353. Возросшее обеспечение фронта орудиями и истребителями новейших конструкций позволило успешно решать задачи противовоздушной обороны войск.

Ведя тяжелые оборонительные бои против воздушного и наземного противника, мы не замечали, как летит время. Уже закончился ноябрь, и наступил последний месяц сорок первого

года. Несмотря на тяжелое положение на фронтах, мы не теряли оптимизма, ждали перелома в ходе войны и, как могли, приближали этот желанный день.

О готовящемся контрнаступлении наших войск мне стало известно заранее. Ставка вменила в обязанность частям противовоздушной обороны столицы надежно прикрывать районы сосредоточения резервов, не допускать к ним не только бомбардировщиков, но и разведчиков неприятеля. Мы выполнили эту ответственную задачу. Контрнаступление советских войск, начавшееся 5—6 декабря, явилось для врага полной неожиданностью.

Активное участие в контрнаступлении приняли летчики-истребители ПВО. Большими группами они штурмовали боевые порядки вражеских войск, нанося им огромные потери, не давая возможности закрепляться в узлах сопротивления и опорных пунктах. Особенно эффектив-

ными оказывались удары по отступавшему противнику. Глубокий снежный покров сковывал маневр врага. Его войска вынуждены были двигаться по дорогам, забитым обозами тыловых подразделений. Вот на дорогах-то и сосредоточили свое внимание наши летчики. Они помогали дезорганизовать движение противника.

Только в первый день контрнаступления летчики ПВО совершили до двух тысяч самолето-вылетов. Столь же интенсивно они действовали и в последующие дни. Потери врага от штурмовых ударов наших летчиков-истребителей исчислялись десятками танков, сотнями автомашин, большим количеством живой силы.

В эти дни совершил свой подвиг командир звена 11-го истребительного авиационного полка лейтенант Венедикт Ефимович Ковалев.

В. Е. Ковалев

В. Е. Ковалев

Ранним утром 14 декабря 1941 года во главе группы истребителей он вылетел на штурмовку вражеских войск. Летчики обрушили огонь пулеметов и реактивных снарядов на колонну противника, отступавшую по Волоколамскому шоссе на запад. Первым атаковал гитлеровцев Венедикт Ковалев. Меткими очередями он косил вражескую пехоту, поджигал автомашины. Участник этого боя политрук Устинов рассказывал потом: «Нам удалось добиться внезапности и беспрепятственно в упор расстрелять большую автоколонну противника. Потерь у немцев было много. Лейтенант Ковалев после первой атаки сделал второй заход, потом третий. И тут он попал под огонь внезапно ожившей зенитной установки врага. На самолете загорелся мотор. Командир пытался скольжением сбить пламя, но это ему не удалось. Тогда он дал длинную очередь по вражеской колонне и, не пытаясь вывести самолет из пикирования, врезался в скопление автомашин».

Венедикту Ефимовичу Ковалеву посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Под ударами советских войск враг откатывался на запад, неся большие потери в живой силе и технике. Много сделали для обеспечения высоких темпов контрнаступления наши летчики, завоевавшие господство в воздухе и сохранившие его на протяжении всей зимы 1941/42 года.

Мастером сокрушительных штурмовок зарекомендовал себя

ставший позже Героем Советского Союза старший лейтенант Николай Степанович Самохвалов. На его счету

[99]

к этому времени было 60 воздушных боев, десятки штурмовок, 19 сбитых неприятельских самолетов.

В числе других отважных летчиков можно назвать и капитана Александра Ивановича Смирнова, который, сражаясь под Москвой, 98 раз вылетал на штурмовки, в воздушных боях сбил 20 вражеских самолетов.

Активное участие в развернувшемся под Москвой контрнаступлении приняли артиллеристы и пулеметчики столичной противовоздушной обороны. Поддерживая стрелковые части, они подавляли огневые точки противника, уничтожали его живую силу и боевую технику.

В дни контрнаступления наземные части ПВО, в свое время отошедшие к Москве, двигались вслед за войсками фронтов и незамедлительно занимали огневые позиции, оборудовали наблюдательные посты и прожекторные точки на освобожденной от противника территории.

Многие офицеры и генералы управления корпуса в те дни выезжали в освобожденные районы, чтобы на месте организовывать противовоздушную оборону населенных пунктов, коммуникаций войск, фронтовых объектов.

В этих поездках, как и во всей нашей работе, принимали участив руководители московской партийной организации, городского и областного Советов депутатов трудящихся. Они детально вникали во все наши нужды, оказывали нам неоценимую помощь в культурно-бытовом обслуживании воинов, которым приходилось обживать опустошенные войной места.

В прифронтовые районы я неоднократно ездил вместе с Василием Прохоровичем Прониным. Однажды такая поездка чуть не закончилась для нас трагически. Это случилось в только что освобожденной Истре. Въехав в город, мы приказали шоферу остановить машину у разрушенного дома и пошли к вносовцам. Почти одновременно к этому же зданию подъехал грузовик с каким-то военным имуществом. Едва мы отошли на несколько шагов, как раздался взрыв. Автомобиль был разбит. Под его колесом оказалась противотанковая мина. Видимо, над ней образовалась корка льда, удерживавшая нажимной механизм некоторое время. Подтаяв от разогревшегося в пути колеса и не выдержав тяжести грузовика, лед треснул, и вражеский «сюрприз» сработал. Задержись мы на минуту-другую, последствия могли быть печальными.

[100]

Анализируя деятельность немецко-фашистской авиации при налетах на Москву в октябре — декабре 1941 года, мы определили два совершенно различных этапа: с 30 сентября по 30 октября и с 1 ноября по 22 декабря.

Период 30 сентября — 30 октября характеризовался весьма высокой активностью люфтваффе. Это был период «решительного» наступления группы армий «Центр» на Москву, и, естественно, 2-й воздушный флот немцев, усиленный к тому времени подразделениями других флотов, много внимания уделял разведке. Только за десять первых дней октября мы зафиксировали 724 полета разведчиков. Вместе с тем противник обрушивал бомбовые удары на небольшие города и населенные пункты в ближайшем тылу наших войск, стремясь посеять панику, дезорганизовать работу транспорта. Налетая на эти объекты, не защищенные средствами ПВО, фашистские летчики с малых высот обстреливали мирное население, поджигали деревянные постройки.

В распоряжении командования 2-го воздушного флота в это время было еще достаточно сил. Их хватало и для организации массированных налетов на нашу столицу. Вражеские бомбардировщики, сопровождаемые истребителями, 31 раз пытались прорваться в воздушное пространство Москвы. Но ни дневные налеты (их было 13), ни ночные (18) не принесли успеха. Из 2018 самолетов, участвовавших в этих налетах, в воздушное пространство города удалось проникнуть 72.

В первой половине октября противник пытался пробиться к столице мелкими группами — по 10—15 самолетов. Но, видя, что это не приносит успеха, сменил тактику: бомбардировщики стали появляться большими группами на значительной высоте по нескольку раз в сутки (28 октября мы четыре раза объявляли городу тревогу). Однако все попытки врага оказались тщетными. Пришлось ему опять сменить тактику: два-три самолета в течение пяти-шести часов имитировали нападение на Москву, стремясь измотать силы ПВО, дезорганизовать работу предприятий. Но и эта уловка не удалась противнику. Мы просто-напросто не объявляли городу тревогу, а зенитчики умудрялись отдыхать прямо у орудий.

Еще большую активность вражеская авиация проявляла с 1 ноября до начала декабря. В этот период люфтваффе провели 41 налет на Москву (17 дневных и 24 ноч-

[101]

ных). В общей сложности в них участвовало 1950 самолетов, а к городу удалось прорваться только 28. Не помогла гитлеровцам и низкая облачность. Наши летчики находили самолеты противника за облаками, а зенитчики преграждали им путь к охраняемым объектам умело организованным заградительным огнем.

Немцы использовали в этот период для налетов на город свои самые скоростные бомбардировщики, истребители сопровождения, постоянно меняли тактику. Например, в памятный день 6 ноября на Москву была послана большая группа бомбардировщиков истребителей Ме-110, которые пытались пробиться сквозь зенитный заслон на малых высотах. В другие дни налеты проводились на большой высоте.

Стремясь сломить сопротивление защитников Москвы, немецко-фашистское командование наряду с самолетами самых старых марок использовало и машины-новинки. Среди наших трофеев, в частности, оказались «Мессершмитты-115», которые немцы считали новым словом в самолетостроении. Как показала практика, горели эти новинки ничуть не хуже, чем первые образцы «мессершмиттов».

К началу Великой Отечественной войны на вооружении Советских ВВС состояли главным образом устаревшие типы истребителей — И-16 и И-153. Эти машины уступали в скорости, высотности, вооружении основному истребителю гитлеровцев — Ме-109.

Правда, уже перед войной наши авиационные конструкторы и самолетостроители за короткий срок, по существу за полтора-два года, сумели создать вполне современные по тому времени самолеты и наладить их серийный выпуск. Но в начале войны истребителей Як-1, МиГ-3 и ЛаГГ-3 в частях было еще крайне мало. Конечно, нельзя было рассчитывать и на то, что они сразу же превзойдут по своим летно-боевым качествам машины немецких конструкторов, начавших разработку новых моделей самолетов и испытавших их в бою гораздо раньше, чем мы.

В дальнейшем модификации новых советских истребителей — Як-7, Ла-5 по скорости, маневренности, вооружению и ряду других показателей превзошли самолеты Германии, хотя немецкие конструкторы сумели также несколько усовершенствовать свои машины.

[102]

Но как бы то ни было, а воевать летчикам Московской противовоздушной обороны пришлось в основном в ту пору, когда превосходство в качестве и количестве авиационной

техники было на стороне противника. Нужно учесть также и то немаловажное обстоятельство, что летом и осенью 1941 года против нас действовали лучшие летные кадры гитлеровских люфтваффе, накопившие боевой опыт и на «испанском полигоне», и в воздушных сражениях против авиации Англии, Франции, Голландии, Польши. Но, несмотря ни на что, наши летчики одерживали победы. И здесь уже решающим фактором была не столько техника, сколько люди, которые глубоко верили в справедливость своего дела и для его победы не жалели ни сил, ни самой жизни.

Летчик столичной противовоздушной обороны Герасим Григорьев в дни налетов неприятеля на Москву семнадцать раз вступал в бой с немецкими самолетами. И во всех семнадцати случаях побеждал. На счету Героя Советского Союза Г. А. Григорьева 17 уничтоженных самолетов противника, среди которых и модернизированные истребители Ме-109ф. А летал Григорьев на ЛаГГ-3, который считался «тяжеловесным тихоходом».

Г. А. Григорьев

Г. А. Григорьев

Летчик-истребитель младший лейтенант А. Г. Лукьянов за несколько дней на своем «миге» уничтожил три вражеских самолета. Во всех случаях бой проходил на такой высоте (2—2,5 тыс. метров), к которой МиГ-3 считался плохо приспособленным.

Виктор Талалихин таранил бомбардировщик «Хейнкель-111»

на самолете И-16. Этот истребитель многие считали почти непригодным к боевому использованию против немецких самолетов того времени. Следует, однако, сказать, что истребители И-16 конструкции Н. Н. Поликарпова, отлично освоенные нашими летчиками, несмотря на свои недостатки, сослужили немалую службу Московской противовоздушной обороне. «Ишаки» и «чайки» вынесли на своих крыльях большую долю трудностей, выпавших истребительной авиации в первые месяцы войны. Огромную роль в этом сыграли мужество, самоотверженность, высокое чувство долга и подлинное мастерство наших летчиков.

В. В. Талалихин

В. В. Талалихин

В начале декабря враг предпринял несколько ожесточенных попыток обрушить на нашу столицу бомбовый

[103]

груз. Особенно сильный налет нам пришлось отразить 2 декабря.

А потом началось контрнаступление советских войск. Застигнутые врасплох, гитлеровцы не смогли организовать авиационную поддержку своих отступающих частей: сказались огромные потери, понесенные при налетах на Москву и во время наших штурмовок аэродромов неприятеля. Тут уж руководителям 2-го воздушного флота немцев было не до организации налетов на Москву. Зенитчикам столицы в эти дни почти не приходилось открывать огонь, а летчики в основном вылетали на пере хват отдельных разведчиков. Наши авиаторы получили возможность активно участвовать в штурмовках отступавших войск противника.

22 декабря 1941 года закончилось первое полугодие войны. Можно было подвести некоторые итоги.

За первое полугодие в зоне противовоздушной обороны Москвы было зафиксировано свыше 8300 полетов вражеских самолетов, 7146 из них доходили до границы зенитного огня, и лишь 229 прорвались к Москве. За это время мы отразили 122 сильнейших удара авиации противника.

Наши летчики за первое полугодие войны совершили 56 877 боевых вылетов, 3173 из них — на штурмовку наземных войск неприятеля. Они уничтожили 680 вражеских самолетов, причем часть из них в воздушных боях во время прикрытия наземных войск Западного и Калининского фронтов, а также при штурмовках аэродромов противника.

Всего под Москвой за первые шесть месяцев боев воины ПВО уничтожили 952 самолета противника, до 50 000 вражеских солдат и офицеров, 343 танка, свыше 250 артиллерийских и минометных батарей и зенитно-пулеметных точек, свыше 3000 автомашин с военными грузами и много другой техники[14]. Это был весомый вклад в дело разгрома врага. Но главное, чем мы гордимся, — гитлеровцам не удалось нарушить нормальную жизнь нашей столицы.

[104]

Глава 5. Часовые московского неба

Лицом к лицу с наземным противником. Борьба за секунды, борьба за победу. Хозяева прифронтового тыла. Посты ВНОС двигаются на запад. Локаторы завоевывают признание. Наземные помощники летчиков-истребителей.

Пожалуй, самые хлопотливые обязанности в управлении Московской противовоздушной обороны выполняла служба воздушного наблюдения, оповещения и связи. Возглавлял ее полковник А. Н. Глазер.

Днем и ночью, в периоды напряженных боевых действий и в ту пору, когда воздушный противник уже не решался проникнуть в московское небо, служба ВНОС несла свою бессменную вахту. Перед ней со всей категоричностью была поставлена задача: в любую минуту знать воздушную обстановку, своевременно и точно докладывать командованию о появлении врага. А это означало, что любой летательный аппарат, появившийся в зоне противовоздушной обороны Москвы, необходимо было обнаружить, определить его принадлежность и тип, высоту и направление полета. Любой самолет брался под контроль и сопровождался по всему маршруту его движения.

Во время войны, особенно в первый ее год, у нас было очень мало радиолокационной техники для разведки воздушного противника. Да и качество станций оставляло желать много лучшего. Поэтому в основном обнаружением самолетов и определением их параметров занимались наземные посты наблюдения. Для выполнения своих ответственных обязанностей наблюдатели располагали только биноклем, колышками, обозначавшими направление на юг, север, запад и восток, да телефонным аппаратом для связи со взводным постом.

Главным оружием наблюдателя были зрение и слух. Пожалуй, в первую очередь — слух. Ведь в большинстве

случаев вражеская авиация совершала налеты по ночам или в облачную погоду, когда наблюдатель мог обнаружить воздушные цели только по шуму моторов. А возможности человеческого слуха весьма ограничены. Без специальных приборов на далеком расстоянии трудно уловить звук мотора, да еще различить в нем

нюансы, позволяющие определить все необходимые данные о воздушном противнике. Многое здесь зависело от рельефа местности, на которой расположен пост, и от ряда других факторов. Зона действия поста находилась в радиусе нескольких километров.

Всегда на страже

Всегда на страже

Нетрудно себе представить, какую громоздкую и трудноуправляемую систему представляла собой служба воздушного наблюдения в период минувшей войны. И все же она выполнила свою роль. Командование постоянно было в курсе воздушной обстановки.

Организационно система ВНОС имела такое построение. Первичным источником всех сведений являлся наблюдательный пост (НП). В состав его расчета входило пять-шесть наблюдателей-телефонистов во главе с начальником поста. Данные от наблюдателей поступали на взводный пост, объединявший несколько НП. В свою очередь взводы были связаны с ротными постами ВНОС, а те — с батальонами или непосредственно с главным постом.

В начале войны вокруг Москвы было развернуто 180 наблюдательных постов ВНОС. Потом их число увеличилось до

580. Но и эта огромная сеть пунктов наблюдения за воздухом не полностью нас удовлетворяла. Возникла необходимость заполнить промежутки между первой и второй линиями предупреждения, усилить воздушную разведку в зоне действия истребительной авиации. Государственный Комитет Обороны выделил для этой цели и людей, и средства связи. В результате система ВНОС Москвы пополнилась новыми точками. Число постов в ней было доведено до 702.

В то время они объединялись в два полка ВНОС. Первым полком командовал бывалый, заслуженный командир полковник Н. М. Васильев. Другой полк (ему был присвоен 12-й номер) возглавлял подполковник А. П. Артамонов. Посты 1-го полка ВНОС были выдвинуты на запад и юго-запад от Москвы и, следовательно, выполняли наиболее ответственную задачу: предупреждали о появ-

[106]

лении вражеской авиации, идущей к столице. Однако и посты 12-го полка имели весьма сложные обязанности. Они должны были своевременно предупреждать о маневрах противника, главным образом в тыловых секторах. А сделать это было нелегко. В ходе боя обстановка в воздухе так усложнялась, что разобраться в ней могли только очень опытные наблюдатели.

Данные наблюдательных постов ВНОС дополняли наблюдатели зенитных батарей, прожекторных точек, аэродромов. Таким образом, мы имели очень разветвленную и густую сеть наблюдательных пунктов.

На посту

Однако такая картина сохранялась лишь в первые месяцы войны. По мере приближения вражеских наземных войск к Москве боевая деятельность службы воздушного наблюдения, оповещения и связи все более усложнялась. Это было вызвано не только тем, что авиация противника, перебазировавшись на прифронтовые аэродромы, повысила свою активность в зоне противовоздушной обороны Москвы, но и тем, что к началу октября 1941 года личному составу наблюдательных постов ВНОС пришлось непосредственно столкнуться с наземными войсками немецкой группы армий «Центр».

Первыми лицом к лицу с пехотой и механизированными частями неприятеля встретились посты вяземской роты 1-го полка ВНОС. Им пришлось сняться со своих позиций и отойти вместе с нашими войсками. Начиная с 4 октября 1941 года и до начала нашего контрнаступления сеть постов ВНОС под Москвой в западном, северо-западном и юго-западном направлениях непрерывно сокращалась. В ноябре 1941 года их осталось только 448.

По-разному складывалась боевая обстановка в районе наших наблюдательных постов. Одни из них отходили своевременно, по приказу с главного командного пункта, другие внезапно оказывались за линией фронта, на территории, захваченной

противником. Тогда вносовцам приходилось браться за винтовки, гранаты, бутылки с горючей жидкостью, чтобы отбивать атаки врага.

22 ноября 1941 года одна из групп фашистских танков дошла до Солнечногорска и остановилась на опушке леса, недалеко от наблюдательного поста 1-го полка ВНОС.

Красноармеец В. Е. Матюшенко, возглавлявший пост, приказал подчиненным приготовить оружие к бою. Когда вражеские машины подошли к окопам на 10—15 метров,

[107]

он метнул противотанковую гранату. Один танк противника был подбит, но два других, ведя огонь, продолжали двигаться на пост. Матюшенко не растерялся и снова метнул гранату. Еще одна вражеская машина застыла на месте. Атака противника была отбита. Потеряв два танка, фашисты отошли.

За проявленное мужество всему личному составу поста была объявлена благодарность, а В. Е. Матюшенко представлен к ордену Красного Знамени.

Политработники 1-го полка ВНОС во главе с комиссаром полка старшим политруком И. А. Демьяновым умело использовали этот пример для воспитания у всего личного состава чувства высокой ответственности за выполнение воинского долга.

После разгрома фашистских войск под Москвой расчет Матюшенко вновь развернул свой пост на старом месте и действовал отлично. Прекрасное знание своих обязанностей, слаженность в работе позволяли воинам этого поста обнаруживать и опознавать воздушного противника, а затем передавать донесения на ротный пост всего за 15—20 секунд.

Самоотверженно вели себя воины взводного поста, возглавляемого младшим лейтенантом Р. К. Корякиным. Оказавшись в окружении, они отразили несколько атак противника, нанеся ему большой урон. Младший лейтенант Корякин был трижды ранен, но продолжал руководить подчиненными. С боями вносовцам удалось вырваться из вражеского кольца.

О подвиге поста ВНОС, которым командовал славный сын армянского народа Хорен Нариманьян, в наших войсках знали все.

В начале декабря 1941 года наблюдательный пост, расположенный юго-восточнее Наро-Фоминска, оказался в полосе наступления немецких войск, стремившихся прорваться к Голицино. Землянка поста подвергалась пулеметному и

артиллерийскому обстрелу, вести наблюдение было трудно. И все же мы решили не снимать пост. Его донесения значили очень много для оценки не только воздушной, но и наземной обстановки.

И тогда возглавить этот ответственный пост послали одного из лучших воинов полка — старшего сержанта Х. А. Нариманьяна. Вместе с ним в расчет поста был направлен радист А. Ф. Скакун. Воины непрерывно пере-

[108]

давали донесения и заверили командование, что не отойдут, пока не получат на то приказ. Но приказ передать не удалось. 1 декабря связь с постом прервалась. Единственный оставшийся в живых красноармеец В. П. Прохоров, посланный Нариманьяном исправлять линию связи, рассказал, что он видел, как к посту двигалась большая группа фашистских танков в сопровождении пехоты. Когда враг был выбит с занятой им территории, в землянке и около нее нашли тела всех вносовцев — старшего сержанта Х. А. Нариманьяна, красноармейцев А. Ф. Скакуна, А. А. Алиева, Н. Г. Пичкурова, М. Н. Каширева, В. П. Гурбанова, Н. А. Куракина. До последнего патрона и последнего удара сердца сдерживали они напор превосходящего по численности противника.

Высокое мужество проявили воины другого поста, оказавшегося на пути движения танковой колонны противника. Наших войск в этом районе тогда не было, и личному составу поста пришлось самостоятельно принимать меры, чтобы преградить путь врагу. Политрук Смирнов, находившийся в то время в расчете, решил организовать засаду около моста через реку. Когда танки вошли на него, коммунист красноармеец Гавриш подорвал головную машину метко брошенной противотанковой гранатой. Танки двигались с малыми интервалами. Поэтому вторая машина, не успев остановиться, также осталась на мосту с разбитой гусеницей. Колонна прекратила движение, а потом повернула обратно. Вскоре подоспели наши саперы. Они взорвали мост вместе с подбитыми танками.

Упорный бой выдержали вносовцы поста, который возглавлял красноармеец Орлов. Противник здесь появился внезапно. Это была группа пехоты — человек тридцать. Впрочем, и для фашистов дружный огонь вносовцев оказался неожиданным. Среди вражеских солдат произошло замешательство, шесть из них были убиты. Едва успев захватить с собой раненых, гитлеровцы отошли.

Неоценимы заслуги воинов многих постов, информировавших нас о действиях наземного противника. В трудные дни осени 1941 года донесения вносовцев из районов Вязьмы, Гжатска, Белева, Волоколамска, Калуги, Калинина, Малоярославца, Серпухова, Дмитрова и других мест, ставших ареной ожесточенных боев, широко использовались службой информации общевойсковых штабов, которые докладывали в штаб Западного фронта, а через него и

[109]

в Ставку Верховного Главнокомандования о положении линии фронта, о прорыве вражеских войск в глубь нашей обороны.

С отходом постов, вызванным приближением противника к Москве, перед службой воздушной разведки возникло немало трудностей. Конечно, в предвоенные годы никто не предполагал, что наземные части врага окажутся на территории Московской зоны ПВО, и потому при организации сети постов не была предусмотрена возможность их свертывания. Однако военная действительность поставила нас перед такой необходимостью. И тут выявились некоторые наши просчеты. Многие роты ВНОС не имели запасных пунктов, и, если им приходилось отходить, мы сразу лишались связи с большой группой постов, даже с теми из них, что располагались дальше от линии фронта. Дело в том, что связь со взводными постами осуществлялась по проводам только через ротные узлы, а радиосредствами они не располагали.

Но и в этой сложной обстановке, проявляя инициативу и мужество, воины-вносовцы выполняли свои боевые задачи. Хочется рассказать о таком эпизоде. Противник подходил к городу Алексину. Вот-вот должны были появиться вражеские танки. Жизнь в городе замерла. Перестала работать телефонная станция. Посты ВНОС, связанные с ротой через городской коммутатор, оказались отрезанными от ротного поста. Между тем обстановка требовала особенно четкой работы связи: вносовцам нужно было передавать донесения о воздушном и наземном противнике.

Наладить связь командир взвода лейтенант В. Зевакин поручил красноармейцу Н. Цебрикову. Тот добрался до телефонной станции, но никого там не застал. Оказалось, что коммутатор поврежден, а его устройства Цебриков не знал. Разыскав в городе одну из телефонисток, он вместе с ней наладил коммутатор. Несмотря на ожесточенную бомбежку, Цебриков нес бессменное дежурство на телефонной станции вплоть до того момента, когда гитлеровцы ворвались в город.

Безусловно, малочисленные, слабо вооруженные группы вносовцев, обороняя отдельные участки нашей территории, не могли оказать сколько-нибудь существенного влияния на ход боев, развернувшихся в Подмосковье. Да и не это было их прямой задачей. Столица ждала от них

[110]

сведений о воздушном противнике и получала их. Вот несколько цифр, убедительно показывающих, какую огромную нагрузку выдерживала служба воздушной разведки, выполняя лишь свои прямые обязанности. За время Великой Отечественной войны наблюдательные посты ВНОС передали на ротные посты 11 024 589 донесений. Понятно, что весь этот поток информации не должен был попадать на главный пост, так как многие данные соседних постов повторялись. Эти данные сопоставляли и отсеивали на промежуточных инстанциях. Но и главному посту пришлось переработать колоссальное количество донесений. Их зарегистрировано 4 084 287. Иначе говоря, каждую минуту войны в отчетных документах фиксировалось два донесения. При этом нужно иметь в виду, что информация, о которой здесь идет речь, исходила от постов визуального наблюдения. К ней еще необходимо добавить донесения, поступавшие от станций радиообнаружения.

В ходе войны непрерывно совершенствовались способы обнаружения воздушного противника и методы передачи сведений о нем на главный пост ВНОС. Следует сказать, что оперативность передачи данных имела столь же большое значение, как и их точность. Действительно, потеря нескольких секунд при передаче данных порой могла полностью обесценить их, так как воздушная обстановка изменялась весьма быстро.

«Старение» данных в наших вносовских сетях в первый период войны происходило из-за несовершенства работы многочисленных передаточных пунктов. Вот, скажем, наблюдатель своевременно обнаружил в воздухе самолет. Пока он уточнял его тип, высоту и направление полета, цель пролетала значительное расстояние. Затем наблюдатель сообщал все эти сведения телефонисту, и тот, записав их в журнал, начинал вызывать взводный пост. Там вновь задержка с записью и вызывом ротного поста. Так же передавались данные из роты на главный пост. Словом, когда данные выдавались на карту руководителя пункта ПВО, они уже во многом не соответствовали действительности. За это время воздушный противник мог совершить маневр, и наши истребители не нашли бы его в указанном им районе.

Опыт подсказал много возможностей для экономии дорогих секунд. Мы вынесли телефонные аппараты прямо к наблюдателю и исключили этим одно из промежуточных

[111]

звеньев. Услышав шум мотора, наблюдатель немедленно давал вызов на взводный пост и по мере уточнения данных сообщал их туда. На взводных и ротных постах сведения о целях также не задерживались. Дежурные телефонисты, услышав первую группу цифр, которыми для ускорения передачи шифровались данные, немедленно передавали их дальше. Запись данных в журнале стал делать второй дежурный с голоса телефониста.

Может быть, сейчас, когда войска противовоздушной обороны оснащены совершенной техникой, все эти детали покажутся мелкими, не заслуживающими внимания. Однако в дни войны они имели большое значение, помогали нам обеспечивать командные пункты достоверными и свежими данными о воздушной обстановке. Успех нашей боевой деятельности во многом обеспечивался борьбой за экономию каждой секунды во всех звеньях сложной системы ПВО. И пожалуй, особенно дороги были для нас секунды, сбереженные при передаче данных о противнике.

Накапливая боевой опыт, мы внесли значительные усовершенствования и в работу оперативной группы главного поста ВНОС. Чтобы разгрузить ее от гигантского потока информации, поступавшей от постов, и дать возможность дежурным лучше анализировать изменения воздушной обстановки, пришлось установить ограничения в передаче данных из вносовских рот. При массированных налетах на главном посту фиксировалось лишь достижение воздушным противником определенных рубежей. Данные о целях, уходящих от объекта, не передавались. Это несколько обедняло воспроизведение общей картины воздушной обстановки, но зато позволяло четче выделить главное.

В ходе войны пришлось в значительной мере пересмотреть организацию работы на главном посту ВНОС, усовершенствовать его техническое оснащение и штатное расписание. Постепенно оперативная группа главного поста увеличилась. Она была в состоянии справляться со своими обязанностями в условиях самой напряженной боевой обстановки. Конечно, огромную роль играло и т» обстоятельство, что служба воздушного наблюдения, оповещения и связи была укомплектована знающими специалистами, работавшими с полной отдачей сил. От них

требовалось огромное постоянное напряжение не только по-

[112]

тому, что сложны были обязанности, но и потому, что служба ВНОС обеспечивала все рода войск.

Посты воздушного наблюдения, оповещения и связи, безусловно, относятся к пассивным категориям ПВО. Обнаружив воздушного противника, они лишь передают данные о его полете, а помешать лететь к цели не могут. И тем не менее на боевом счету наших вносовских подразделений шесть вражеских самолетов, сбитых винтовочным и пулеметным огнем, который воины вели в целях самообороны.

Конечно, стрельба из обычных пулеметов, противотанковых ружей и винтовок не могла дать больших результатов. И все же она помогла сбить спесь с немецких летчиков.

Мне вспоминается эпизод, происшедший на наблюдательном посту ВНОС, которым командовал красноармеец П. Максенков. В дни оборонительных боев под Москвой расчет оказался в непосредственной близости от линии фронта. Один из вражеских бомбардировщиков, рыскавших в ближнем тылу, атаковал землянку вносовцев, видимо приняв ее за какой-нибудь командный пункт. Максенков сразу же поднял всех наблюдателей в ружье. Воины быстро изготовились и дали ружейный залп по «хейнкелю». Он вышел из пике и попытался уйти в облака. Однако второй залп догнал фашиста. Бомбардировщик упал недалеко от наблюдательной площадки вносовцев.

Пилотировал «Хейнкель-111» обер-лейтенант, награжденный Железным крестом. Винтовочная пуля попала ему в шею. В самолете воины насчитали пять пулевых пробоин. Стало быть, половина всех пуль, выпущенных ими, угодила в цель!

В дни напряженных боев на многих наблюдательных постах, особенно прифронтовых, появились пулеметы, в основном трофейные, и самодельные установки для стрельбы по воздушным целям. Словом, средства противовоздушной обороны на постах были. И я не знаю случая, когда вражеской авиации удавалось бы безнаказанно нападать на наших наблюдателей.

Посты ВНОС, расположенные как в прифронтовых районах, так и в глубоком тылу наших войск, нередко успешно боролись со шпионами и диверсантами.

Однажды ночью в районе поста, где начальником был

[113]

рядовой И. М. Прыгин, появился вражеский бомбардировщик. Покружив над лесом, он уменьшил обороты моторов и

спланировал до небольшой высоты. Вскоре, резко развернувшись, самолет ушел на запад. Все говорило о том, что произведена выброска парашютистов.

Как только рассвело, Прыгин вместе с двумя красноармейцами отправился в лес. Им удалось обнаружить и захватить двух немецких лазутчиков, засланных в наш тыл с диверсионными целями.

Прифронтовой тыл — это не спокойная территория. Нередко войска первого оперативного эшелона не могли выделять достаточно сил и средств для несения комендантской службы за пределами боевых порядков своих соединений. И в этом большую помощь им оказывали подразделения вносовцев, хотя официально таких обязанностей у них не было.

А сколько раз часовые воздушных просторов помогали нашим летчикам, которые после жаркого боя, перетянув линию фронта, шли на вынужденную посадку. Вносовцы выносили авиаторов из горящих самолетов, оказывали первую медицинскую помощь, доставляли в полевые госпитали.

В районе одного наблюдательного поста потерпел аварию наш штурмовик. При жесткой посадке самолет загорелся, а члены экипажа получили тяжелые ранения. Им грозила неминуемая гибель, если бы на помощь не пришли девушки-воины — Пшава и Пименова. Пшава вынесла из огня раненых летчиков и укрыла их в канаве буквально за несколько секунд до взрыва самолета. По ходатайству авиаторов отважная девушка была представлена к награде.

Невозможно перечислить все подобные случаи. За время войны их было 539. Немало писем приходило к нам от летчиков. С большой теплотой и благодарностью отзывались они о тех, кто спас им жизнь.

Летние и осенние месяцы 1941 года оказались очень нелегкими для службы ВНОС. Но вот началось контрнаступление советских войск. Под их ударами противник стремительно откатывался на запад, бросая технику, не успевая эвакуировать раненых и обмороженных. Для воинов, оборонявших небо столицы, наступила передышка. Люфтваффе уже не могли организовывать налеты на Москву. Они с трудом справлялись с прикрытием своих войск и коммуникаций.

[114]

Однако и в этих условиях служба ВНОС продолжала выполнять свои обязанности: неусыпно следила за небом, не оставляла неопознанным ни одного самолета. Ведь враг мог появиться в любую минуту, и к этому нужно было быть готовым.

Перед вносовцами в период нашего контрнаступления встала еще одна очень сложная задача — восстановление наблюдательных постов на освобожденной от врага территории. Нельзя было мириться с тем, что первая линия предупреждения проходила в двух десятках километров от московских застав.

Уже на второй день контрнаступления в путь двинулись восстановительные команды, расчеты наблюдательных постов. Нелегко было в те дни командирам и политработникам остановить людей, рвавшихся в бой, на линию фронта, которая проходила всего в нескольких километрах и напоминала о себе грохотом артиллерийской канонады и всполохами пожарищ. Приходилось переключать боевой порыв воинов на дела прозаические. Нужно было браться за лопаты и топоры, восстанавливать разрушенные землянки, тянуть линии связи, вновь налаживать войсковое хозяйство.

Требовалось много строительных и горюче-смазочных материалов, транспортных средств. Нужного количества всего этого у нас, конечно, не было. И тем не менее вносовцы продвигались за наступавшими войсками, и каждый день на наших картах появлялись новые отметки о введенных в строй наблюдательных, взводных и ротных постах. А это означало, что все дальше и дальше отодвигался от стен Москвы передовой рубеж предупреждения, что мы снова получали возможность в случае налета воздушного противника заранее оповещать об этом население города.

Конечно, продвигаясь вперед в тылу наступавших войск, вносовцам не приходилось взламывать вражескую оборону, но и их работа была не безопасной. На каждом шагу бойцов подстерегала притаившаяся мина, шальной снаряд, автоматная очередь неприятельского диверсанта.

В суровые дни зимы 1942 года мне и многим моим товарищам из управления корпуса ПВО довелось поколесить по заснеженным прифронтовым дорогам. Мы видели труд воинов-вносовцев, стойко и самоотверженно выполнявших свою нелегкую задачу. Мы видели их промокшие от пота

[115]

гимнастерки, когда они долбили ломами мерзлую землю, видели, как мгновенно превращался этот пот в корку льда в минуты передышки. Людям приходилось ночевать у костра, пока не были оборудованы землянки, грызть окаменевшие на морозе консервы и хлеб: о горячих щах тогда приходилось только мечтать. Но никаких жалоб мы не слышали.

Наибольшие трудности при восстановлении сети

наблюдательных постов вызывало наведение линий связи. Не сохранилось ни одного столба, не хватало проводов, изоляторов. Как всегда, на помощь пришла московская партийная организация, жители столицы. Помог нам и Наркомат связи. Очень отзывчиво к нашим просьбам относился Нарком связи И. Т. Пересыпкин, хорошо знавший условия нашей работы.

Несмотря на суровые морозы и пургу, взрывы мин, восстановительные команды тянули вперед провода, которые нередко становились единственным оперативным средством связи не только для наблюдательных постов, но и для командования общевойсковых армий.

Радиостанций у нас было немного. Мы не могли обеспечить ими и половину вновь развернутых постов. Нужно было маневрировать. По мере продвижения линии фронта на запад, вперед шли и расчеты радиостанций. Они обеспечивали связью вновь создаваемые посты, а те, что оставались в «глубоком» тылу, пользовались проводной связью. Для большей маневренности радисты устанавливали станции на лыжные санки и от рубежа к рубежу двигались с ними вперед.

Вот несколько цифр, характеризующих темпы восстановления сети наблюдательных постов в дни нашего контрнаступления. К 31 декабря 1941 года мы уже нанесли на карту 107 новых точек. За январь 1942 года число их увеличилось на 103 единицы. В феврале было восстановлено еще 54 наблюдательных поста. Каждый новый пост — это усиление системы оповещения, это повышение надежности противовоздушной обороны столицы.

В ходе этой большой работы не все было гладко. Случалось иногда, что место для развертывания поста выбиралось неудачно, и вскоре приходилось менять его дислокацию, оставлять уже оборудованную точку.

Наши воины всегда готовы преодолеть любые трудности, выполняя свой долг. Поэтому особенно обидно, если

[116]

чье-то непродуманное решение сводит на нет их усилия. Конечно, нелегко было в той сложной обстановке, требовавшей высокой оперативности, все предусмотреть и избежать ошибок. Но допускать их все же было нельзя.

Эту мысль мы постоянно внушали командирам всех рангов, особенно молодым. В наших Вооруженных Силах командиру дана большая власть. Она направлена на решение задач, смысл которых близок подчиненным, ибо они, как и их командир, — члены одной семьи советских людей. Следуя приказу, воины сознательно идут на преодоление тягот боевой обстановки,

подвергают себя смертельной опасности, жертвуют жизнью. Как же должен быть глубоко продуман каждый приказ начальника, как отчетливо он обязан сознавать свою ответственность за целесообразность отданного распоряжения, свою ответственность перед подчиненными, перед Родиной.

Война сурова, и в ней неизбежны жертвы. Однако от командира во многом зависело уменьшить их.

Иногда нам, правда, приходилось отдавать приказания, выполнение которых заведомо ставило под угрозу жизнь людей. Например, при развертывании постов воины зачастую действовали на местности, еще не освобожденной от мин. Оправдан ли был такой риск? Пожалуй, да. Он вызывался суровой необходимостью, так как для разминирования у нас не было ни оборудования, ни времени. Развертывая посты, мы создавали лучшие условия для защиты Москвы и окрестных населенных пунктов от угрозы нападения с воздуха. Защищая свою Родину, воины умирали ради того, чтобы сохранить жизнь другим. Такова диалектика войны.

Мне хочется назвать здесь имя старшего сержанта Николая Михайловича Иванчина, командира отделения из 1-го полка ВНОС. С небольшой группой солдат он за два дня навел 45 километров телефонной кабельной линии и обеспечил связью несколько вновь развернутых постов. По нормам учебного времени такая работа — далеко не предел возможностей. Но если учесть, что связисты ежеминутно рисковали наступить на мину, что каждый их шаг мог стать для них последним, то нельзя не оценить мужества этих людей, их самоотверженности и высокого сознания своего долга.

Столь же отважно действовал и младший сержант С. Г. Солодуха — воин того же полка. Он нес службу на

[117]

одном из прифронтовых наблюдательных постов. Во время налета вражеской авиации взрывами бомб была нарушена связь. Солодуха понимал, как важно именно в это время поддерживать бесперебойную связь и доносить о действиях воздушного противника. Несмотря на непрекращающуюся бомбежку, младший сержант вышел на линию. Он был ранен, но продолжал устранять один обрыв за другим, пока не закончился налет.

В трудных прифронтовых условиях под непрерывным артиллерийским и минометным обстрелом сержант Булаев и три бойца из его отделения восстановили 50 километров постоянной линии связи и устранили при этом свыше ста повреждений.

Расчет наблюдательного поста под командованием старшего

сержанта Жданова в течение года нес службу в непосредственной близости от линии фронта. Его наблюдательная площадка много раз подвергалась обстрелу, но ни на одну минуту вносовцы не прекращали наблюдения за воздухом. После продвижения наших войск на запад они за три часа вместо пяти по плану передислоцировали свой пост вновь к линии фронта, бесстрашно действуя на заминированной местности.

Мужеством и умением отличались воины 10-й роты 1-го полка ВНОС, которой руководил лейтенант Адаменко. Когда наши войска освободили Вязьму, вносовцы за четверо суток развернули в ее районе шесть наблюдательных постов, установили две радиостанции и навели 60 километров кабельной линии.

Большую помощь вносовцам оказали воины инженерного батальона из 1-й гвардейской инженерной бригады.

Конечно, полностью разминировать всю территорию, на которой действовали наши наблюдатели, саперы не могли. Их было слишком мало для этого, да и выделены они были в помощь нам на ограниченное время. Мы составили для них так называемую программу-минимум. Вокруг наблюдательных постов первой линии требовалось освободить от мин участки местности радиусом 100—150 метров, а вдоль линий связи — полосы шириной 15 метров. И даже на такой сравнительно небольшой территории саперы обезвредили 40 тыс. мин. А сколько их еще осталось вокруг! Вносовцам приходилось быть очень осторожными, чтобы случайно не оказаться за пределами непротраленной территории. Особенно большая опасность под-

[118]

стерегала связистов, выходивших на линию ночью. В темноте нелегко было придерживаться границ узкой полосы, очищенной от мин, а потеря ориентировки могла стоить воину жизни.

Но, несмотря на все трудности, вносовцы продвигались на запад следом за нашими войсками. После освобождения от врага ржевского выступа в марте 1943 года мы завершили восстановление сети наблюдательных постов. Пояс оповещения вновь стал проходить по линии Ржев, Вязьма, Милятинский завод, то есть там же, где он проходил в начале осени 1941 года. Однако Верховное Главнокомандование дало указание расширить сеть постов. Нам был передан отдельный батальон ВНОС, посты которого разместились в юго-западном и северо-западном направлении от Москвы. Это позволило на 7—10 минут раньше, чем прежде, оповещать передовые аэродромы истребительной авиации о появлении вражеских самолетов.

Я уже отмечал, что наблюдатели наших постов ВНОС довольно быстро овладели искусством разведки воздушного противника. Многие из них стали подлинными мастерами своего дела. И все же несовершенство человеческого слуха и зрения сказывалось. Стремительное развитие авиационной техники в ходе войны настоятельно требовало оснащения Войск ПВО техническими средствами.

Советские ученые еще задолго до войны начали изыскивать способы радиообнаружения воздушного противника. Уже в период военных действий с финнами в наших войсках появились первые советские станции радиообнаружения, носившие наименование РУС-1 — радиоулавливатель самолетов. Однако они были еще далеко не совершенны. В предвоенные годы велись интенсивные работы по совершенствованию этой аппаратуры. Но к сожалению, в начале 1941 года в Войсках ПВО еще не было других станций, кроме РУС-1. И только к концу второго месяца войны мы получили новую станцию — РУС-2. Она представляла собой уже достаточно удачный образец аппаратуры для радиообнаружения воздушных целей.

Понятно, что эксплуатация новой техники требовала квалифицированных кадров, и их пришлось срочно готовить. В научно-исследовательский институт, создавший РУС-2, была послана группа командиров из числа наибо-

лее подготовленных в техническом отношении и получивших практику в работе на станциях радиообнаружения старого типа. В их лице конструкторы нашли не только способных учеников, но и деятельных помощников.

В дальнейшем в наших мастерских в аппаратуру станции РУС-2 было внесено немало изменений, что позволило повысить ее тактико-технические и эксплуатационные качества. В отдельных случаях станция могла получать данные о воздушных целях на расстоянии до 175 километров. Следя за экраном индикатора, операторы имели возможность определять курс цели и ее скорость, но не могли еще установить, чьи это самолеты и на какой высоте они идут.

Приходилось данные, полученные станцией радиообнаружения, с главного поста ВНОС передавать в соответствующие роты и там уточнять путем визуального наблюдения. Метод этот выглядел парадоксально. Недостатки электронной техники восполняли люди. По существу, станция радиообнаружения выполняла лишь вспомогательную роль. Но и это было немало. Сведения, выдаваемые установкой РУС-2,

позволяли нацеливать наблюдательные посты в нужном направлении, в какой-то мере контролировать их работу. Поэтому мы настойчиво просили побыстрее наладить промышленный выпуск станций радиообнаружения.

К началу второго года войны в наших войсках было уже 10 станций, а к его исходу — 12. Мы внимательно изучали опыт работы расчетов, тщательно продумывали, где целесообразнее установить каждую из вновь полученных установок. В этом были заинтересованы не только руководители службы ВНОС, но и командиры частей истребительной авиации. Ведь успех боевой деятельности истребителей во многом зависел от своевременного оповещения аэродромов о появлении воздушного противника, от точности наведения на него наших самолетов.

Нужно, однако, признаться, что далеко не все авиаторы поначалу должным образом оценили значение новой техники. Иные командиры частей не доверяли данным, полученным станцией радиообнаружения, предпочитали дожидаться подтверждения их визуальными постами. Что ж, в какой-то мере это было объяснимо. Не всегда в первый период использования локаторов их данные были точны. Непривычным казался тогда новый способ

[120]

разведки воздушных целей, и в силу этого радиолокационные станции довольно медленно входили в повседневную боевую практику наших войск, явившихся, по существу, пионерами их применения в Советских Вооруженных Силах.

Следует сказать, что наряду с сомневающимися у нас сразу же появились подлинные энтузиасты и знатоки новой техники. К ним в первую очередь можно отнести специалистов из 18-го радиополка, призванных обслуживать радиолокационные станции. В деле подготовки этих специалистов и воспитания у них любви к своей профессии большую роль сыграли командир части майор М. М. Меркулов, командиры и политработники подразделений.

Именно в этом полку группа военных инженеров и техников изыскала возможность значительно улучшить тактико-технические свойства радиолокаторов, сконструировав специальную приставку для определения высоты целей. Теперь операторы могли выдавать на командные пункты авиаторов все необходимые данные для наведения истребителей на воздушного противника. При этом определение координат целей с одинаковым успехом могло вестись и ночью, и в условиях плохой видимости, и тогда, когда неприятель скрывался в облаках.

Командование Московской зоны противовоздушной обороны высоко оценило заслуги военных инженеров Н. И. Кабанова, Е. И. Алейникова, Я. Н. Немченко и Б. И. Молодова — авторов высотной приставки. В совершенствовании аппаратуры радиообнаружения принимали активное участие и многие другие товарищи. Благодаря их усилиям возможности станции непрерывно повышались; Нашим радиоспециалистам оказалось по плечу решение ряда весьма важных военно-технических проблем. Назову, в частности, имена воентехника 1 ранга Д. А. Борисова и старшего техник-лейтенанта И. И. Вольмана, которые за усовершенствование средств связи были удостоены Государственной премии.

Повышение качества работы радиолокационных станций, возросшее мастерство расчетов помогли локаторам занять свое место в войсках столичной противовоздушной обороны. Средства радиолокационного обнаружения постепенно завоевывали признание. Мы стали настолько верить им, что со временем отказались от проверки их данных

[121]

визуальным наблюдением, и локаторы нас не подводили.

В июне 1942 года мы уже располагали достаточным количеством станций, чтобы обеспечить непрерывное радионаблюдение за воздушным пространством на наиболее угрожаемых направлениях. Если в небе было спокойно, то дежурство несли три станции, работавшие непрерывно в течение двенадцати часов. Потом их сменяли другие. Но стоило в зону нашей противовоздушной обороны вторгнуться противнику, наблюдение за воздухом начинали вести все имеющиеся станции. И тогда можно было не сомневаться, что ни один вражеский самолет не пройдет незамеченным. Наши операторы к этому времени научились достаточно успешно взаимодействовать с истребительной авиацией. Их совместная дружная работа дала неплохие результаты. По данным радиолокационных станций, в течение второго года войны было осуществлено около полутораста наведений наших истребителей на самолеты противника. При этом в воздушных боях было уничтожено 75 вражеских машин.

Эти победы по праву делили с летчиками и наши локаторщики. А сколько усилий приходилось затрачивать расчетам станций, чтобы обеспечить постоянную готовность аппаратуры. К тому же надо учесть, что промышленность, только осваивавшая производство новой техники, не успевала полностью удовлетворять все потребности локаторщиков в деталях к

станциям. Особенно трудно было с генераторными лампами. Нам даже пришлось пойти на крайнюю меру: в целях сохранения ресурса этих ламп число дежурных станций сократить с трех до двух.

Но и в этих сложных условиях расчеты локаторов выполнили большую работу. За первые 18 месяцев войны они зафиксировали 41465 целей (сюда входили данные и о наших самолетах), передали на главный пост ВНОС 185 000 донесений, что составляло 15 процентов всех донесений, поступивших от системы ВНОС за этот период.

Наши операторы научились проводить одновременно четыре-пять воздушных целей, следить за курсом противника в течение всего времени его пребывания в зоне досягаемости станции. Благодаря тщательному уходу за техникой локаторщики добивались весьма продолжительной непрерывной работы станций. В случае необходимости аппаратура действовала в течение десяти суток почти без

[122]

выключения. Приходилось и операторам вести очень интенсивную работу. Так, расчет станции, установленной в Наро-Фоминске, 6 ноября 1941 года за сутки произвел 231 засечку и провел 101 цель.

Наведение истребительной авиации на самолеты противника являлось одной из важнейших обязанностей службы ВНОС. Мало было сообщить на командный пункт истребительной авиационной части о появлении в воздухе вражеского самолета, о его курсе, скорости и высоте полета. В бескрайнем воздушном пространстве найти цель не так просто. Летчики нуждались в помощи с земли. И оказывать ее были призваны специальные посты наведения.

В первые месяцы войны, когда большинство наших самолетов не имело радиостанций, осуществлять наведение истребителей на противника было весьма сложно. Разработанные еще до войны методы не выдержали проверки боевой практикой. Они были весьма примитивны. На посту наведения устанавливалась большая стрела, острие которой направлялось в ту сторону, где в данное время находился неприятель. Ночью стрела освещалась. Нелегко было летчику-истребителю ориентироваться но этой «указке». Стоило ему ошибиться в определении курса на несколько градусов, и он мог пройти в стороне от воздушного противника, не заметив его. К сожалению, иных возможностей для информации пилотов о местонахождении цели у нас тогда не было.

Положение заметно улучшилось, когда в наших частях расширился парк самолетов, оснащенных радиостанциями. Радио позволило командиру части со своего командного пункта руководить экипажами, находившимися в воздухе. Получили возможность оперативно нацеливать летчиков и посты наведения, располагавшиеся в зонах ожидания истребительной авиации.

Правда, таких постов ВНОС у нас было еще немного. Но и те немногочисленные операторы наведения, которые появились в подразделениях ВНОС, сумели оказать авиаторам немалую помощь. Среди них вскоре выросли подлинные мастера своего дела.

Одним из таких умелых специалистов был старшина И. З. Васильев. Приходилось удивляться, с каким искусством и уверенностью молодой паренек, бывший ветери-

[123]

нарный фельдшер, помогал истребителям отыскивать воздушного противника.

Летчики полка, в зоне действия которого находился пост наведения Ивана Захаровича Васильева, хорошо знали голос своего верного помощника, безоговорочно выполняли его советы и, как правило, быстро находили врага. Достаточно сказать, что с помощью Васильева летчики полка сбили 14 фашистских самолетов и 7 подбили.

Старшина Васильев нередко бывал на аэродроме у своих друзей, договаривался с ними о деталях взаимодействия, знакомился с авиационной техникой и тактикой истребительной авиации. Это помогало ему правильно и расчетливо ставить летчикам задачи на встречу с противником.

Немало успешных наведений осуществили и другие операторы постов ВНОС, заслужив горячую благодарность летчиков. Подчас помощь нашим летчикам-истребителям в поиске воздушного противника оказывали воины вносовских подразделений, не имевшие специального задания. Например, в ноябре 1942 года командир роты ВНОС старший лейтенант А. В. Хромов, следивший со своего наблюдательного пункта за воздушной обстановкой, заметил, что вражескому бомбардировщику удалось ускользнуть от наших истребителей. Видимо ощущая недостаток горючего, они прекратили поиск и пошли на свой аэродром. Но в это время Хромов узнал, что в воздухе находится еще один советский истребитель. Командир роты ВНОС взял на себя инициативу и, связавшись с нашим летчиком, навел его на врага. Немецкий бомбардировщик, пытавшийся бомбить город Малоярославец, был сбит.

Я преувеличил бы наши успехи, если бы представил дело так, будто задача наведения истребителей на воздушные цели была нами полностью решена. Для этого мы не имели еще достаточно совершенных технических средств, нужного количества радиостанций, чтобы организовать связь всех постов с истребителями. Не хватало нам и опыта в организации взаимодействия между истребительной авиацией и службой ВНОС, особенно в первый год войны, когда воздушный противник пытался совершать массированные налеты на Москву. Были здесь и другие причины.

[124]

К сожалению, далеко не все наши авиационные командиры считали необходимым обращаться за помощью к подразделениям ВНОС, а некоторые из них делали это без особого энтузиазма, по предписанию свыше. Конечно, это не было явлением массовым. Как я уже говорил, у нас имелись примеры плодотворного сотрудничества между авиаторами и службой ВНОС. Однако и отдельные проявления ведомственной разобщенности серьезно мешали успешному решению боевых задач. На мой взгляд, основной причиной этого было неоправданное разделение командования наземными и авиационными средствами противовоздушной обороны, отсутствие необходимого взаимодействия между руководителями родов войск не только на уровне старших командиров, но и в низших звеньях.

В ряде авиационных частей практиковалось выделение специальных офицеров наведения для работы непосредственно в подразделениях ВНОС. Но этот опыт долго не получал широкого распространения. Только после того как части истребительной авиации органически вошли в состав объединения ПВО и стали подчиняться единому командованию пункта противовоздушной обороны, удалось полностью устранить барьеры, мешавшие дружной совместной боевой работе всех родов войск.

Сейчас, когда со дня победы прошло уже много лет и события минувшей войны стали достоянием истории, методы организации воздушного наблюдения, оповещения и связи тех лет выглядят, безусловно, архаичными. Современный локатор, позволяющий просматривать небосвод на сотни километров вокруг в любое время дня и ночи, при любых метеорологических условиях, — неизмеримо более действенное средство, чем все наблюдательные посты, вместе взятые. Но тем не менее в грозные годы войны служба ВНОС с честью выполнила свою задачу.

[125]

Глава 6. На позициях — девушки

Проблема новая, трудная. Они заняли место в строго. Если бы в Москве был воздвигнут монумент... В историческом Берлинском сражении.

Как-то в начале 1942 года меня пригласил к себе Александр Сергеевич Щербаков. После обычных вопросов о состоянии наших дел, о воздушной обстановке он вдруг задал вопрос, который поставил меня в тупик:

— Скажите, товарищ Журавлев, как вы посмотрите на то, что в ваши войска мы пошлем служить женщин? Учтите, что речь идет не об отдельных добровольцах, а о тысячах людей.

Подумав немного, я ответил, что у нас нет никакого опыта привлечения женщин к обслуживанию боевой техники, но, по-видимому, они вполне смогут справиться с обязанностями номеров приборных и дальномерных расчетов в зенитной артиллерии, сумеют работать у прожекторов, на постах ВНОС и командных пунктах.

— Этот вопрос уже предварительно обсуждался в Центральном Комитете партии и в принципе получил одобрение, — сказал Александр Сергеевич. — Ведь это позволит нам высвободить значительное число мужчин для пополнения фронтов. Ну и к тому же мы дадим возможность нашим девушкам-патриоткам осуществить их законное стремление — принять личное участие в обороне Родины. Сейчас от них в партийные, комсомольские организации и непосредственно на имя товарища Сталина поступает множество заявлений.

Мы долго беседовали тогда. Меня поразило, с какой мудростью и присущей ему широтой государственного кругозора, с подлинно партийной принципиальностью

[126]

Александр Сергеевич вникал во все детали дела. Он подчеркнул, что весьма важно с особенной заботой встретить девушек, помочь им акклиматизироваться в повой, необычной обстановке. Несколько раз повторил, что нужно очень тщательно продумать вопросы организации политического и воинского воспитания девушек-бойцов, их бытового устройства.

Позже А. С. Щербаков беседовал на эту тему с Н. Ф. Гритчиным и другими политическими работниками. Словом,

было ясно, что Центральный Комитет ВКП(б) и Советское правительство придают очень большое значение данной проблеме и, несмотря на напряженность военной обстановки, стремятся сделать все, чтобы девушки-добровольцы почувствовали себя полноправными воинами.

В этом меня убедил и разговор с И. В. Сталиным, происшедший в его кремлевском кабинете позже, когда девушки уже прибыли к нам и заняли свое место в боевом строю. Сталин интересовался, как в войсках восприняли приход женского пополнения, как девушки чувствуют себя в новой обстановке. Я уже располагал тогда данными, что они очень быстро освоились в армейской среде, с большим желанием начали изучать военные специальности, что воины-мужчины относятся к ним с заботой и уважением.

Верховный Главнокомандующий остался очень доволен этим сообщением. Слушая мой рассказ, он, по своему обыкновению, прохаживался по кабинету, мягко ступая по полу, попыхивая неизменной трубкой, и удовлетворенно кивал головой.

Но это было позже... Вначале весть о том, что в войска придут служить девушки, нужно прямо сказать, все восприняли несколько настороженно. Безусловно, командиры и политработники с чувством признательности отзывались о патриотическом почине наших женщин, выразивших готовность в трудные для Родины дни взять в руки оружие и вместе с мужчинами отстаивать от врага свою землю. Но как практически будет выглядеть присутствие «слабого пола» на огневых позициях, в суровых условиях боевой обстановки? Справятся ли девушки с военной «премудростью», которая испокон веков была уделом мужчин?

Больше всех эти сомнения мучили старых, кадровых командиров. Ведь никогда еще так много женщин не

[127]

привлекалось к выполнению ратных обязанностей. Ну, скажем, медицинские сестры. Это куда ни шло. В такой роли женщины отлично зарекомендовали себя еще в первую мировую войну, затем в гражданскую. Участвовали женщины в боях и в качестве кавалеристов, пехотинцев, летчиков. Но это были лишь единичные случаи. И они воспринимались как исключение. Чего, мол, на свете не бывает...

Много проблем возникало у командиров, политработников, военных хозяйственников, когда они готовились к приему нового, необычного пополнения. Решать приходилось самые различные, неожиданно возникавшие вопросы. Например, как разместить

девушек на зенитной батарее, на постах ВНОС, у аэростатчиков, пулеметчиков, где всего одна жилая землянка, а в состав расчетов входят и мужчины? Как организовать стирку белья, глажение его на каждой позиции? Как создать девушкам возможность помыть и посушить волосы?

Обо всем этом мы думали еще до того, как начали прибывать эшелоны с новым пополнением. На служебных совещаниях командиров, политработников, офицеров тыла всесторонне обсуждались вопросы бытового и культурного обеспечения девушек-воинов. И сделано было многое.

Но думали над этим не только мы. Правительству пришлось срочно давать заказ промышленности на изготовление обмундирования и обуви соответствующих ростовок и, конечно, иной номенклатуры. Видимо, легкой промышленности не просто было в условиях войны быстро освоить новые модели военной одежды. Однако вскоре в наши каптерки стали поступать шинели и сапоги непривычных доселе ростовок.

Для того чтобы наладить производство и правильное снабжение обмундированием женщин, в Наркомате обороны была учреждена должность помощника главного интенданта Красной Армии по женскому обмундированию. На этот пост по рекомендации А. И. Микояна назначили директора одной из крупнейших фабрик Москвы А. К. Осину.

Комсомольские организации и военкоматы, отбиравшие добровольцев, постарались послать в наши войска наиболее грамотных девушек. Больше четверти всех прибывших — 25,7 процента — имели законченное среднее или высшее образование, и менее 10 процентов девушек

[128]

окончили пять-шесть классов. Этому пополнению оказались по плечу поставленные перед ним задачи.

Очень скоро мы убедились — подавляющее большинство девушек стали замечательными воинами. Исполнительность, дисциплинированность, аккуратность им были присущи не в меньшей степени (если не в большей), чем мужчинам.

Приятно было смотреть, как где-нибудь на батарейном командирском пункте златокудрый сержант вычисляет поправки для стрельбы. Проверишь правильность — все точно, будто выполнял эту задачу бывалый артиллерист, окончивший военное училище.

Поправки, о которых я упомянул, зенитчикам-артиллеристам приходилось вычислять через каждые четыре часа на протяжении всех суток. Дело в том, что на точность стрельбы оказывают

влияние многие факторы: температура, плотность и влажность воздуха, направление и скорость ветра на различных высотах, техническое состояние орудий и некоторые другие моменты. Соответствующие поправки вводились в приборы управления зенитным артиллерийским огнем заблаговременно, так как в случае внезапного нападения воздушного противника сделать это не удалось бы.

Обычно поправки после получения по телефону очередного зенитного артиллерийского метеорологического бюллетеня вычислял офицер, оперативный дежурный батареи. Но вскоре после прихода девушек эту обязанность стали выполнять они.

В зенитной артиллерии среднего калибра стали «традиционно женскими» должности номеров дальномерного расчета и приборного отделения, телефонистов, радистов и разведчиков. Замена девушками мужчин на этих должностях ничуть не снизила боеспособности подразделений. А ведь это позволило нам высвободить для фронтов более 10 тыс. мужчин.

Уже спустя несколько месяцев наиболее успешно освоившие военную специальность девушки получили звания ефрейторов, сержантов и старшин. Во многих батареях девушки стали командирами отделений и расчетов. А через год только в десяти наших дивизиях 2000 девушек было присвоено звание ефрейтора, 1134 из них стали командирами расчетов, начальниками аэро-

статных и вносовских постов, 368 человек заслужили знаки отличников.

Известный авиационный конструктор А. С. Яковлев в своих мемуарах «Цель жизни» высказал, на мой взгляд, очень правильную мысль: «Если бы когда-нибудь решено было поставить памятник героям, защищавшим столицу от воздушных налетов, я предложил бы воздвигнуть на высоком постаменте бронзовую фигуру молодой москвички-зенитчицы в пилотке...»[15]

Пожалуй, к этому предложению стоило бы только -добавить, что на высокий постамент вполне достойны подняться и представительницы наших славных прожектористок, наблюдателей, телефонисток с вносовских постов, аэростатчиц. И если уж не в бронзе, то в щедрой памяти народной их образ, их имена должны запечатлеться навсегда.

Мне хочется рассказать о нашей отважной пулеметчице Марии Грудистовой. Вспоминаю ее, и передо мной возникает молоденькая девушка с нежным, несколько наивным взглядом. Она не была хрупкой, но угадать в ней недюжинную волю, смелость и силу при первом взгляде было трудно: светлые

кудряшки, по-детски припухлые губы, маленькие руки.

Расчет зенитного пулемета, в составе которого служила Мария Грудистова, охранял важный военный объект. Девушки, пришедшие на смену мужчинам, быстро освоили искусство стрельбы из крупнокалиберного зенитного пулемета. Командир стал поручать им самостоятельное дежурство. Так было и в тот день. Все отправились на обед, а Грудистова получила задание наблюдать за воздухом и в случае необходимости самостоятельно выполнять боевую задачу.

Мария Грудистова

Надо же было так случиться, что именно в это время немецкий бомбардировщик внезапно появился из-за ближнего перелеска и устремился на охраняемый объект. Девушка не растерялась. Уверенными движениями она дослала в патронник патрон и, упершись в наплечники, поймала самолет в перекрестье прицела.

Бомбардировщик шел. прямо к позиции. Еще мгновение — и фашистский летчик пошлет очередь по пулемет-

[130]

чице. Но Грудистова опередила его. Сверкающая трасса прошила вражеский самолет. Он, неуклюже накренившись, резко пошел вниз и врезался в землю.

Отважная пулеметчица была награждена орденом Красной Звезды. На ее примере смелости и мастерству учились не только девушки, но и наши воины-мужчины.

Ефрейтор Анна Курбатова, стоя на наблюдательной вышке, обнаружила далеко в небе армаду неприятельских самолетов. Она насчитала 69 машин — все «Хейнкели-111». Не опоздала Курбатова заметить и момент разделения группы. Она немедленно сообщила командованию, что десять бомбардировщиков повернули на юго-восток, еще десять развернулись над селом. Девушка не прервала ни на минуту своих докладов даже тогда, когда одна из групп самолетов стала бомбить район, где находился пост. «Хейнкели» сбросили там до сотни бомб.

Скромную, но ответственную должность наблюдателя занимала ефрейтор Анна Курбатова. Она сумела проявить на своем посту подлинное мастерство, выдержку, стойкость. За время службы Курбатова безошибочно опознала около 500 воздушных целей и была удостоена медали «За отвагу».

Вот еще один пример. Красноармейца Александру Рябцеву послали доставить пакет с донесением в штаб части. В пути она попала под бомбежку. Осколок фугасной бомбы вонзился девушке в грудь. Она упала, но, истекая кровью, теряя силы, продолжала ползти, не выпуская из рук сумки с пакетом и винтовки. Когда Александру Рябцеву доставили в ближайший госпиталь, она отказывалась от операции до тех пор, пока не вручила пакет прибывшему из штаба офицеру. Выполнив поручение, девушка потеряла сознание. Вот оно — высокое чувство долга, рождающее истинное мужество и силу духа!

Довелось мне как-то побывать на огневой позиции зенитной батареи старшего лейтенанта Власова. В строю одного из орудийных расчетов я увидел девушку. Обычно орудийными номерами у нас были мужчины, и я, естественно, заинтересовался, почему «мужскую должность» занимает девушка. Командир батареи рассказал мне такую историю.

Во время отражения налета вражеской авиации в орудийном расчете выбыл из строя считывающий взрывате-

ля. Казалось, слаженная работа расчета должна нарушиться. Но в эту минуту зенитчики услышали девичий голос, уверенно называющий деления взрывателя. До конца боя Лена Гольнева умело выполняла обязанности орудийного номера.

На следующий день она попросила оставить ее в расчете. Просьба девушки была удовлетворена. Ей объявили благодарность и вручили именные часы.

Мы привыкли не удивляться тому, что девушки охотно брались за выполнение любых самых сложных обязанностей. А

ведь бывшая смоленская колхозница Елена Гольнева никогда раньше не имела дела с техникой.

Во время войны мне нередко приходилось встречаться по делам службы с главным интендантом Красной Армии генералом П. И. Драчевым. Однажды он спросил меня:

— Вам, товарищ Журавлев, вероятно, приходится поощрять девушек за успехи?

— А как же, и очень часто. Они заслуживают этого.

— Наверное, вам пригодились бы женские часики?

— Еще бы! Это было бы замечательно!

И тогда Павел Иванович Драчев показал мне механизмы часов, полученные из Швейцарии.

— Вот если бы организовать для них изготовление корпусов, — мечтательно сказал он.

В наших войсках были мастера на все руки. «Вероятно, найдутся умельцы, которые и корпуса для часов смастерят», — подумал я. Взяв у Павла Ивановича несколько механизмов, обещал ему через некоторое время сообщить о результатах.

И вот спустя несколько дней на моем столе появились женские часики. Одни из них имели металлические штампованные корпуса, другие — прозрачные, из плексигласа, третьи — даже серебряные. Я показал эти образцы генералу Драчеву. Они ему понравились. Часть изготовленных таким образом часов стала поступать в наше распоряжение.

С тех пор мы получили возможность отмечать наших девушек ценными подарками. Именные часики, наверное, и сейчас хранятся у многих бывших зенитчиц, связисток, аэростатчиц, прожектористок как память о трудных, но славных днях.

Кто из старых москвичей не помнит, как в первые годы войны девушки-аэростатчицы водили по улицам

[132]

столицы огромные зеленые баллоны, наполненные гелием, держа в руках веревочные поводки. При малейшем дуновении ветра газгольдер метался из стороны в сторону, увлекая за собой своих поводырей. И хотя он для устойчивости загружался мешками с балластом, управляться с ним бывало довольно трудно.

Пост аэростата воздушного заграждения на площади Свердлова

Пост аэростата воздушного заграждения на площади Свердлова

Нужно еще иметь в виду, что газовый завод, где аэростатчики получали гелий, находился от позиций некоторых аэростатных постов на расстоянии 15—20 километров. Нелегко было проделать этот путь пешком, поминутно удерживая рвущуюся из рук веревку. Газ же в аэростаты, особенно летом, приходилось «доливать» довольно часто.

Однажды во время такого путешествия внезапный сильный порыв ветра бросил газгольдер через парапет набережной, но ни одна из девушек не выпустила поясных веревок. Все аэростатчицы оказались в Москве-реке. С большим трудом прибуксировав огромную оболочку к берегу, они вытащили ее из воды и доставили на пост.

К концу 1942 года нам удалось освободить своих аэростатчиц (в составе аэростатных постов в основном были девушки) от утомительных путешествий с газгольдерами. Наши рационализаторы инженер-капитан Немцев и сержант Мещеряков сконструировали удобные металлические повозки на автомобильных колесах. Поезд из двух таких повозок с газгольдерами буксировался грузовой автомашиной.

Однако и после этого аэростатчикам хватало дел. Нужно было защищать баллоны от лучей солнца, чтобы сохранить стяжную резиновую систему, не допустить соприкосновения

оболочки с землей и окружающими предметами: тонкая шелковая материя портилась от трения, боялась острых предметов. Но особенно трудно приходилось бойцам, когда поднимался сильный ветер.

В городе, где в основном и находились посты аэростатчиков, потоки воздуха изменяют свое направление самым причудливым и неожиданным образом. И когда аэростаты, имеющие большую поверхность, оказывались на пути этих потоков, удержать их было неимоверно трудно. Легко вырывались из земли металлические «штопоры», рвался бивачный такелаж, и, случись недосмотр, аэростат могло понести ветром. Вот почему, получив

[133]

штормовое предупреждение, аэростатчики спешили на биваки, усиливали крепления, удерживали оболочки дополнительными поясами.

Ночью 21 апреля 1943 года разразилась буря. Аэростаты оставались на биваках. Сдавать их в воздух было невозможно, но и на земле удержать трудно. Особенно напряженная ситуация сложилась на посту, которым командовала ефрейтор Анастасия Васильева. Порывом ураганного ветра вырвало несколько «штопоров», и аэростат стало трепать по земле. По команде Васильевой девушки ухватились за поясные веревки, пытаясь удержать аэростат. Новым порывом ветра его вдруг бросило к груде камней. Поясные вырвались из рук аэростатчиц. Только Васильева удержала веревку. Это стоило ей жизни. Мужественную девушку ударило о камни. Когда подруги подбежали к ней, она смогла только прошептать: «Улетит, улетит». И в последний миг своей жизни Настя Васильева думала о воинском долге. Похоронили ее недалеко от поста, под огромными вековыми соснами. На могиле установили памятник. Военный совет округа издал специальный приказ, посвященный подвигу ефрейтора А. М. Васильевой. Отважная девушка посмертно была награждена орденом Отечественной войны.

При аналогичных обстоятельствах погибли Зоя Евдокимова и Саша Окорочкова. Посмертно они были также награждены орденом Отечественной войны.

Зоя Евдокимова

В аэростатных подразделениях служило немало девушек — командиров расчетов. Они отлично зарекомендовали себя. Например, пост, возглавляемый А. Чохниной, по всем показателям обгонял отделения, которыми командовали бывалые воины-мужчины.

Не могу не рассказать о высоком патриотизме трех молодых женщин — Антонины, Анны и Александры Шлыковых, которые пришли служить в наши войска при необычных обстоятельствах.

20 марта 1942 года во время массированного налета вражеской авиации на один из подмосковных аэродромов был тяжело ранен наводчик орудия Василий Шлыков. Он категорически отказался от помощи товарищей, зная, что им нужно вести огонь по врагу. «Юнкерсы» были отогнаны, а один из них сбит. Но Шлыков вскоре умер от потери крови. Его мужество и стойкость помогли зенитчикам выполнить боевую задачу. Героя похоронили

[134]

с почестями. А через некоторое время на батарее получили письмо от родителей Василия Шлыкова. Они писали, что преклонный возраст не позволяет им встать в ряды защитников Родины, но очень просят командование разрешить сестрам Василия и его жене занять место сына в боевом строю.

Командование удовлетворило просьбу Антонины Шлыковой — жены Василия и его сестры Анны. Они стали воинами батареи, в которой служил Василий. Александре, младшей из сестер,

предложили подождать совершеннолетия.

Очень скоро Антонина и Анна овладели военной специальностью. Они стали связистками и в бою показали себя смелыми воинами.

Мне вспоминаются слова немецкого аса Нирмана, приведенные в свое время в английской печати. Известному фашистскому летчику довелось воевать и на Африканском театре военных действий, и в Западной Европе, и на Восточном фронте. Во время одного из полетов он был сбит и попал в плен. На допросе Нирмана спросили:

— Насколько эффективен был огонь английской зенитной артиллерии над Тобруком?

И фашистский ас откровенно ответил:

— Лучше было десять раз пролететь над Тобруком, чем один раз в районе действия русских зенитных батарей, укомплектованных бойцами-девушками...

Среди наших добровольцев было много женщин-офицеров. Большинство из них — политработники. Они выполняли обязанности секретарей бюро партийных и комсомольских организаций частей, политруков рот, начальников клубов, агитаторов.

Нужно сказать, что все женщины-офицеры зарекомендовали себя хорошими организаторами, вдумчивыми воспитателями, требовательными начальниками. Военнослужащие-мужчины безоговорочно признавали их право учить и приказывать. Правда, на первых порах кое-кто из наиболее ретивых сторонников полного приоритета мужчин в военном деле пытался не принимать всерьез женщин как начальников. Некоторые из них и сами довольно робко осуществляли свои права. Но это было только первое время.

С приходом в войска добровольцев появились женщины-офицеры и в нашем политическом управлении.

[135]

Большой похвалы заслуживала работа лекторов Лидии Васильевны Завадской, Веры Ивановны Владимирской и других товарищей. Они неутомимо ездили по частям, добирались до самых отдаленных вносовских и прожекторных позиций.

Лекции и беседы обычно проводились в землянках или прямо на позициях, рядом с боевой техникой. Наши лекторы умели обстоятельно и просто ответить на все вопросы, возникавшие у воинов.

Женщины-офицеры не ограничивались лишь лекционной работой. Они глубоко вникали в боевую деятельность, жизнь и

быт людей, а потом ставили перед командованием большие и важные вопросы.

Командование высоко оценивало деятельность женщин-политработников. Их самоотверженный труд отмечался правительственными наградами. Так, например, Л. В. Завадская и В. И. Владимирская за время службы были удостоены нескольких орденов и медалей.

Впоследствии Лидия Васильевна Завадская ушла от нас на преподавательскую работу в одну из военных академий и зарекомендовала себя там с самой лучшей стороны.

Вера Ивановна Владимирская после увольнения из армии стала кандидатом исторических наук. Она ведет большую научную и преподавательскую работу в Московском государственном университете.

В частях у нас было также немало деятельных и умелых женщин-политработников. Среди них политрук Е. Глазатова — пропагандист вносовской части, лейтенант С. Позолотина и многие другие.

Софья Ефимовна Позолотина прибыла в наши войска с Урала, из города Кизела, где преподавала в средней школе физику. Желая попасть на фронт, она обратилась в военкомат. Вместе с ней туда пришла и группа выпускниц школы, у которых Позолотина была классным руководителем.

Учительницу и ее воспитанниц направили в одну из вносовских рот. Вскоре Софья Ефимовна стала лейтенантом, политруком роты, а потом комсоргом полка. Педагогические способности, знание комсомольской работы помогали ей умело организовать деятельность полковой комсомольской организации. С. Е. Позолотина показывала молодежи личный пример, настойчиво овладевая военной специальностью.

В свое время мы по приказу Наркома обороны орга-

низовали военную подготовку политработников, так как многие из них не имели военного образования. Офицеров-политработников привлекали на учебные сборы, а потом принимали у них экзамены по пройденному курсу. Помнится, требования предъявлялись высокие, и потому отличные оценки по всем дисциплинам получили не многие. Среди отличников оказалась лейтенант Позолотина.

Девушки-добровольцы, быстро освоившись в новой для них обстановке, стали активными участниками общественной жизни подразделений. Например, только в 1-й гвардейской зенитной артиллерийской дивизии 310 девушек были назначены

взводными агитаторами. Влившись в комсомольские организации эскадрилий, батарей, рот, отрядов, они заметно оживили их деятельность. Коммунистов среди девушек поначалу оказалось немного: возраст был еще не тот. Зато в армии, проявив себя в боевой работе, многие из них сердцем потянулись к партии. И коммунисты охотно давали девушкам рекомендации.

Появление девушек в войсках облагораживающе подействовало на мужчин. Девушки были нетерпимы к любым проявлениям грубости и цинизма, но в то же время они умели правильно реагировать на справедливые замечания, сделанные порой даже в резкой форме. Если кто-нибудь из мужчин позволял себе грубость, то его поведение становилось предметом разговора на партийном или комсомольском собрании. Таким товарищам девушки не давали пощады.

Много сделали девчата для благоустройства быта, организации питания личного состава.

И все же командиры признавались, что появление девушек-добровольцев вызвало в их деятельности и некоторые трудности. Не такими уж большими психологами были наши командиры-фронтовики. Не всегда они могли понять движение душ подчиненных им девушек, их запросы, чаяния, иногда бывали чрезмерно суровы, резки. Кое-кто из командиров, наоборот, считал, что девушкам нужно создать какие-то особенные, тепличные условия. Они не привлекали девчат к выполнению трудных работ, старались не поручать им несение караульной службы, делали попущения, если те нарушали дисциплину. Ясно, что все это отрицательно сказывалось на деле.

Некоторым девушкам казалось, что служба в противовоздушной обороне не так ответственна и значительна,

[137]

как в передовых частях. Но большинство из них правильно понимали свой долг.

«...Москва! Как я люблю тебя! — писала младший сержант Ю. Волкова. — В начале войны я жила в городе, над которым почти каждую ночь пролетали эшелоны вражеских бомбардировщиков, шедших к Москве. Я прислушивалась к их злобному гулу, растерянная и беспомощная, и в груди была боль за нашу столицу. А теперь я сильна. В моих руках оружие, и я умею постоять за безопасность любимого города».

В наших войсках было немало девушек с Урала. Мы решили послать туда делегацию лучших воинов, чтобы рассказать родителям о службе их дочерей, завязать с ними тесное знакомство. Возглавила делегацию комсомольский работник

старший лейтенант К. Князева. Посланцы фронта, вернувшись с Урала, привезли с собой наказ матерей девушкам-воинам противовоздушной обороны Москвы.

Волнующие патриотические слова письма доходили до глубины сердец наших зенитчиц, прожектористок, аэростатчиц, мобилизовывали их на преодоление трудностей воинской службы.

«Дочери наши любимые! Ваши посланцы девушки-бойцы рассказали нам о вашей суровой боевой жизни, — говорилось в письме. — Мы гордимся тем, что вы бдительно несете вахту на защите нашей великой Москвы. Вы поставлены на большой и почетный пост. Ваши дела будут записаны в летописи Отечественной войны. Народ сложит о вас песни, напишет стихи.

Родные дочери! Мы находимся в тылу. Но все наши мысли, все дела направлены к одной цели — помочь фронту. И мы не покладая рук помогаем доблестной Красной Армии приблизить час окончательной победы над врагом... Будьте дисциплинированными, аккуратными. Очень неприятно нам видеть девушку-бойца, которая неопрятно одета, курит, грубит. Высоко несите имя советской девушки, ее честь. Помните, счастье ваше, любовь — впереди. Они придут вместе с разгромом врага. А пока стойко переносите все трудности, выпавшие на вашу долю. Хочется вас, родные дочери, прижать к сердцу, согреть своей лаской. И это желание скоро исполнится. Час победы над врагом близок. Вы вернетесь в отчий дом, в родную, любящую вас семью».

[138]

Члены делегации, побывав после возвращения в частях, рассказали своим подругам о трудовом подвиге Урала, о том, как напряженно трудятся во имя победы их матери, сестры, младшие братья. И эти сообщения были особенно впечатляющими. Могла ли, например, без волнения слышать красноармеец Полыганова о том, что ее мать-пенсионерка вернулась на завод и перевыполняет нормы выработки наравне с молодежью, а ефрейтор Вотина — о том, что ее младший брат Александр, комсомолец-подросток, освоил специальность слесаря и работает по-стахановски.

Суровая солдатская служба со всеми ее трудностями и тяготами, как признавали сами девушки, физически и нравственно закаляла их, приносила глубокое удовлетворение, сознание честно выполненного долга. Вот что писала в письме домой пулеметчица Т. Селезнева: «Мамочка, когда отбушует пламя войны, когда враг будет уничтожен, жди меня домой уже

по такой робкой, боявшейся физического труда и напряжения девушкой, а закаленным, возмужавшим в трудностях армейской жизни человеком, которому любое умственное и физическое напряжение по плечу».

Эту физическую и моральную закалку, приобретенную в армии, девушки продемонстрировали очень ярко в боевой обстановке.

В 1945 году, командуя Западным фронтом ПВО, я неоднократно бывал на позициях наших зенитчиков, охранявших железнодорожные узлы, переправы через реки. Вспоминаю, как на кюстринском плацдарме, около переправы через Одер, меня застала ожесточенная бомбежка. Особенно яростно немецкие бомбардировщики атаковали огневую позицию зенитной малокалиберной батареи, прикрывавшей переправу. В числе зенитчиков было немало девушек. И все они в этой сложной обстановке действовали спокойно, уверенно, пренебрегая опасностью. Батарея с честью выдержала суровое испытание, нанеся противнику чувствительные потери. Среди героев этого и других боев были многие женщины-воины.

Пожалуй, особо следует сказать о подвиге прожектористок, участвовавших в историческом Берлинском сражении. Помню, накануне этого сражения меня пригласил к себе маршал Г. К. Жуков, командовавший тогда 1-м Белорусским фронтом. Он рассказал, что по замыслу коман-

дования фронта, утвержденному Ставкой, предполагается использовать зенитные прожекторы для ослепления противника при проведении ночной атаки.

Нелегко было вывозить громоздкие прожекторные агрегаты на передний край, закапывать их в землю. Делалось это под огнем противника, и, естественно, мы имели потери в людях и технике. Но задача была выполнена своевременно. К назначенному сроку всю технику изготовили к боевой работе.

Наши прожектористы, среди которых добрую половину составляли девушки, действовали с огромным энтузиазмом. В полосах 3-й и 5-й ударных, 8-й гвардейской и 69-й армий, изготовившихся к прорыву вражеской обороны, разместились 143 зенитные прожекторные установки. Незадолго до рассвета, за три минуты до окончания короткой, но мощной артиллерийской подготовки, в зенит был дан вертикальный луч, и на всех прожекторных станциях включили рубильники.

Атака выглядела весьма эффектно. Ничего подобного мне до этого видеть не приходилось. Находясь на наблюдательном

пункте 8-й гвардейской армии вместе с маршалом Г. К. Жуковым, я был свидетелем стремительной атаки наших войск, успешно прорвавших долговременную оборону противника.

Проведя позже разбор действий наших прожектористов, мы отметили, что в ту волнующую ночь решающего штурма они мужественно и умело выполняли своп трудные обязанности. Высокую похвалу заслужили многие девушки-воины.

Служба девушек в войсках противовоздушной обороны — это большой и славный этап в их боевой истории. Родина высоко оценила ратный труд своих дочерей. Очень многие из добровольцев были награждены орденами и медалями. Но, конечно, главной наградой для них стало сознание честно выполненного долга перед Отчизной в трудный час испытаний.

В 1945 году мы тепло проводили славных патриоток, пожелав им от души большого заслуженного счастья. Мне и сейчас приходится встречаться с некоторыми из них. Многие уже стали бабушками. Не узнаешь в них прежних красноармейцев и сержантов, но в каждой что-то осталось от воинской службы — этой суровой школы мужества и гражданственности.

Глава 7. Война продолжается

Красноречивое признание врага. Большие дела в маленькой Уваровке. История первой СОН. Трудности с авиационной техникой. Мы зарываемся в землю. Сталин просит «взаймы» истребители. Шестью снарядами. Уроки налетов на Горький и Саратов.

Новый, 1942 год мы встречали в обстановке подъема, вызванного победой, одержанной под Москвой. Она была радостна для всего советского народа, а мы испытывали особое чувство: ведь и нами внесен немалый вклад в эту победу.

Успехи воинов противовоздушной обороны столицы признавал и противник. 13 ноября 1941 года начальник генерального штаба немецких сухопутных сил генерал-полковник Гальдер проводил в Орше совещание командующих группами армий и их начальников штабов. На этом совещании было сделано такое заключение: «Сильная противовоздушная оборона делает Москву почти неуязвимой с воздуха»[16].

Руководители немецко-фашистских войск на Восточном фронте имели все основания для подобного утверждения уже в ноябре 1941 года. Еще больше оснований для такого вывода было у них в 1942 и последующих годах войны. Этим объяснялся резкий спад активности люфтваффе в границах зоны Московской ПВО зимой 1941/1942 года.

В начале 1942 года немецко-фашистские ВВС, по существу, лишь обозначали попытки нанести бомбовые удары по Москве. Достаточных средств для этого противник уже не имел, но хотел все же держать ПВО нашей столицы в напряжении. В январе нам четыре раза при-

[141]

ходилось объявлять своим войскам «положение № 1». Налеты проводились в ночное время, и участвовало в них в общей сложности 13 бомбардировщиков.

Зима прошла для москвичей спокойно. Мы ни разу не объявляли городу воздушной тревоги. В этом просто не было необходимости. Люфтваффе два месяца залечивали раны и не пытались подходить к зоне зенитного огня. А в марте, с наступлением весны, посты ВНОС вновь стали доносить о

продвижении отдельных мелких групп вражеских самолетов к границам города.

«Весна, грачи прилетели», — шутили солдаты. Но шутки шутками, а хлопот эти «грачи» доставляли нам немало. Бывало, в темном весеннем небе чуть ли не всю ночь гудят один-два самолета. В зону зенитного огня они не входят, а вся система ПВО вынуждена находиться в готовности. В иные ночи довольно значительные группы неприятельских бомбардировщиков пробовали пробиться и в воздушное пространство Москвы. Так, например, было в марте 1942 года. Четыре группы, в общей сложности 36 самолетов, пытались протаранить зенитный заслон. В конце этого же месяца вражеская авиация пробовала совершить на Москву еще несколько мелких налетов.

Довольно энергичную попытку прорваться к нашей столице люфтваффе предприняли в июне 1942 года. Но это была их лебединая песня. С тех пор командование немецко-фашистских военно-воздушных сил отказалось от мысли бомбить Москву.

Однако это не означало, что мы могли почивать на лаврах. Во-первых, никто не мог дать гарантии, что противник не попытается еще раз проверить прочность обороны города, а во-вторых, мы отвечали за безопасность не только самой Москвы. В зоне действия Московской противовоздушной обороны было немало объектов, привлекавших постоянное внимание люфтваффе. И в небе Подмосковья еще не раз завязывались ожесточенные воздушные бои. Не один бой провели и зенитчики, обеспечивавшие противовоздушную оборону важных объектов.

Газета «Красная звезда» 12 февраля 1942 года, обращаясь к нам, воинам ПВО, писала: «Миф о непобедимости немцев в воздухе давно развеян. Провалился план людоеда Гитлера уничтожить Москву с воздуха — чудо-

вищный и бредовый замысел, о котором фашисты в свое время трубили на весь мир... Мы не переоцениваем опасности, угрожающей нам с воздуха, но и не должны преуменьшать ее, даже в малейшей мере. Какая бы то ни было самоуспокоенность в этом отношении преступна. До той поры, пока противник имеет боевые самолеты, у нас нет и быть не может абсолютной, полной гарантии от воздушного нападения. Поэтому призыв «Помни воздух!» должен звучать в наших рядах непрерывно, с неослабной силой».

Мы помнили этот призыв и в дни боев, и в период временного затишья в воздухе. Кстати сказать, эта формула бдительности воинов ПВО родилась в войсках Московской

противовоздушной обороны. Партия, правительство и народ призывали нас быть всегда настороже, не дать застать себя врасплох.

К тому времени в наших войсках появилась новая техника — станции орудийной наводки, или, как их сокращенно называли, СОН. Они во многом способствовали повышению меткости огня зенитной артиллерии. Следует сказать, что первую такую станцию мы получили еще в 1941 году. Ее история любопытна, и я расскажу об этом.

Еще задолго до начала войны зенитчики были обеспокоены тем, что проблема стрельбы по невидимым воздушным целям оставалась нерешенной. На вооружении войск ПВО состояли прожекторы со звукоулавливателями. Они были способны поймать воздушную цель, но не могли определить высоту ее полета. Звукоулавливателя предполагалось использовать и для наведения зенитных орудий при ночной стрельбе. Однако уже тогда стало ясно, что определение координат (местоположения) самолетов по звуку не может обеспечить достаточной меткости стрельбы.

Ученые немало трудились над совершенствованием звукоулавливателей. Однако они столкнулись с непреодолимыми препятствиями: малая скорость распространения звука в воздухе не давала возможности получать точные данные о скоростных целях. В связи с неуклонным ростом скоростей в авиации этот недостаток звукоулавливателей сказывался все больше.

В научно-исследовательских институтах до войны велись интенсивные работы по применению инфракрасной

[143]

техники для определения координат целей в воздухе. Однако инфракрасный локатор создать не удалось.

И тогда ученые пришли к выводу: единственно перспективный метод — использование радиоволн. Первые опыты в этом направлении были проведены в Центральной радиолаборатории инженером Ю. К. Коровиным еще в 1933 году. Они дали обнадеживающие результаты. Правда, до создания промышленного образца радиолокатора было еще очень далеко.

В дальнейшем в различных исследовательских институтах и конструкторских бюро проводилась большая и напряженная работа по созданию аппаратуры для радиообнаружения воздушных целей и определения их координат. Ученым и конструкторам удалось решить много серьезных проблем на пути создания станций радиообнаружения (РУС) и станций орудийной наводки (СОН). К началу войны научные сотрудники одного из

НИИ изготовили несколько опытных образцов СОН. Однако в связи с эвакуацией промышленности на восток освоить в то время их серийный выпуск не удалось.

И все же одну станцию орудийной наводки мы получили в свое распоряжение в первый год войны. Это был зенитный артиллерийский радиолокатор, которому мы дали наименование СОН-2. Станция проходила испытания на одном из зенитных артиллерийских полигонов. Председателем комиссии по ее приемке назначили полковника С. И. Макеева. Работа СОН получила положительную оценку. Однако дальнейшему ее освоению помешала война. НИИ, изучавший эту аппаратуру, был эвакуирован, а сама станция осталась на испытательном полигоне.

Семен Ильич Макеев, ставший заместителем командира корпуса, предложил мне:

— Давайте попросим передать эту станцию нам. Мы сумеем ее освоить.

Наше ходатайство удовлетворили. Вместе с локатором мы получили батарею 105-мм немецких зенитных орудий. Так в октябре 1941 года у нас появилась зарубежная боевая техника. Попала она в умелые руки советских специалистов, которые в напряженнейшей боевой обстановке за четыре дня сумели ввести ее в строй.

Немецкие зенитные орудия оказались у нас при следующих обстоятельствах. В августе 1939 года Советский Союз заключил с фашистской Германией пакт о ненапа-

дении. Одновременно было заключено и торговое соглашение. Для его реализации в Германию выехала торговая делегация во главе с И. Ф. Тевосяном. В числе членов делегации находились специалисты в области военной техники, в частности известный авиаконструктор А. С. Яковлев, артиллерист Г. К. Савченко и другие.

Уже тогда вынашивая планы нападения на Советский Союз, фашистское руководство Германии тем не менее довольно подробно знакомило наших представителей с новейшей боевой техникой. Больше того, советская комиссия закупила образцы некоторых немецких самолетов, орудий и другого оружия. Фашисты были уверены, что мы не сумеем использовать их опыт, что наша промышленность и конструкторская мысль не в состоянии даже копировать столь сложную военную продукцию. Демонстрацией образцов оружия они рассчитывали вызвать у нас страх перед военной мощью гитлеровской Германии.

Так и появились тогда на нашем полигоне четыре немецкие пушки с боеприпасами, зенитные прожекторы и другая техника. Нужно сказать, она не вызвала у нас ни особого удивления, ни тем более страха. Громоздкие, сложные в эксплуатации и очень тяжелые зенитные орудия не было необходимости копировать нашим конструкторам. Отечественные зенитные орудия соответствующих калибров не уступали немецким, а по ряду показателей превосходили их.

На полигоне с локатором познакомилась группа наших специалистов — военные инженеры Е. А. Панченко, П. А. Курочкин и В. А. Калачев. Они с большим энтузиазмом взялись за внедрение станции орудийной наводки в боевую практику. Вскоре к ним присоединились К. Н. Томилин и М. Л. Слиозберг, только что вернувшиеся из Лондона, где они знакомились с производством зенитных артиллерийских радиолокаторов. Уже 18 октября станция была готова выдавать данные для стрельбы по воздушным целям.

Батарею немецких орудий вместе с СОН мы установили в боевых порядках 329-го зенитного артиллерийского полка. Он нес оборону в южном секторе, где вражеская авиация действовала обычно весьма активно.

С 18 по 29 октября батарея вела сопроводительный огонь ночью по 50 целям. Правда, ни одна из них уничтожена не была, однако в 35 случаях сразу же

[145]

после открытия огня вражеские бомбардировщики резко меняли курс и стремительно уходили из зоны обстрела. Значит, разрывы ложились достаточно близко к цели. Конечно, это был еще далеко не тот результат, которого мы ожидали, но, несомненно, — некоторый успех. Теперь с помощью локатора мы могли получать довольно точные данные о высоте полета целей в этом секторе и, следовательно, более эффективно вести заградительный огонь.

С 3 ноября к станции орудийной паводки подключили три батареи отечественных 85-мм зенитных орудий с приборами управления артиллерийским зенитным огнем. За двенадцать дней (вернее, ночей) они обстреляли 77 целей. Из них 63 бомбардировщика (более 80 процентов) под воздействием огня отказались от попыток прорваться к Москве. Четыре из этих самолетов после обстрела резко развернулись и со снижением до 2—3 тыс. метров вышли из зоны сопровождения станции. Нельзя утверждать, что они были сбиты, но явно получили повреждения.

Характерно, что на отражение одной цели при стрельбе с

СОН в среднем расходовалось 96 снарядов. Если бы на пути этих самолетов мы ставили заградительный огонь, то снарядов пришлось бы израсходовать во много раз больше. Словом, первый опыт убедил нас, что СОН дает возможность вести прицельный огонь целым дивизионом ночью, а также в условиях облачности и в тумане, заградительный же — всеми батареями полка.

Специалисты подсчитали, что при ведении заградительного огня по докладам наблюдательных пунктов, которые, как известно, ночью определяли данные о целях только на слух и, естественно, допускали значительные неточности, нам приходилось обстреливать воздушное пространство на пути вражеских самолетов, равное 3 — 4 тыс. кубических гектометров. Располагая же данными станции орудийной наводки, зенитчики могли ограничиться обстрелом воздушного пространства в 60—70 кубических гектометров. Нетрудно понять, насколько меньше боеприпасов при этом приходилось расходовать.

Однако первая ласточка не делает весны. Единственная станция удовлетворить нас, конечно, не могла. Да и работала она еще далеко не с такой точностью, как бы нам хотелось. Наши специалисты немало потрудились над ее освоением. Особенно много для повышения эффективности работы новой техники сделал инженер-полков-

[146]

ник Евстигней Андреевич Панченко. Высокообразованный специалист, он глубоко вникал во все тонкости устройства станции. Вместе с ним не покладая рук трудился и расчет СОН, состоявший из подлинных энтузиастов этой новой тогда отрасли техники. Они без устали занимались калибровкой и настройкой аппаратуры, несмотря на то что сложная боевая обстановка требовала от них в ту пору, как и от всех наших воинов, полного напряжения сил. Постоянно бывал на позиции СОН Семен Ильич Макеев, нередко и я выбирал время, чтобы познакомиться с деятельностью локаторщиков.

Результатами работы первой станции орудийной наводки интересовались и члены правительства. Однажды заместитель Председателя Совета Народных Комиссаров В. А. Малышев выразил желание познакомиться со станцией. Он подробно расспрашивал о ее возможностях, достоинствах и недостатках. Мы поняли, что решается вопрос об обеспечении войск ПВО такой техникой.

В боевом отношении первая станция орудийной наводки, конечно, не сыграла сколько-нибудь заметной роли в обороне Москвы. Однако благодаря ей сложилось ядро специалистов,

которые сумели быстро подготовить кадры локаторщиков для обслуживания СОН. А локаторов впоследствии мы стали получать все больше. За второй год войны в наши части поступило уже 29 станций. Специалисты Московской противовоздушной обороны стали пионерами освоения зенитной артиллерийской радиолокационной техники. Их опыт затем широко распространялся во всех соединениях и частях Войск ПВО страны.

Следует сказать, что наши воины-умельцы внесли много нового в конструкцию и методы боевого применения станций орудийной наводки. Они, например, добились, чтобы СОН могла пеленговать целя по углу места до 72 градусов вместо максимального в 48 градусов, как это предусматривалось заводом-изготовителем. Калибруя аппаратуру по аэростату, локаторщики достигали весьма высокой точности и стабильности ее работы.

Однажды Панченко пригласил меня познакомиться с результатом работы СОН после калибровки. Мы поехали в окрестности деревни Черемушки, где ныне вырос огромный новый район Москвы. Был поднят аэростат. Аппаратуру настроили и по ее данным дали залп средне-

калиберной зенитной батареей. Аэростат был изрешечен осколками снарядов.

Особенно ценным оказалось предложение группы специалистов-практиков. Лейтенант Шилов, техник-лейтенант Розенштейн, старшие сержанты Астахов и Гамрад-Курек предложили внести некоторые изменения в конструкцию прибора управления артиллерийским зенитным огнем. Это позволило подключать к СОН батареи, расположенные на расстоянии до шести километров от станции, иначе говоря — втрое увеличить базу батарея — СОН. Новшество имело большое значение. Ведь прежняя конструкция прибора предусматривала использование данных локатора батареями, удаленными от него не более чем на два километра. Изменять же сложившуюся дислокацию батарей было сложно. Вскоре многие из них стали получать данные станций орудийной наводки, и точность их стрельбы заметно повысилась.

Так в дни войны мы впервые в истории отечественной противовоздушной обороны осваивали радиолокационные методы обнаружения воздушных целей и определения их координат.

* * *

Каждый вечер, как только начинало темнеть, с командного пункта отдавалось распоряжение:

— Поднять в воздух аэростаты заграждения!

За период налетов вражеской авиации на Москву эта команда подавалась 268 раз. Иногда я поднимался на наблюдательную вышку и проверял, как аэростатчики выполняют свою задачу. Работали они отлично. Уже через несколько минут там и тут над крышами домов показывались огромные серебристые баллоны. Словно какие-то фантастические рыбы, они всплывали все выше и выше, вытягивая за собой в поднебесье сотни метров тонкого, но крепчайшего стального троса. На высоте 4,5 — 5 километров над городом всю ночь плавали аэростаты, тросы которых создавали непроходимую для самолетов сеть.

Части аэростатов воздушного заграждения не относятся к категории активных родов войск противовоздушной обороны. Но при взаимодействии с другими средствами ПВО они сыграли свою роль в обороне столицы, препятствуя снижению вражеских самолетов над городом

[148]

для прицельного бомбометания точечных целей. И если фашистские летчики вначале пытались летать над Москвой на сравнительно малых высотах, то очень скоро они отказались от этой затеи.

За время войны мы зарегистрировали семь аварий неприятельских самолетов, столкнувшихся с тросами аэростатов воздушного заграждения. В семнадцати случаях бомбардировщики, получив повреждения при встрече с тросами, отказывались от попытки продолжать полет на малых высотах.

В августе 1941 года один из «хейнкелей», прорвавшись через зону зенитного огня, пошел вдоль Москвы-реки к центру города. Его экипаж, видимо, считал, что добьется успеха, если будет вести машину на бреющем полете. Но тут на пути «хейнкеля» встретился трос аэростата, расчетом которого командовал сержант И. С. Губа. Трос срезал крыло бомбардировщика, и он камнем рухнул в реку. Водолазы достали из-под воды обломки машины и останки летчиков. Оказалось, что экипаж состоял из гитлеровских асов.

Для того чтобы создать над Москвой непроходимую для вражеских самолетов сеть тросов, необходимо было развернуть большое количество постов. На 1 июля 1943 года их было 440. Организационно все они входили в три полка аэростатов воздушного заграждения — 1, 9 и 13-й. Первым полком

командовал полковник П. И. Иванов — один из ветеранов этого рода войск, большой энтузиаст и знаток своего дела.

П. И. Иванов

Во главе 9-го полка стоял полковник Э. К. Бирнбаум — человек, известный в воздухоплавании и стратонавтике не только в нашей стране, но и далеко за ее пределами. Это он 30 сентября 1933 года вместе со стратонавтами Г. А. Прокофьевым и К. Д. Годуновым поднялся на стратостате «СССР-1» на высоту 19 километров, установив тем самым мировой рекорд. Война оторвала его от научной работы, и он стал заниматься аэростатами заграждения. Но и на этом поприще Э. К. Бирнбаум умело применил свои знания и организаторские способности.

13-й полк аэростатов заграждения, созданный уже в 1942 году, возглавил подполковник В. М. Шевченко. Он также был большим специалистом и опытным командиром.

[149]

Казалось бы, несложная техника — аэростат. Но его эксплуатация доставляла воинам немало хлопот. Нужно было сберегать довольно нежную перкалевую оболочку от жары, сырости и механических повреждений, следить, чтобы в ней поддерживалось необходимое давление газа. Больших забот требовал и уход за тросом, лебедкой, газгольдерами.

Но конечно, сложнее всего у аэростатчиков была боевая

работа. Подняв аэростат на высоту, они непрерывно следили за отклонениями его троса. В штормовую погоду было особенно трудно. Немалую опасность создавали и атмосферные электрические заряды, которые электризовали тросы. Нередко расчетам приходилось держать аэростаты на тросе до четырнадцати часов в сутки. Только за второй год войны аэростаты «дежурили» над Москвой в общей сложности 1044 часа.

В боевой практике аэростатчиков было два случая, когда воинам приходилось, спасая материальную часть, отправляться на аэростате в свободный полет. Однажды такой полет совершил сержант Дмитрий Велигура. Во время приземления аэростата внезапно оборвался трос. Никто из воинов, кроме начальника поста, не сумел удержать в руках поясную веревку, и аэростат взмыл вверх вместе с Велигурой.

Сержант не растерялся. Подтянувшись на руках, он добрался до предохранительного клапана и, стравив часть газа, приземлил аэростат в 110 километрах от своей позиции. За мужество и находчивость коммунист Д. Ф. Велигура был награжден орденом Красного Знамени.

В другой раз, 10 сентября 1942 года, в подобном положении оказались сразу два аэростатчика — начальник поста сержант К. Г. Беляков и красноармеец В. П. Козорез. Они также были унесены аэростатом в свободный полет. Для Константина Белякова этот полет закончился трагически. Не выдержав напряжения, сержант сорвался и разбился. А Василий Козорез остался жив. Он держался за носовую поясную веревку и поэтому не мог добраться до предохранительного клапана. Пришлось солдату положиться на волю случая. Это тоже требовало немалого мужества и физической силы.

Полет Василия Козореза закончился в районе города Ногинска. Проносясь над мачтами радиостанции, он

сумел схватиться за антенну и, не отпуская оболочки, спустился по мачте на землю. Комсомолец Козорез спас оболочку, и аэростат на следующую ночь вновь нес вахту над Москвой.

Эксплуатация аэростатов в городских условиях была делом сложным. Иногда трос обрывался, и аэростат, гонимый ветром, задевал за крыши домов, антенны. Особенно опасными были встречи тросов с линиями электропередач. Начальник Мосэнерго Уфаев не раз жаловался мне:

— Вы столько хлопот нам доставляете своими аэростатами. — А потом, помолчав, обычно добавлял: — Ну ничего, только защищайте Москву лучше.

Для нас подобные случаи были также событием крайне неприятным. Коснувшись проводов высоковольтной линии, тросы перегорали, и аэростат улетал в свободный полет. В результате мы теряли дорогостоящую оболочку. К тому же контакт металлических тросов с высоковольтной линией создавал большую опасность для жизни воинов.

Потери, понесенные немецко-фашистской авиацией при массированных налетах на Москву летом и осенью 1941 года, заставили командование люфтваффе серьезно пересмотреть свои взгляды на возможности нашей противовоздушной обороны. Мы не без удовольствия познакомились с признанием, которое достаточно откровенно сделала фашистская газета «Берлинер берзенцайтунг» в номере от 20 мая 1942 года. «В районах действия советской зенитной артиллерии, — писала она, — многочисленные потери свидетельствуют о том, что она стреляет метко».

Весной и летом 1942 года фашистская авиация, действовавшая в районе Московской противовоздушной обороны, сосредоточила свое внимание на небольших, но важных объектах, удаленных от нашей столицы на сто в более километров. На обороне этих объектов мы использовали главным образом малокалиберную зенитную артиллерию и зенитные пулеметы. Их расчеты с честью выполняли поставленные перед ними задачи.

Один из объектов охранял взвод 37-мм орудий, возглавляемый лейтенантом И. М. Скалинским. Самолеты противника неоднократно пытались обрушить бомбовый удар на этот объект, но каждый раз их встречал меткий,

[151]

хорошо организованный огонь артиллеристов. Семь бомбардировщиков потеряли здесь гитлеровцы, так и не сумев нанести объекту сколько-нибудь существенных повреждений. Командование высоко оценило мужество и мастерство зенитчиков. Многие из них были награждены орденами и педалями. Мне было приятно вручить боевой орден Ивану Михайловичу Скалинскому — отличному командиру, умелому воспитателю. Нужно сказать также, что, когда в Вооруженных Силах были введены нагрудные знаки отличников для поощрения лучших воинов-специалистов, первыми среди артиллеристов-зенитчиков ими были награждены передовые воины из взвода И. М. Скалинского.

В марте 1942 года была замечена повышенная активность немецкой воздушной разведки в районе железнодорожной станции Уваровка. Нам было понятно, чем вызван столь

пристальный интерес вражеских летчиков к этой небольшой подмосковной станции на Белорусской железной дороге. В ту пору линия фронта проходила около Гжатска, и Уваровка оказалась конечным пунктом железной дороги, по которой шло снабжение войск Западного фронта. Таким образом, она служила весьма важным перевалочным пунктом, и нам поручили обеспечить ее оборону от нападения воздушного противника.

— Знаешь, Николай Федорович, — обратился я к Гритчину, когда стала ясно вырисовываться направленность полетов разведывательной авиации противника, — давай-ка съездим в Уваровку, сами посмотрим, как там обстоит дело с организацией противовоздушной обороны станции.

Гритчин сразу же согласился: он был, как говорится, легок на подъем, любил бывать в войсках. Да и ему, безусловно, было понятно, какое значение для нас имеет этот маленький пункт, на обороне которого стояла небольшая частичка наших средств, выполнявших, однако, весьма ответственную задачу.

И вот мы поехали. Сразу же за городом, при выезде на Минское шоссе, почувствовали, что дорога ведет к фронту. То и дело наша легковая машина обгоняла колонны грузовиков с боеприпасами и продовольствием, цистерны с горючим. Они непрерывным потоком двигались к передовой, которая проходила уже где-то у границ Московской области.

[152]

Проехали опаленный огнем боев, израненный Можайск, ненадолго остановились на Бородинском поле, где до войны мне не пришлось побывать. С интересом и волнением осматривал я исторические места. Николай Федорович, старый москвич, не раз бывавший здесь, обратил мое внимание на один из многочисленных памятников: на вершине высокой гранитной колонны расправил крылья бронзовый орел. Потом мы подошли к холму, на котором сто тридцать лет назад отбивали яростные атаки наполеоновских войск прославленные пушкари Раевского. Курган, как и в грозную пору 1812 года, был использован для обороны. На его склоне притаился мощный железобетонный дот, кругом были противотанковые надолбы, окопы для тяжелой артиллерии. Историческая позиция бывшей «курганной батареи» вновь, через тринадцать десятилетий, оказалась важнейшим опорным пунктом наших войск на пути к Москве.

Пять суток сдерживала здесь атаки врага дивизия полковника В. И. Полосухина. И казалось, будто к воинам этой дивизии относятся слова М. И. Кутузова, высеченные на постаменте памятника с орлом: «Неприятель отражен на всех пунктах».

Полные нахлынувших мыслей и воспоминаний, подъехали мы к Уваровке, вернее, к месту, где она раньше находилась. Земля здесь была вся перепахана бомбами и снарядами, построек почти не осталось. Только около железнодорожного полотна уцелели какие-то бараки. Они-то и привлекали столь пристальное внимание вражеской авиации.

В этом мы убедились вскоре после приезда. Едва только познакомились с командиром взвода зенитных пулеметов лейтенантом Афанасием Ивановичем Бондарем, как ему сообщили: «Курсом на Уваровку идут три Ю-88».

Эти данные поступили от постов воздушного наблюдения взвода лейтенанта Воронина, располагавшихся в непосредственной близости от линии фронта. И хотя до Уваровки бомбардировщики обычно летели не более восьми минут, своевременное оповещение об опасности имело для пулеметчиков большое значение. Точно зная, откуда появится противник, они успевали изготовиться к бою.

Так было и в этот раз. Едва фашистские самолеты вынырнули из-за ближнего леса, они сразу же оказались

[153]

в перекрестье прицелов. И вот уже огненные трассы скрестились около головной машины. «Юнкерс» как-то неуклюже развернулся и скрылся за верхушками деревьев. А через мгновение мы услышали гул взрыва и увидели густое облако дыма, поднявшееся над лесом. Ведомые неудачливого лидера поспешили уйти из зоны обстрела.

Пулеметчики действовали четко, быстро и очень спокойно. Мы горячо поблагодарили их за смелость и мастерство, выразили уверенность, что они и впредь будут столь же успешно выполнять свой долг. С особым чувством мы пожали руки главным героям этого боя: наводчикам Антону Гаранже, Дмитрию Курочкину и командиру отделения старшему сержанту Федору Осетрову. Это они сбили вражеский бомбардировщик. Мы тут же, на огневой позиции, наградили их часами.

Ф. С. Осетров

В последующих боях воины этого отделения уничтожили еще четыре неприятельских самолета и один подбили. Но однажды обстоятельства сложились для них неудачно.

Налет был групповой. Пока зенитчики вели огонь по одному из бомбардировщиков, другой зашел с тыла и сбросил тяжелую бомбу. Ее осколки ранили Осетрова в лицо, Курочкина — в руку, а Гаранжу — в грудь. Но и раненные, они продолжали биться с врагом, пока не отогнали его от охраняемого объекта. Когда налет был отражен, Курочкин потерял сознание.

После боя Федора Осетрова и Дмитрия Курочкина доставили в медсанбат. Вместе с ними пришел туда и Антон Гаранжа. Пока товарищам оказывали помощь, он молча стоял в стороне. Закончив операцию, врач обратился к Гаранже:

— А вы чего ждете?

— Да вроде бы и меня ранило...

В груди Антона торчал осколок. После извлечения его он снова поспешил на огневую позицию. Правда, к пулемету Гаранжа встать еще не мог, но в боевой обстановке помогал товарищам, работая за телефониста.

Одна из особенностей войск противовоздушной обороны состояла в том, что в них было много мелких самостоятельных подразделений. Расчет зенитного пулемета, прожекторного и аэростатного отделений, поста ВНОС — все это самостоятельные боевые единицы. Можно без пре-

увеличения сказать, что от умения, опыта и личного мужества их командиров во многом зависела высокая боеготовность и боеспособность наших частей. Одним из таких замечательных младших командиров — прекрасных организаторов боя и. умелых воспитателей — был коммунист старший сержант Федор Степанович Осетров. Он подготовил немало прекрасных солдат-специалистов, стойких и мужественных воинов. Вот отрывки из писем его бывших воспитанников, попавших впоследствии на другие фронты.

«Переправлялись мы через Ладогу на пароходе. Налетел на нас немец. Но твоя наука, Федор Степанович, не прошла даром. Пошел фашист в подводное царство...» — это из письма ефрейтора Деревянко с Ленинградского фронта. А вот весточка из-под Сталинграда от красноармейца Федора Сиротина. «Я сейчас командую зенитно-пулеметным расчетом. Воюем вроде ничего. На днях меня наградили орденом».

Сообщение Сиротина особенно порадовало Осетрова. Он помнил, как этот солдат твердил: «Не выйдет из меня пулеметчик. Я для этого мало жизнью приспособлен. Буду проситься в пехоту». Не пришлось Сиротину проситься в пехоту. Воспитал его Осетров, да и других солдат тоже. Отлично воевали они в Уваровке, сделали неприступной для вражеской авиации эту маленькую станцию. Я с большим удовольствием вручал потом Федору Степановичу Осетрову орден Красного Знамени — высокую награду за его мужество и воинское мастерство.

Орденом Красной Звезды были отмечены боевые заслуги наводчиков Антона Ивановича Гаранжи и Дмитрия Ивановича Курочкина. Правительственные награды вручили мы и другим героям боев в Уваровке, в том числе командиру отделения старшему сержанту Ф. Ревенко, наводчикам Ф. Зиненко, Н. Мироненко и другим. Их крупнокалиберные пулеметы метко разили воздушного противника. 19 марта наводчик Курочкин сбил Ме-110, 21 марта расчет старшего сержанта Ревенко уничтожил Ю-88, 28 марта два «юнкерса» нашли себе могилу от метких очередей наводчиков Мироненко и Ефимова, 29 марта наводчик Рыбачек сбил истребитель Ме-109, 6 апреля такой же самолет уничтожил наводчик Зипенко. За двадцать дней боев эти воины сбили шесть вражеских самолетов и один подбили.

[155]

Большие потери заставили противника заметно увеличить потолок полетов и отказаться от прицельного бомбометания станции. К тому же в апреле небо зачастую было затянуто плотной облачностью. Но и в этих условиях пулеметчикам

лейтенанта А. И. Бондаря удалось сбить один из «юнкерсов», появившихся на какое-то мгновение в разрыве облаков.

Тогда же отличились пулеметчики, оборонявшие другой объект. Расчеты, подчиненные лейтенанту Андреенко и младшему лейтенанту Романову, сбили Ю-88 и Ме-110, проявив при этом высокое мастерство и мужество. Ведя огонь по вражеским самолетам под разрывами бомб, воины расчетов одновременно обезвредили несколько десятков зажигалок, сброшенных противником на охраняемый объект и огневую позицию.

Эти боевые эпизоды свидетельствуют о том, что к всходу первого года войны мастерство наших воинов заметно возросло. Не прошли даром месяцы напряженной боевой работы и не менее напряженной учебы. Накопился опыт, возросла уверенность в своих силах, уверенность в своем оружии, что имело огромное значение для достижения победы над сильным противником в быстротечном бою.

Велика заслуга в этом не только командиров и политработников, но и наших партийных организаций.

Мне запомнилось выступление М. И. Калинина перед агитаторами Западного фронта, частей ПВО и Московского гарнизона 22 толя 1942 года. «В ходе войны армейские партийные организации непрерывно пополняются, растут, — сказал Михаил Иванович. — И чем острее положение на фронте, чем сильнее и ожесточеннее борьба, тем больше красноармейцев и командиров вливается в ряды партии. Уже один этот факт, что наш народ — а каждый красноармеец — это сын народа, а вся красноармейская масса — это теперь самая жизнедеятельная часть населения, — уже один этот факт, что наш народ, чувствуя опасность, нависшую над страной, в самые напряженные моменты борьбы теснее сплачивается вокруг партии, пополняет ее ряды, говорит об огромном авторитете нашей партии»[17].

[156]

За первое полугодие войны в частях 1-го корпуса ПВО было принято в партию 1728 человек. Общее число коммунистов корпуса возросло в три с лишним раза[18].

Большую роль в этом сыграла наша партийная комиссия и ее бессменный председатель батальонный комиссар И. И. Коровкин. Иногда прямо на огневых позициях члены парткомиссии принимали воинов в партию. Немало сделали они и для воспитания коммунистов в духе безупречного выполнения ленинских партийных норм.

Заседание партийной комиссии 1-го корпуса ПВО. Прием в партию сержанта С. И. Черепенкина. Слева направо: В. И. Соболев, И. В. Стрелков, И. И. Коровкин, Н. И. Кокин, С. И. Черепенкин

Заседание партийной комиссии 1-го корпуса ПВО. Прием в партию сержанта С. И. Черепенкина. Слева направо: В. И. Соболев, И. В. Стрелков, И. И. Коровкин, Н. И. Кокин, С. И. Черепенкин

Огромную силу в войсках Московской ПВО представляли и комсомольские организации. Они мобилизовали молодых воинов на отличное овладение боевой техникой, на бдительное несение службы. Комсомольцы были верной опорой командиров в борьбе за постоянную и высокую боевую готовность. Особенно большую роль сыграли организации ВЛКСМ в подразделениях ВНОС.

Наша комсомольская организация, возглавляемая батальонным комиссаром И. В. Стрелковым, в 1942 — 1943 годах насчитывала более 33 тыс. человек. Она непрерывно росла, пополняясь передовыми представителями воинской молодежи.

Коммунисты и комсомольцы всегда показывали пример самоотверженного выполнения воинского долга, безукоризненного несения службы.

На одном из партийных собраний своей части выступил старший лейтенант Н. А. Семенов. Он дал слово добиваться победы в каждой встрече с врагом в воздухе. И вскоре доказал, что его слово не расходится с делом.

Весной 1942 года во время боевых вылетов Семенов четыре раза вступал в схватку с воздушным противником. И каждый раз добивался победы. За короткое время он уничтожил два Ю-88, один Хе-111 и один Ме-110.

29 сентября 1942 года летчики 28-го истребительного авиационного полка в районе Ржева провели бой с семнадцатью вражескими бомбардировщиками и истребителями и уничтожили десять из них. В этой схватке А. Я. Федоров сбил три самолета противника, Г. С. Богомолов и Е. Е. Лозовой — по два.

[157]

Алексей Яковлевич Федоров пришел в войска противовоздушной обороны Москвы в первые месяцы войны. Он был молодым, но уже обстрелянным летчиком. В воздушных боях над Днепром Федоров сбил два неприятельских самолета, а у нас успешно продолжил счет побед. Его боевой почерк постоянно совершенствовался, он стал зрелым воздушным бойцом, способным находить и уничтожать врага в любой обстановке — ночью и за облаками, на малых и больших высотах. Эти качества были характерны для подлинных асов, которых в тот период в частях становилось все больше.

Во время Великой Отечественной войны более двухсот советских летчиков применили воздушный таран. Среди них более двадцати — летчики Московской противовоздушной обороны. И мне кажется это весьма характерным. Ведь таран — самое решительное, крайнее средство, к которому прибегали авиаторы, чтобы пресечь полет вражеского самолета. Особенно остро эта необходимость возникала перед летчиками ПВО, несшими ответственность за оборону столицы нашего государства.

Вот почему во многих случаях, не имея возможности поразить противника огнем бортового оружия, истребители устремлялись на таранный удар. Летчики выполняли этот сложный и опасный тактический прием мастерски. Я уже упоминал о первом в мире ночном таране, совершенном в московском небе Героем Советского Союза младшим лейтенантом В. В. Талалихиным. Великолепно выполнили таранные удары на большой для того времени высоте — свыше 9 тыс. метров — лейтенант А. Н. Катрич и сержант К. М. Белоусов.

11 августа 1941 года лейтенант Катрич поднялся в воздух на перехват неприятельского разведчика. Стрелка альтиметра была уже за отметкой 9 тыс. метров, когда он обнаружил «Дорнье-217», шедший к Москве. Летчику удалось вывести из строя один из моторов бомбардировщика, но тот продолжал лететь. Боеприпасы кончились. Тогда Катрич приблизил свою машину к самолету врага и винтом отрубил ему часть стабилизатора. «Дорнье» рассыпался в воздухе. Лейтенант Катрич сумел посадить истребитель на своем аэродроме. Оказалось, что в уничтоженном

им самолете находился командир 165-й разведывательной группы люфтваффе.

[158]

На такой же высоте удалось таранить фашистский самолет и одному из самых молодых наших летчиков — сержанту К. М. Белоусову.

В своем первом бою 17 октября 1941 года совершил таран сержант Сергей Ачкасов, ставший впоследствии Героем Советского Союза. 13 августа 1942 года, воюя уже под Воронежем, в одном бою он сбил два Ме-109, причем одного из них — также таранным ударом.

Героический подвиг совершил командир звена 562-го истребительного авиационного полка комсомолец младший лейтенант Михаил Родионов. Он дважды в одном бою таранил самолет противника, причем на высоте всего 50 метров над землей. Это, вероятно, единственный в истории авиации случай.

3 июля 1942 года, вылетев на перехват Ю-88, шедшего к Москве, Родионов обнаружил врага на высоте 3 тыс. метров. Он немедленно устремился в атаку и вскоре заставил замолчать неприятельского стрелка.

Фашистский летчик понимал, чем грозит ему дальнейшее единоборство с истребителем. Он прибегнул к обычному в то время приему: спикировал до самой земли и повел машину на бреющем полете. Родионов повторил его маневр. Но преследование на такой высоте чрезвычайно затруднительно: маневр истребителя ограничен. Летчику приходилось следить не только за противником, но и выдерживать предельно малую высоту.

Несмотря на свою молодость, Михаил Родионов был испытанным воздушным бойцом. Он одержал уже четыре победы в воздухе, провел несколько успешных штурмовок наземных войск гитлеровцев, был награжден орденом Красного Знамени. Но и противник ему достался опытный. Расстреляв весь боекомплект, Родионов пошел на таран. Консолью крыла своего истребителя он ударил по плоскости вражеского самолета. Однако и после этого бомбардировщик продолжал держаться в воздухе. Наш летчик сделал второй заход и вновь нанес удар по машине противника. «Юнкерс» был уничтожен.

Младший лейтенант, с трудом удерживая самолет, пошел на посадку. Но площадка, куда вынужден был приземлиться Родионов, оказалась ограниченной по длине, и истребитель врезался в земляную насыпь. Летчик-герой погиб. Михаилу Александровичу Родионову посмертно присвоено звание Героя

Советского Союза.

[159]

Да, воздушный таран — это оружие смелых. Но для его осуществления недостаточно одной только смелости. Нужны огромная выдержка, мастерство, величайшая сила духа, сознание своего долга, огромная любовь к Родине.

Немецкие летчики почти никогда не шли в лобовую атаку. Если в ходе воздушного боя случалась такая ситуация, нервы у гитлеровцев не выдерживали, они отворачивали в сторону. И уж, конечно, ни один из них не отваживался на столь решительный и рискованный боевой прием, как воздушный таран. Сбитые фашистские асы неоднократно признавали, что слышали о таране, но не верили в его осуществление. Если в первые месяцы войны немецкие летчики еще вступали в бой на равных, то в дальнейшем атаковали лишь в случае численного превосходства или используя фактор внезапности. Атак «мессершмиттов» летчики ПВО могли ожидать, как правило, только со стороны солнца, из-за облаков или с большой высоты.

Воздавая должное мужеству и самоотверженности героев таранных ударов, мы в то же время настойчиво требовали от летчиков совершенствования огневой и летной подготовки, умения правильно использовать возможности бортового оружия, безукоризненной подготовки вооружения самолета к каждому вылету.

Весной 1942 года противник имел достаточно большое количество самолетов, в том числе и бомбардировщиков, на аэродромах Белоруссии, Прибалтики и в других районах, откуда в 1941 году люфтваффе совершали свои налеты на Москву. Однако активность вражеских ВВС довольно быстро снижалась. Если в марте 1942 года в зоне противовоздушной обороны Москвы появилось 660 самолетов противника, то в апреле — лишь 410, а в мае — 243. Командованию люфтваффе все больше самолетов приходилось направлять на поддержку своих наземных войск. Да и слишком уж высок был процент потерь при полетах в зоне мощной противовоздушной обороны нашей столицы.

И тем не менее мы не обольщались успехами. Постоянно поддерживали в войсках высокую боевую готовность. Ни один полет вражеского самолета в зоне Московского фронта ПВО, созданного в апреле 1942 года, не оставался незамеченным. Это требовало от воинов огромного напряжения сил. Особенно большая роль в

[160]

борьбе с воздушными разведчиками противника отводилась в этот период истребительной авиации.

Нужно сказать, что после напряженных боев 1941 года, когда истребители 6-го истребительного авиационною корпуса работали буквально на износ, у многих машин был почти полностью выработан ресурс моторов, да и сами самолеты, латаные-перелатаные, требовали замены. Были периоды, когда из 480 самолетов, состоявших на вооружении в наших частях, около одной трети машин не могли взлететь.

В особенно трудных условиях оказались летчики истребительных авиационных полков, на вооружении которых находились английские и американские самолеты, переданные нам по ленд-лизу. Союзники весьма скупо снабжали нас запасными частями и агрегатами, а качество их самолетов оставляло желать много лучшего.

Наиболее плачевное положение с материальной частью сложилось в 488 иап. Весь его самолетный парк в то время состоял из 18 машин типа «Харрикейн», и только 2 из них были исправны.

Всего в тот период мы имели около 70 истребителей иностранных марок, но лишь 20 из них могли подниматься в воздух. Да и ресурс их был на исходе. Весьма характерны и цифры боевых потерь. За второй год войны мы потеряли в боях всего 26 самолетов, из них 10 — иностранных марок (восемь «киттихауков», один «Харрикейн» и одну «аэрокобру»).

Следует сказать, что помощь по ленд-лизу, которой в какой-то степени пользовались и мы, не оказала существенного влияния на прочность противовоздушной обороны Москвы. И напрасно буржуазные историки сейчас пытаются утверждать, будто их техника спасла нашу страну.

Состояние самолетного парка 6-го истребительного авиационного корпуса явилось предметом пристального изучения и обсуждения только что созданного в ту пору Военного совета Московского фронта ПВО. И тут, как всегда, на помощь защитникам столицы пришли партийные и советские организации Москвы. Председатель Моссовета В. П. Пронин, ставший членом Военного сонета Московского фронта ПВО, мобилизовал на выполнение наших заказов предприятия столичной промышлен-

ности и этим во многом помог нам. Заказы наших авиаторов выполнялись всегда безоговорочно и быстро.

Руководящий состав Московского фронта ПВО. Слева направо: М. Г. Гиршович, В. П. Пронин, Д. А. Журавлев, Н. Ф. Гритчин, А. В. Герасимов

Руководящий состав Московского фронта ПВО. Слева направо: М. Г. Гиршович, В. П. Пронин, Д. А. Фуравлев, Н. Ф. Гритчин, А. В. Герасимов

Многое мы делали силами своего технического персонала. Сколько самоотверженности, трудолюбия, инициативы и мастерства проявляли механики, мотористы, оружейники, чтобы ввести в строй истребители, изрешеченные в воздушных боях пулями и осколками вражеских зенитных снарядов, пострадавшие при жестких посадках на грунтовые аэродромы! Они творили поистине чудеса, восстанавливая потрепанные машины. С большой благодарностью отзывались летчики о своих «технарях», обеспечивающих им безаварийную работу материальной части и в морозы, и в жару, и в дождь.

Одним из самых умелых «лекарей» авиационной техники считался старший техник-лейтенант Василий Иванович Морев. Он ведал вооружением самолетов и выполнял свои обязанности отлично. Тринадцать вражеских машин сбили летчики части оружием, подготовленным к бою Мореным. Василий Иванович первым освоил новые виды вооружения, и не только освоил, но и внес шесть ценных рационализаторских предложений, обеспечивших его лучшую эксплуатацию.

Немалые заслуги имел и другой оружейник — коммунист старший сержант Д. С. Сивоконь. Обслуживая самолеты летчиков Л. Г. Рыбкина, Н. А. Александрова, В. А. Киселева и К. П. Букварева, он помог им уничтожить в боях десятки неприятельских машин.

Тринадцать рационализаторских предложений внес авиационный ремонтник старший сержант Т. И. Пшеничников.

Одно из них — новый способ замены шпаклевки на обшивке самолета — позволило сберечь сотни рабочих часов, а главное — значительно ускорить ввод в строй боевых машин.

Самоотверженно трудились моторист красноармеец П. Ф. Евтушенко, техник-лейтенанты А. В. Василенко, А. Т. Водолажский и многие другие воины, работавшие на земле, но обеспечивавшие победы в воздушных боях.

Я уже говорил, что инженерное оборудование боевых порядков зенитчиков, прожектористов, вносовцев потребовало от нас немало сил и средств в первые месяцы войны. Но то, что мы сделали тогда, было лишь началом. Увеличение количества войск и боевой техники столич-

ной противовоздушной обороны требовало постоянного внимания к строительству и оборудованию позиций.

Особенно большие инженерные работы были проведены в течение второго года войны. За это время мы построили 6500 различных сооружений общим объемом в полмиллиона кубометров. Мы почти не обращались к государственным органам за помощью. Строительные материалы заготавливали на месте: рубили лес, добывали песок, глину, щебень. Ну, а в рабочих руках у нас недостатка не имелось. Как ни трудно было совмещать боевую работу со строительством, наши воины не жаловались: знали, что всем тяжело приходится.

За год в наших войсках было построено 9 полковых командных пунктов, 122 командных пункта для батальонов прожектористов, вносовцев, пулеметчиков. Зенитчики оборудовали 477 основных огневых позиций и 137 запасных, 878 позиций создали прожектористы и аэростатчики. В Подмосковье было сооружено 2087 жилых землянок, на 10—15 человек каждая, отрыто 30 тыс. погонных метров ходов сообщения, возведено много других инженерных сооружений.

Огромную работу пришлось проделать по маскировке позиций. Все земляные сооружения обкладывались дерном, обсаживались растительностью, закрывались маскировочными сетями. Специальная аэрофотосъемка, проведенная нами, показала, что элементы боевых порядков почти не заметны с воздуха.

В то же время было создано много объектов, обнаружение которых противником входило в наши расчеты. Это ложные зенитные батареи (их число довели до 74), прожекторные позиции, предприятия. Вражеские воздушные разведчики могли увидеть на этих объектах вспышки выстрелов, лучи прожекторов,

а в ряде мест взрывы фугасных бомб, имитируемые термитными зажигательными шашками. Словом, изобретательности для обмана противника было проявлено немало, и он нередко клевал на эту приманку. Не случайно в течение второго года войны на территории, обороняемой нашими войсками, почти не было случаев разрушения предприятий, сооружений, жилых домов от бомбовых ударов вражеской авиации.

Успехи наших войск в области инженерного оборудования связаны с именем генерал-лейтенанта А. С. Гун-

[163]

дорова — начальника инженерной службы Московского фронта ПВО. Во многом это результат его неутомимой энергии, инициативы и мастерства.

Генерал Гундоров пришел к нам из Военно-инженерной академии имени В. В. Куйбышева, которую он возглавлял. Высокообразованный специалист, человек большой культуры и обаяния, он пользовался огромным авторитетом и уважением. Новый начальник инженерной службы сразу же энергично взялся за дело.

Однажды А. С. Гундоров обратился ко мне с предложением:

— Давайте, товарищ командующий, съездим посмотрим, как оборудована в инженерном отношении одна из огневых позиций зенитчиков.

Выезжаем за город. Гундоров останавливает машину на поле, и мы идем в сторону невысоких бугров. Оказывается, там стоит батарея, но обнаружить ее не мог даже мой наметанный глаз. А затем по сигналу бойцы мгновенно откинули на брустверы окопов большие щиты, и орудия вскинули стволы в зенит.

Я как-то сам высказал А. С. Гундорову идею оборудования огневых позиций зенитных орудий ограждениями, которые могли бы защищать расчеты и технику от наземного огня. Но я не думал, что это предложение найдет столь быстрое и эффективное воплощение в жизнь. Впоследствии многие батареи были оборудованы такими щитами. Кое-где их сделали стальными, а на ряде позиций — деревянными, с земляной засыпкой.

Генерал Гундоров был известен не только как большой специалист в области фортификации, но и как крупный общественный деятель, активный участник антифашистского движения. Когда был создан Всеславянский антифашистский комитет, А. С. Гундоров стал его председателем. Эту обязанность он выполнял до конца войны, совмещая ее с деятельностью в штабе нашего фронта.

Понятно, что это было нелегко. Но генерал Гундоров никогда

не жаловался на трудности. Он постоянно находил применение своей кипучей энергии. А. С. Гундоров вел большую и очень нужную работу в комитете. Его выступления на митингах, в печати имели огромное значение, способствуя сплочению славянских народов на отпор врагу.

[164]

25-ю годовщину Октября защитники Москвы встречали в спокойной обстановке. Уже давно вражеская авиация не пыталась совершать налеты на город.

7 ноября 1942 года наш 193-й зенитный артиллерийский полк был преобразован в 72-й гвардейский. Зенитчики полка заслужили почетное звание гвардейцев. Они бессменно стояли на одном из самых ответственных участков обороны Москвы, встречая самолеты противника, шедшие с юго-запада и запада. Сорок из них было уничтожено метким огнем батарей полка.

Вручение гвардейского знамени 72-му гвардейскому зенитному артиллерийскому полку

Вручение гвардейского знамени 72-му гвардейскому зенитному артиллерийскому полку

Выступая на митинге в честь вручения полку гвардейского Знамени, я отметил большие заслуги командования части — командира полка подполковника Михаила Геронтьевича Кикнадзе, его заместителя по политической части батальонного комиссара Федора Михайловича Греся, начальника штаба майора Петра Ефимовича Фролова. Под их руководством зенитчики стойко, мужественно и умело выполняли свои боевые задачи по обороне столицы.

И. П. Шумилов

В дни ожесточенных налетов вражеской авиации на Москву умелыми организаторами боя показали себя многие командиры батарей гвардейского полка. Среди них старшие лейтенанты В. И. Каплинский, Х. С. Гургенян, Д. З. Пономаренко и другие.

Нам было особенно приятно, что высокого гвардейского звания удостоилась часть, имевшая богатые боевые традиции и славную историю. Начало летописи полка относится к первым дням Советской республики. Тогда по личному указанию В. И. Ленина рабочие Путиловского завода создали зенитный бронепоезд. Экипаж его состоял из рабочих-путиловцев. Зенитчики отлично проявили себя на фронтах гражданской войны и были удостоены Памятного знамени ВЦИК.

Впоследствии личный состав бронепоезда составил ядро вновь сформированного зенитного артиллерийского полка. 193-й полк вначале находился в составе противовоздушной обороны Баку, а потом был переведен в Москву.

Принимая гвардейское Знамя, зенитчики поклялись с честью нести высокое звание правофланговых столичной противовоздушной обороны. И они твердо держали свое слово. Гвардейцы всегда отличались высоким воинским мастерством, организованностью и дисциплиной, постоянным стремлением безукоризненно нести службу.

[165]

Осенью 1942 года взоры всех советских людей были прикованы к Сталинграду, где развернулась гигантская по

масштабам и героизму битва.

В тот период поддержка авиации была особенно необходима защитникам Сталинграда. Ставка изыскивала возможности, чтобы помочь Сталинградскому корпусному району противовоздушной обороны обеспечить прикрытие наших войск, сражавшихся в черте города.

Однажды поздно вечером мне доложили: «Вас вызывает к телефону Верховный Главнокомандующий». В трубке я услышал, как всегда, спокойный голос И. В. Сталина:

— Товарищ Журавлев, прошу вас выделить три истребительных полка для Сталинграда. Самолеты мы вам компенсируем. Беру их под свою личную ответственность, взаймы...

Нужно ли говорить, что были немедленно приняты меры для отбора лучших летчиков и исправных самолетов. К утру экипажи уже находились на аэродромах близ Сталинграда и вскоре приняли участие в ожесточенном воздушном сражении.

И. В. Сталин сдержал свое слово. Ровно через три дня мы получили с завода новейшие истребители вместо тех, что были взяты у нас «взаймы».

Этот факт убедительно свидетельствует о том, какое большое значение руководители партии и правительства придавали противовоздушной обороне столицы. Даже в дни самых напряженных боев под Сталинградом правительство не считало возможным ослабить ПВО Москвы.

В числе летчиков, направленных нами на Волгу, был и воспитанник одной из наших частей Владимир Микоян — сын Анастаса Ивановича Микояна. Несмотря на свою молодость, он успел зарекомендовать себя мужественным и умелым воином. В напряженных воздушных боях, развернувшихся в небе Сталинграда, Владимир Микоян погиб смертью героя.

В начале 1942 года нам пришлось выделить ряд частей в помощь войскам Северо-Западного фронта. В район Старой Руссы был перебазирован 161-й истребительный авиационный полк. Здесь отважно сражался и героически погиб летчик этого полка, сын выдающегося советского полководца М. В. Фрунзе — Тимур Фрунзе. Посмертно он был удостоен звания Героя Советского Союза и навечно зачислен в списки части.

[166]

В марте 1943 года 34-й истребительный авиационный полк праздновал своеобразный юбилей — на боевой счет части был занесен сотый сбитый летчиками полка вражеский самолет. На митинге, проведенном, на аэродроме, приняли резолюцию, в

которой говорилось: «Мы, летчики, авиамеханики и младшие авиаспециалисты, собравшись на митинг, посвященный сотой победе своей части над немецко-фашистской авиацией, единодушно приветствуем старшего лейтенанта В. Ф. Коробова, округлившего счет».

В. Ф. Коробов

В. Ф. Коробов

Да, героем сотой победы был Коробов — наш замечательный летчик, прославившийся во многих воздушных боях и штурмовках. Но на митинге ему присутствовать не удалось. По тревоге он поднялся в воздух на перехват вражеского разведчика. И надо же случиться такому: виновник торжества «испортил» круглый счет. Пока на земле шел митинг, Коробов сбил сто первый самолет — немецкий бомбардировщик «Хейнкель-111».

Через несколько минут пришло еще одно сообщение: летчики 34-го полка старший лейтенант Урвачев и сержант Годин взяли в огненные клещи другого фашистского разведчика и вогнали его в землю. Сто вторым самолетом оказался Ю-88.

Нужно сказать, что 34-й полк был одной из лучших наших частей. Его летчик Герой Советского Союза А. Г. Лукьянов отличился еще во время отражения первого налета вражеской авиации, открыв боевой счет полка. Здесь служили отважные и умелые воздушные бойцы капитаны В. А. Киселев, Г. С. Богомолов, старшие лейтенанты Н. Е. Тараканчиков, С. И. Платов, младший лейтенант Т. Г. Белоусов и многие другие отличные летчики. Командовал этим полком майор Л. Г. Рыбкин,

заслуживший и у старших начальников, и у подчиненных уважение за свои высокие командирские качества и отвагу. Комиссаром полка был батальонный комиссар В. П. Недрыгайлов — опытный и умелый политработник. Не часто летом 1943 года нашим зенитчикам приходилось стрелять по вражеским самолетам: не решался противник входить в зону их огня. Но уж если случалось такое, фашисты не возвращались на свои аэродромы. Так, например, произошло с «Юнкерсом-88», попавшим в район огневой позиции взвода малокалиберных орудий лейтенанта Ф. Г. Борисова.

[167]

В начале лета 1943 года этот взвод получил задачу оборонять небольшой мост на шоссе, идущем от Москвы на запад, к фронту. Противник, видимо, не предполагал, что на обороне столь небольшого объекта окажутся зенитные средства. Неприятельский летчик, рассчитывая на безнаказанность, вел самолет на бреющем полете вдоль поймы реки и стрелял по колхозникам, убиравшим сено.

Зенитчики своевременно обнаружили врага и изготовились к бою. Однако самолет шел так низко, что открыть огонь по нему мог только один орудийный расчет — младшего сержанта С. Мовсесова. Это мгновенно и сделали наводчики И. Балуков и Н. Кустов. Они послали всего шесть снарядов. Самолет клюнул носом и, не успев выпустить шасси, сел на ближнем поле. Экипаж был взят в плен воинами поста ВНОС, которым командовал ефрейтор Г. Балюшкин.

Самолет оказался модифицированным воздушным разведчиком, приспособленным для высотных полетов. Трудно сказать, что заставило летчиков заняться несвойственным им делом — штурмовкой. Но так или иначе, их полет оказался последним.

Этот короткий бой зенитчиков свидетельствовал и о высокой степени их боевой готовности, и о зрелом мастерстве. Нужно было обладать отлично натренированным глазом, твердой рукой, чтобы поразить огромную машину шестью малокалиберными снарядами.

Весной и в начале лета 1943 года гитлеровское командование готовилось к крупной наступательной операции в районе Курской дуги. После сокрушительных ударов, нанесенных Красной Армией немецким войскам, руководителям вермахта необходимы были какие-то победы, чтобы воодушевить армию и население своей страны перед большим наступлением, которому они придавали решающее значение. Видимо, именно поэтому в июне

вражеская авиация предприняла несколько массированных налетов на наши тыловые города Горький и Саратов.

Почему именно на них нацелили свой удар люфтваффе? Думается, что это решение было продиктовано такими соображениями. Горький и Саратов — крупные промышленные центры, узлы железных дорог и водных путей сообщения, имеющих стратегическое значение. Кроме того, оба города находятся в глубине страны.

[168]

В случае успеха воздушная операция сулила определенный военный и политический резонанс.

Конечно, организовать столь дальние рейды было нелегко. Гораздо ближе к линии фронта находилась Москва, да и удары по ней нанесли бы нам больший урон. Но гитлеровское командование достаточно хорошо знало мощь противовоздушной обороны советской столицы и не решалось испытать ее вновь.

Однако идея организации налета на Москву в это время настойчиво обсуждалась в немецком генеральном штабе. Еще в мае 1943 года я получил предупреждение о готовящемся массированном налете на Москву. Называлась даже примерная дата: 5—6 июня. Такие детали, как правило, устанавливаются лишь тогда, когда планируемая операция вступает в период непосредственной подготовки и когда к ее осуществлению привлекаются практические исполнители.

Помню, в первых числах июня мне пришлось разговаривать по этому поводу с И. В. Сталиным. Он интересовался готовностью противовоздушной обороны столицы к отражению возможного налета.

В то время я мог вполне обоснованно ответить, что воздушный противник получит сокрушительный отпор. Сил и средств у нас было достаточно, а мастерство личного состава, проверенное в боях 1941 и 1942 годов, отшлифованное в ежедневных напряженных тренировках, не подлежало сомнению.

Это, безусловно, учитывало и немецко-фашистское командование. От заманчивого намерения нанести удар по Москве оно отказалось, отдав предпочтение плану организации налета на тыловые, менее защищенные в противовоздушном отношении пункты.

В ночь на 5 июня несколько групп вражеских бомбардировщиков, общим числом до 45, поднявшись с брянского и орловского аэродромов, пересекли линию фронта и взяли курс на восток, стараясь держаться подальше от зоны Московской ПВО. Система ВНОС своевременно донесла о

движении самолетов противника. Части Горьковского корпусного района имели возможность заранее изготовиться к отражению налета. Однако ряд недостатков в организации обороны города и его промышленных предприятий помешали им это сделать. Противник прорвался к объектам и нанес им некоторый урон.

[169]

На следующую ночь налет повторился. В этот раз в нем участвовали уже 80 самолетов. Третий налет гитлеровцы совершили в ночь на 7 июня, направив к городу 160 бомбардировщиков. И снова летчики, зенитчики и прожектористы Горьковской противовоздушной обороны действовали недостаточно эффективно.

Сразу же после первого налета в Горький выехал командующий Войсками ПВО страны генерал-полковник М. С. Громадин. Его решительное вмешательство в деятельность войск корпусного района способствовало значительному повышению их боеспособности. При отражении последующих налетов (с 5 по 22 июня их было семь) артиллеристы-зенитчики и летчики-истребители во взаимодействии с прожектористами сумели оказать противнику серьезное противодействие.

Меня иногда спрашивают: «Почему по время налетов на Горький бездействовала противовоздушная оборона Москвы?» Факт этот, действительно, может показаться странным: мимо Москвы пролетали вражеские самолеты, чтобы бомбить один из тыловых городов, а наши мощные средства не предпринимали мер, чтобы перехватить и уничтожить их.

А дело было в следующем. Вражеские самолеты старательно обходили зону ПВО столицы, и для того, чтобы перехватить их, нужно было выделять значительные средства из наших войск, ослабляя противовоздушную оборону Москвы. Мы не могли пойти на это, опасаясь провокации со стороны противника. Ведь налет на Горький мог оказаться лишь отвлекающим маневром. Вот почему наши действия санкционировало Верховное Главнокомандование.

Однако несколько самолетов из числа летевших к Горькому нам все же удалось уничтожить. Это были те бомбардировщики, которые, потеряв ориентировку, заходили в нашу зону.

Почти одновременно, с 12 по 27 июня, немецко-фашистская авиация пыталась нанести несколько ударов по Саратову. В девяти налетах на город в общей сложности участвовало 420 бомбардировщиков. Части противовоздушной обороны Саратова действовали более организованно, чем войска Горьковского корпусного района. Воины проявили большое мужество и

стойкость, прегражда воздушному противнику путь к охраняемым

[170]

объектам. Однако и здесь в руководстве боевой деятельностью подразделений обнаружились недостатки.

Для выяснения подробностей отражения налетов на Горький и Саратов была создана правительственная комиссия во главе с А. С. Щербаковым.

Итоги проверки разбирались при участии руководителей партии и правительства. И. В. Сталин, проводивший заседание, спросил М. С. Громадина:

— Что собой представляет командир Горьковского корпусного района?

Характеристика Михаила Степановича могла решающим образом повлиять на судьбу старого, заслуженного генерала А. А. Осипова. Обычно весьма осторожный в выступлениях на столь высоком уровне, на этот раз Громадин ответил твердо:

— Товарищ Сталин, генерал-майор артиллерии Осипов — очень честный и знающий дело командир, один из старейших зенитчиков страны. Он, безусловно, допустил ошибки, однако ему можно полностью доверять...

К вопросу о наказании руководителей противовоздушной обороны Горького участники совещания больше не возвращались. Стали обсуждаться меры, которые необходимо было предпринять, чтобы обеспечить более надежное прикрытие всех наших городов от нападения с воздуха. Кто-то предложил создать Координационный комитет ПВО. Это предложение приняли.

Сразу же был утвержден и состав нового органа. Председателем его стал Маршал Советского Союза А. М. Василевский, членами — маршал артиллерии Н. Н. Воронов, маршалы авиации А. А. Новиков и А. Е. Голованов, генерал-полковник М. С. Громадин и я.

26 июня 1943 года состоялось первое и, кажется, единственное заседание Координационного комитета. Вскоре все его функции перешли к Управлению командующего Войсками ПВО страны.

В августе 1943 года со статьей, посвященной защитникам московского неба, в печати выступил писатель Илья Эренбург. Высоко оценивая боевую деятельность воинов противовоздушной обороны, он писал: «Кто охраняет Москву — штурмует Берлин, Кто сторожит московское небо — прокладывает путь к Германии. Одна у нас война. Одна будет победа».

[171]

Глава 8. Рядом со Ставкой

ГКО принимает решения. Фронт, который стоит любого другого. 1920 орудийных стволов. Полки становятся дивизиями. Трофеи подсчитаны точно.

На заключительном этапе Великой Отечественной войны мне довелось командовать Западным фронтом ПВО. В тот период в Советских Вооруженных Силах уже было несколько объединений ПВО фронтового масштаба. Соединения Западного фронта ПВО обеспечивали защиту от нападения с воздуха населенных пунктов нашей страны, освобожденных от оккупантов городов Польши, советских армий, громивших немецко-фашистские войска в Прибалтике, на севере Германии и на подступах к Берлину. Но наиболее ответственную и почетную обязанность, как я считаю, мне пришлось выполнять, возглавляя Московскую противовоздушную оборону.

Войска Московской противовоздушной обороны всегда находились на особом положении. Много внимания им уделяли руководители партии и правительства, все советские люди. За их боевой деятельностью следили прогрессивные люди мира. Все это придавало какую-то особую значимость нашему ратному труду.

В своеобразной обстановке приходилось работать руководителям столичной противовоздушной обороны. Непосредственная близость к Центральному Комитету партии и правительству, Ставке Верховного Главнокомандования, Генеральному штабу позволяла оперативно решать самые сложные вопросы. Мы ощущали и постоянный строгий контроль за своей деятельностью.

Партия и правительство приняли ряд решений, посвященных совершенствованию организации наших войск.

[172]

Вопросы, касающиеся непосредственно Московской ПВО, неоднократно обсуждались на самом высоком уровне.

2 июля 1941 года Совет Народных Комиссаров СССР принял постановление «О всеобщей обязательной подготовке населения к противовоздушной обороне». Это постановление предусматривало серьезную реорганизацию системы местной противовоздушной обороны. Через неделю, 9 июля, Государственный Комитет Обороны принял специальное решение

«О противовоздушной обороне Москвы», в соответствии с которым ПВО столицы была значительно усилена.

В ноябре 1941 года, проанализировав опыт боевой деятельности противовоздушной обороны в летне-осеннюю кампанию, Государственный Комитет Обороны принял решение реорганизовать управление Войсками ПВО страны, усовершенствовать их организацию. До того времени руководство силами и средствами противовоздушной обороны страны не было должным образом централизовано. И хотя при Наркомате обороны существовало Главное управление ПВО, оно не имело функций оперативного руководства, да и необходимых рабочих органов для этого у него не было.

9 ноября была учреждена должность командующего Войсками ПВО территории страны, который по положению являлся заместителем Народного комиссара обороны по ПВО. Нам всем было приятно, что на эту высокую должность Совет Народных Комиссаров назначил Михаила Степановича Громадина — человека самоотверженного, скромного, прекрасно знавшего свое дело, пользовавшегося в войсках большим авторитетом и уважением.

В своей большой и ответственной работе М. С. Громадин опирался на штаб и управления командующих истребительной авиацией, зенитной артиллерией и другими родами Войск ПВО. Продолжительное время начальником штаба Войск ПВО страны являлся генерал-майор Николай Никифорович Нагорный — опытный штабной работник и большой специалист в области противовоздушной обороны.

Н. Н. Нагорный

На должность командующего истребительной авиацией был выдвинут командир нашего 6-го истребительного авиационного корпуса генерал-майор авиации И. Д. Климов (его, правда, вскоре сменил генерал-майор авиации А, С. Осипенко). Руководство зенитной артиллерией было

[173]

возложено на крупного специалиста этого рода войск генерал-майора артиллерии А. Ф. Горохова. Многие ответственные должности в штабе Войск ПВО страны заняли воспитанники нашего корпуса. Они, как показала жизнь, явились активными пропагандистами боевого опыта, накопленного в войсках столичной противовоздушной обороны.

Одновременно произошла организационная перестройка ряда существовавших в первые месяцы войны зон ПВО. Они были преобразованы в корпусные, дивизионные и бригадные районы ПВО и выведены из подчинения военных округов. Приказом Наркома обороны от 24 ноября 1941 года на базе нашего соединения и частей бывшей Московской зоны ПВО был сформирован Московский корпусной район противовоздушной обороны, призванный защищать от налетов вражеской авиации не только Москву, но и ряд расположенных вокруг нее крупных населенных пунктов и объектов.

В Московский корпусной район ПВО входила территория, ограниченная городами Кашин, Клин, Звенигород, Серпухов,

Кашира, Рязань, Касимов, Юрьев-Польский. Кроме частей ПВО, стоявших непосредственно на обороне столицы, командованию Московского корпусного района были подчинены 14 отдельных зенитных артиллерийских дивизионов и несколько отдельных пулеметных подразделений. В состав корпусного района входил и 751-й зенитный артиллерийский полк, выделенный для противовоздушной обороны штаба Западного фронта.

Подчинение 1-му корпусу ПВО частей Московской зоны противовоздушной обороны почти не прибавило нам забот. И до того нам приходилось заниматься их материально-техническим обеспечением, поддерживать при отражении налетов вражеской авиации.

Реорганизация структуры управления Войсками ПВО страны фактически означала оформление их в самостоятельный вид Вооруженных Сил, достаточно мощный, способный осуществлять не только оборону отдельных, пусть и крупных, пунктов, но и проводить противовоздушные операции значительного масштаба. На этом этапе, правда, еще не был решен очень важный вопрос — о включении истребительной авиации в состав Войск ПВО страны. Соединения и части истребительной авиации, выделенные для противовоздушной обороны пунктов, по-прежнему

[174]

подчинялись начальникам ПВО лишь в оперативном отношении. Они оставались в составе Военно-Воздушных Сил.

* * *

В свое время стало известно об операции английских ВВС, которые, взорвав с воздуха дамбы на побережье Балтийского моря, затопили вражеские войска. Это заставило и нас задуматься об опасности, угрожавшей нашей столице, в случае если бы противник вздумал сбросить торпеды и подорвать плотины. Тогда-то и создали заграждения, предназначавшиеся для защиты гидросооружений.

Посты ВНОС постоянно доносили о появлении воздушных разведчиков в районе подмосковных гидросооружений. По личному указанию И. В. Сталина мы выделили немало зенитных средств на их оборону и воспрепятствовали ударам бомбардировщиков но плотинам.

Но однажды — произошло это в марте 1942 года — вражеской авиации удалось нанести бомбовый удар по одному из мостов через капал Москва — Волга. Бомбардировка оказалась малоэффективной. Мост был поврежден незначительно, и через

несколько часов его полностью восстановили. Однако нам, руководителям Московской ПВО, пришлось немало поволноваться.

Нужно сказать, что весной 1942 года немецкая авиация после зимнего затишья заметно активизировала свою деятельность. В ряде районов страны вражеским бомбардировщикам удалось добиться успеха, кое-где значительного. Одной из таких акций люфтваффе явилась и бомбардировка моста через канал Москва — Волга. Были случаи, когда подвергались бомбежке объекты, находившиеся недалеко от столицы.

Отчасти это было объяснимо. Когда противник шел к Москве, все внимание сосредоточивалось на том, чтобы не допустить его в воздушное пространство города. В такие моменты оборона второстепенных по важности объектов оставалась как бы в тени. Этим психологическим обстоятельством порой и пользовались фашистские летчики. Впрочем, без особого успеха.

Все эти факты вызвали серьезное беспокойство руководителей партии и правительства. Государственный Комитет Обороны потребовал расследовать их и принять меры для предотвращения подобных ошибок.

[175]

Была создана правительственная комиссия и для проверки нашей работы. Она детально изучала деятельность штаба, политотдела, частей. Наконец проверка закончилась. Итоги ее должны были рассматриваться на заседании Государственного Комитета Обороны 5 апреля 1942 года.

Открыв заседание, И. В. Сталин попросил А. С. Щербакова прочитать выводы. «Что-то тут сказано о нашей работе?» — с тревогой думал я, слушая докладчика. Но по мере того как А. С. Щербаков читал, успокаивался. К нам, руководителям Московской противовоздушной обороны, к нашему штабу и частям, комиссия больших претензий не имела. Зато действия людей, ответственных за оборону объектов, разрушенных вражеской авиацией в других районах страны, были подвергнуты серьезной критике.

Помнится, обсуждение выводов комиссии длилось довольно долго. А потом И. В. Сталин, подводя итоги, сказал, что в предвидении трудного для наших Вооруженных Сил лета 1942 года необходимо принять меры к усилению Войск ПВО страны, и в первую очередь к дальнейшему укреплению противовоздушной обороны столицы. Он предложил преобразовать Московский корпусной район ПВО в Московский фронт противовоздушной обороны, а также создать Ленинградскую и Бакинскую армии

ПВО.

Это предложение было для нас неожиданным. В истории Советских Вооруженных Сил еще не было фронтового объединения ПВО. Однако такая реорганизация обещала много положительного. Создание Военного совета и других органов управления фронта позволяло усилить руководство большим количеством сил и средств, выделенных для противовоздушной обороны Москвы.

— Думаю, что этот фронт будет стоить любого другого, — сказал Верховный Главнокомандующий, обосновывая свое предложение о реорганизации Московской противовоздушной обороны.

Командование фронтом по предложению И. В. Сталина было поручено мне (осенью 1941 года мне присвоили звание генерал-лейтенанта артиллерии). Членом Военного совета был назначен Николай Федорович Гритчин (он также получил новое воинское звание — бригадный комиссар), начальником штаба фронта стал полковник Михаил Григорьевич Гиршович. Тогда же председатель Моссовета

[176]

Василий Прохорович Пронин стал членом Военного совета нашего фронта. Первым заместителем командующего фронтом был утвержден генерал-майор артиллерии Антон Владимирович Герасимов (ныне генерал-полковник артиллерии).

Его кандидатуру на этот пост выдвинул И. В. Сталин. Когда речь зашла о назначениях, он спросил:

— А где у нас сейчас Герасимов?

Услышав, что Антон Владимирович командует одним из дивизионных районов ПВО, Верховный Главнокомандующий сказал:

— Вот вам и заместитель, товарищ Журавлев.

До службы в наших войсках Антон Владимирович Герасимов прошел большую жизненную школу. Ему довелось близко познакомиться с немецким фашизмом еще до Великой Отечественной войны, находясь на военно-дипломатической работе в Берлине. Человек весьма эрудированный, культурный, до педантичности аккуратный, он пользовался непререкаемым авторитетом в управлении фронта и в войсках. Антон Владимирович очень много сделал для совершенствования управления и внедрения подлинной штабной культуры.

Когда на заседании Государственного Комитета Обороны принималось решение о создании Московского фронта ПВО, И. В. Сталин спросил, сколько нам потребуется еще сил и средств,

чтобы сделать противовоздушную оборону столицы полностью непроницаемой для авиации противника. Вопрос этот был для меня несколько неожиданным.

У себя в штабе мы, конечно, не раз обсуждали возможности наших войск, скрупулезно рассматривали различные варианты вражеских воздушных налетов на Москву. Было совершенно точно подсчитано, какое количество орудий, пулеметов, прожекторов, аэростатов, постов ВНОС, локаторов необходимо иметь, чтобы сорвать любую попытку врага прорваться к Москве. Для обоснования цифр, определяющих наши потребности в технике, приводилось такое соображение: зенитных орудий должно быть столько, чтобы они могли воздействовать огнем на каждую цель достаточно длительное время и наверняка уничтожить ее. Соответствующим образом было определено необходимое количество самолетов, прожекторов и другой боевой техники. Но эти цифры были настолько велики,

[177]

что мы тогда не решались ставить перед ГКО вопрос о выделении такого количества сил и средств.

Однако, чувствуя, что члены Государственного Комитета Обороны очень серьезно озабочены обеспечением полной безопасности Москвы, я решил раскрыть наши выкладки, благо они крепко держались в памяти. Оказалось, что такие запросы никого не удивили.

Сталин предложил утвердить нашу заявку. Вскоре решение ГКО воплотилось в приказ Наркома обороны, в распоряжения Генштаба, в наряды Главного артиллерийского управления, ведавшего обеспечением войск техникой, оружием, боеприпасами. Это позволило нам приступить к формированию новых частей.

Решением ГКО было определено, что в составе Московского фронта ПВО зенитная артиллерия должна быть увеличена на пять стоорудийных полков. Три из них, вооруженные 85-мм зенитными пушками (1201, 1202 и 1203-й), предписывалось сформировать к 1 мая, а два полка (1204-й и 1205-й), вооруженные пушками малого калибра, — к 1 июня 1942 года.

На три новых полка увеличивались прожекторные части. Нам нужно было сформировать 30-й прожекторный полк к 1 мая, 31-й полк — к 1 июня и 32-й полк — к 15 июня. Каждый из них — в составе 144 прожекторных станций.

Нас обязали сформировать также два новых полка аэростатов заграждения, по 216 постов в каждом. При этом 13-й полк аэростатов заграждения должен был начать боевую службу с 1

мая, а 14-й — с 1 июня 1942 года.

К имевшемуся у нас зенитно-пулеметному полку добавлялось еще два (20-й и 21-й), вооруженных крупнокалиберными пулеметными установками.

Нетрудно понять, что оборонной промышленности пришлось крепко поработать, чтобы выполнить задание Государственного Комитета Обороны. Зато мы получили такую силу, которую не смог бы сломить никакой враг. «Вот если бы все это было у нас в 1941 году, — думалось мне, — тогда мы имели бы реальную возможность не допустить к Москве ни одного самолета противника!»

Мы понимали, что, выделяя для Московской противовоздушной обороны такое количество новых сил и средств, партия и правительство возлагают на нас еще большую ответственность за безопасность столицы.

[178]

От работников штаба и политуправления решение новой задачи потребовало больших усилий. Достаточно сказать, что только для укомплектования новых подразделений начальствующим составом необходимо было подготовить 175 командиров батарей и рот, около 2000 младших командиров. Пришлось создавать курсы, проводить учебные сборы. Политуправлению фронта (его возглавлял тогда полковой комиссар С. С. Новаев) нужно было решать вопрос о выдвижении в новые части наиболее подготовленных политработников.

При формировании новых частей мы столкнулись и с такой трудностью. В новых подразделениях комсомольские организации оказались чуть ли не малочисленнее, чем партийные. Дело в том, что в качестве пополнения к нам пришли люди старших возрастов. И это естественно: молодежь направлялась в действующую армию. Работать с таким пополнением было, конечно, сложнее: и сноровка у людей уже не та, да и уровень общеобразовательной подготовки значительно ниже, чем у молодежи. Но нужно отдать должное воинам нового пополнения. Все они были людьми мастеровыми, с богатым жизненным опытом, очень добросовестные, аккуратные.

В течение второго года войны личный состав наших войск значительно обновился и по другой причине. Как я уже говорил, в наши части влились женщины. Кроме того, по требованию Генерального штаба, санкционированному Ставкой, мы отправили на фронты 14634 рядовых и младших командира — людей молодых, прекрасно обученных. В то же время к нам пришло около 24 тыс. человек, в большинстве своем не имевших

военных специальностей.

Летом все запланированные формирования были завершены. В состав Московской ПВО входило теперь 314 батарей среднего калибра и 48 батарей малого калибра. Всего на обороне столицы и окружающих ее объектов находилось 1920 орудий разных калибров. Это позволяло вести массированный многослойный огонь не только в черте города, но и создавать сплошную огневую зону за его пределами, на удалении до 44 километров[19]. Даже на таком расстоянии от границ Москвы каждую появившуюся здесь воздушную цель могли обстреливать

[179]

одновременно несколько батарей. В частях зенитной артиллерии к тому времени имелось уже 30 станций орудийной наводки, способных направлять огонь зенитной артиллерии и ночью, и в условиях низкой облачности. Как и прежде, особое внимание уделялось прикрытию юго-западных и западных подступов к столице. Однако гитлеровцы так и не решились до конца войны снова испытать силу нашей противовоздушной обороны.

Весной 1943 года Верховному Главнокомандованию стало известно, что противник готовит крупное наступление. Гитлер стремился добиться перелома в ходе войны, как-то реабилитировать свои вооруженные силы за поражения под Москвой и Сталинградом, на Кавказе и других участках Восточного фронта.

Можно было предполагать, что немецко-фашистское командование предпримет попытки нанести бомбовые удары по Москве. И хотя к этому времени активность люфтваффе в границах Московского фронта ПВО значительно снизилась, Государственный Комитет Обороны вновь рассмотрел вопрос о состоянии противовоздушной обороны столицы.

21 мая 1943 года был издан приказ Народного комиссара обороны о преобразовании зенитно-артиллерийских, зенитно-пулеметных, аэростатных, прожекторных, вносовских полков фронта в дивизии. Одновременно дивизионы и батальоны этих полков преобразовывались в полки. Это не было простым переименованием. Создание достаточно многочисленных органов управления и тыловых учреждений, усиление политического аппарата позволило улучшить руководство боевой деятельностью, обучением, воспитанием личного состава подразделений, повысить их материально-техническое обеспечение.

По моей просьбе ГКО принял решение о реорганизации управления войсками. Дело в том, что количество частей

значительно увеличилось и руководство ими в бою усложнилось. Поэтому сочли целесообразным территорию Московского фронта ПВО разделить на секторы и во главе каждого поставить командующего. Предполагалось создать четыре боевых сектора для наземных войск ПВО и столько же — для истребительной авиации. Это решение вскоре было оформлено. Однако довести до конца важное мероприятие не удалось. Боевые секторы определили, командующих ими утвердили, а никаких рабочих орга-

[180]

нов — штабов или оперативных групп, — средств управления им не выделили. В итоге реорганизация управления не дала желаемого результата. Фактически командующие секторами, хотя на эти должности и были выдвинуты люди очень опытные, знающие дело, не могли полностью выполнить своей роли. Впрочем, в тот период, когда положение с кадрами складывалось весьма тяжелое, трудно было рассчитывать на иное решение этого вопроса.

Очень сложно у нас обстояло дело со старшими оперативными дежурными на командном пункте фронта. Ими могли быть лишь заместители командующего фронтом и начальник штаба. Такое же положение существовало и в нашей истребительной авиации. В результате людям приходилось работать но 18—20 часов в сутки.

По личному указанию И. В. Сталина положение с дежурствами на нашем КП и на командных пунктах авиаторов и зенитчиков было упорядочено. Число моих заместителей увеличилось, и каждый из них получил право нести ответственное дежурство.

Моими заместителями кроме генерал-майора артиллерии А. В. Герасимова (первый заместитель командующего фронтом и с 1943 года одновременно начальник штаба), генерал-майора артиллерии Л. Г. Лавриновича (он же командующий артиллерией) стали генерал-майоры артиллерии М. И. Удовыдченко и П. Ф. Честных. Кроме того, были учреждены должности заместителей командующего по артиллерии. Эти обязанности стали выполнять генерал-майор артиллерии А. П. Клеушев, полковники М. Г. Гиршович и Н. С. Никифоров. Одновременно на них возложили и командование секторами.

Все эти товарищи были прекрасными специалистами, имели навыки руководства боем войск противовоздушной обороны. На каждого из них я мог вполне положиться. Разделение же дежурств среди такой большой группы людей значительно облегчило

выполнение этой ответственной и, прямо скажем, нелегкой обязанности.

Командование одним из секторов истребительной авиации поручили генерал-майору авиации П. М. Стефановскому, весьма опытному авиатору, в недалеком прошлом летчику-испытателю, давшему путевку в небо многим типам истребителей.

В июне 1943 года 6-й истребительный авиационный корпус был преобразован в 1-ю воздушную истребитель-

ную армию ПВО, а его полки — в дивизии. Возникло первое в истории Войск ПВО страны объединение рода войск. Командующим армией был назначен известный авиационный командир генерал-майор авиации А. В. Борман. Впрочем, он недолго поработал у нас. Его сменил генерал-майор авиации А. И. Митенков, хорошо известный нам как опытный руководитель и организатор.

А. И. Митенков

А. И. Митенков

Одновременно с реорганизацией управления нашей истребительной авиации Государственный Комитет Обороны дал указание сформировать еще четыре истребительные авиационные

дивизии. Вскоре они были созданы, получив номера 317, 318, 319 и 320-я. Мощь и численность наших войск возросли еще больше.

Правда, не всем вновь созданным частям и соединениям довелось активно участвовать в боевых действиях. Однако известно, что агрессора сдерживают не только непосредственным вооруженным противоборством, но и возможностью применить боевые средства, находящиеся в постоянной готовности.

В июле 1943 года Государственный Комитет Обороны принял решение переименовать Московский фронт противовоздушной обороны в Особую московскую армию ПВО. Это было именно переименование, а не реорганизация, так как задачи, силы, средства, органы управления и права у нас, по существу, остались прежними. В этот период вновь произошли изменения в структуре управления Войск ПВО страны, вызванные необходимостью лучше координировать противовоздушную оборону вновь освобожденных и тыловых районов. С этой целью были созданы Западный фронт ПВО (в его состав вошла и наша Особая московская армия ПВО) и Восточный фронт ПВО.

Одновременно с этим была упразднена должность командующего Войсками противовоздушной обороны страны. Руководство ими Государственный Комитет Обороны возложил на командующего артиллерией Красной Армии. В своей деятельности он должен был опираться на Центральный штаб ПВО. Позже ГКО восстановил прежнюю структуру управления Войсками ПВО страны.

Таковы в основном организационные мероприятия, которые проводились Государственным Комитетом Обороны в интересах всемерного усиления противовоздушной обороны страны и ее столицы. Во все периоды войны, в за-

[182]

висимости от возраставших материально-технических возможностей государства, мы получали все необходимое для выполнения своей ответственной боевой задачи. Нам отводились также лучшие здания, различное оборудование, транспорт. Ведь защита столицы от посягательств воздушного противника имела огромное военно-политическое значение.

В октябре 1941 года, когда было принято решение о переезде части правительственных учреждений и дипломатического корпуса в Куйбышев, мне поручили организовать противовоздушную оборону этого города. Уезжать из Москвы в те трудные для столицы дни очень не хотелось, но это был приказ Верховного Главнокомандующего.

Для обеспечения противовоздушной обороны Куйбышева

были выделены достаточно значительные по тому времени силы и средства. Главное их ядро составляли части, откомандированные из состава наших войск.

Приняв решение о размещении зенитных, прожекторных, вносовских частей и подразделений, увязав их боевую работу с истребительной авиацией, я доложил членам правительства, находившимся в Куйбышеве, о состоянии противовоздушной обороны города. Рассказал о том, сколько слоев зенитного огня могут создать части ПВО над Куйбышевым и его окрестностями, как далеко простирается граница зоны предупреждения, где базируется истребительная авиация и где располагаются световые прожекторные поля. Руководители Советского правительства были удовлетворены.

Мне запомнились слова Анастаса Ивановича Микояна, сказанные уже после моего доклада:

— Молодцы московские зенитчики, они положили противника на обе лопатки. Я неоднократно наблюдал за их стрельбой. Очень большое впечатление оставляет.

Анастас Иванович подробно расспрашивал меня о моей военной биографии, интересовался спецификой войск противовоздушной обороны. К вечеру того же дня я вылетел в Москву.

11 октября 1941 года Ставка Верховного Главнокомандования, заботясь о поддержании противовоздушной обороны Москвы на должном уровне, издала приказ, категорически запрещавший штабу Военно-Воздушных Сил

[183]

Красной Армии и командующему ВВС Московского военного округа брать из войск ПВО столицы подразделения и материальную часть (а такие случаи были) без специального на то разрешения Народного комиссара обороны. Этот приказ распространялся и на военные советы фронтов, которым запрещалось по своему усмотрению использовать силы и средства частей противовоздушной обороны Москвы, находившихся в зоне действия их войск.

Ставка и Генеральный штаб в своих директивных документах неоднократно специально подчеркивали недопустимость произвольного использования частей и подразделений Московской противовоздушной обороны для нужд фронтов. Так, например, 26 сентября 1941 года Генштаб по поручению Ставки обязал нас перебазировать пять полков истребительной авиации в районы Ржева, Вязьмы и Кирова. В директиве указывалось, что задачей этих частей является перехват на дальних рубежах

вражеских бомбардировщиков, идущих к Москве и возвращавшихся обратно.

Поскольку аэродромы наших полков располагались в районах действия Резервного фронта, начальник Генерального штаба послал и в адрес Командующего фронтом копию этой директивы, в которой было специально оговорено, что истребительные авиационные полки остаются в распоряжении командующего ПВО Москвы.

Когда противнику удалось прорваться в район Московского моря и войска Калининского фронта вместе с подразделениями Московской противовоздушной обороны вели здесь тяжелые оборонительные бои, Генштаб специальной директивой подчеркнул, что вся система постов ВНОС Московской зоны ПВО и зенитная оборона канала Москва — Волга, городов Рыбинска и Ярославля остаются в подчинении командующего Московской зоной ПВО. Нам при этом предписывалось отдать распоряжение всем постам ВНОС о передаче данных воздушной обстановки частям Калининского фронта.

Характерно в этом отношении и решение Ставки о выделении из состава наших войск двух зенитно-артиллерийских групп для поддержки войск Западного фронта в ноябре 1941 года. Ставка пошла на такой шаг в силу исключительных обстоятельств. Но при этом оставила все выделенные подразделения в распоряжении командования

[184]

войск ПВО, подчеркнув тем самым временный характер их использования для противотанковой обороны.

Однажды в штаб одной из наших зенитно-артиллерийских групп прибыл командующий артиллерией 16-й армии генерал-майор артиллерии В. И. Казаков. Командир группы полковник Д. Ф. Гаркуша в это время находился в подразделениях. Генерал Казаков предложил его заместителю полковнику А. М. Ребриеву немедленно снять с огневых позиций три батареи и переместить их на другое направление.

Имея распоряжение не производить самостоятельно никаких изменений дислокации наших батарей, Ребриев оказался в трудном положении. Между тем командующий артиллерией настаивал.

— Вражеские танки могут прорваться в тыл всей группировки, — сказал он, — а 16-я армия не располагает никакими средствами для противодействия им.

Полковнику Ребриеву не удалось связаться по радио со штабом корпуса, чтобы согласовать возникший вопрос, и ему

пришлось самому принимать ответственное решение. С одной стороны, он действительно был связан категорическим приказом, а с другой — понимал, что обстановка обязывает предпринять срочные меры. И он отдал командирам батарей приказ сменить огневые позиции.

Позже, узнав о случившемся, мы утвердили принятое А. М. Ребриевым решение. Зенитчики очень своевременно прикрыли важное направление и предотвратили прорыв неприятельских танков к Москве в районе села Киово. На месте этого боя ныне возвышается памятник отважным зенитчикам.

Вопросы противовоздушной обороны столицы в годы войны, и особенно в первый ее период, были столь важны и актуальны, что решением их занимались непосредственно Центральный Комитет партии, правительство, Государственный Комитет Обороны. Генералу М. С. Громадину и мне приходилось постоянно выполнять различные распоряжения руководителей партии и правительства, отданные непосредственно или через начальника Генерального штаба. Чаще всего это были распоряжения И. В. Сталина. Я ежедневно информировал его о результатах боевой работы наших войск, нередко обращался с различными вопросами.

[185]

Докладывая однажды Верховному Главнокомандующему о наших предложениях по поводу размещения салютных батарей, я сослался на законы физики. Сталин слушал, как всегда, внимательно, не перебивая. А потом привычным жестом коснулся усов и, улыбнувшись, сказал:

— А физику-то вы, товарищ Журавлев, помните плохо.

Сталин терпеть не мог, если ему отвечали с показной уверенностью, но без знания дела. Обмануть его мнимой эрудицией было трудно.

Мне приходилось присутствовать на ряде совещаний в кабинете Верховного Главнокомандующего. Были они и многолюдными и узкими, с участием двух-трех человек. Каждый раз я убеждался, насколько глубоко Сталин вникал в вопросы, которые ему приходилось решать. В некоторых случаях он не торопился высказать свое мнение и окончательное решение принимал лишь после специальных консультаций. Но нередко И. В. Сталин сразу же принимал определенное решение.

В Англии во время войны были сконструированы реактивные установки для борьбы с воздушным противником — нечто среднее между пушками и реактивными минометами. Англичане сформировали батареи из установок двух калибров — 57- и 76,2-

мм. Предназначались они для борьбы с низколетящими воздушными целями.

Тогда казалось, что новое боевое средство вызовет чуть ли не революцию в развитии техники противовоздушной обороны. У всех нас перед глазами было быстрое и успешное внедрение в боевую практику реактивного оружия — «катюш» в наземных войсках.

Во время одной из встреч с Верховным Главнокомандующим я рассказал ему об английской новинке и высказал мысль, что, может, и нам следовало бы заняться разработкой зенитных реактивных установок. Сталин внимательно выслушал меня, подробно расспросил о конструкции и тактико-технических данных нового оружия. А потом, подумав, сказал:

— Нет, сейчас мы пока не можем работать над реактивными установками для ПВО.

Вскоре и сами англичане отказались от производства своего нового оружия: оно не оправдало себя. Дальность действия и точность огня реактивных зенитных установок не отвечала потребностям войск ПВО.

[186]

Одну такую установку англичане прислали нам, снабдив ее небольшим количеством снарядов. Мы организовали опытную стрельбу и убедились, что точность огня невысока.

Только после войны ракетное оружие вошло в арсенал боевых средств наших войск, в частности войск противовоздушной обороны, и стало играть решающую роль. Но это была принципиально новая техника, в корне отличавшаяся от той, которую пытались создать англичане в годы войны.

Мне постоянно приходилось встречаться, решать различные вопросы с начальником Генерального штаба Маршалом Советского Союза Б. М. Шапошниковым. С начала войны наши оперативные органы управления находились рядом. Ставка Верховного Главнокомандования и оперативные группы Генерального штаба разместились в нашем новом здании, а мы заняли находившийся невдалеке дом одного из наркоматов. Поэтому даже и не по служебным делам я виделся с маршалом Шапошниковым почти ежедневно.

Борис Михайлович был поистине рожден для штабной работы. Спокойно, без шума и нервозности он организовывал деятельность Генерального штаба.

Как-то я присутствовал на совещании в кабинете И. В. Сталина. Участники совещания активно и горячо выступали, спорили. Спокойным и немногословным был только Шапошников.

Он, казалось, не очень вникал в ход прений, углубившись в какие-то бумаги. Но когда обсуждение закончилось и Верховный Главнокомандующий подвел итоги, Б. М. Шапошников протянул ему проект приказа по только что решенному вопросу. Сталин просмотрел документ, сделал несколько поправок и подписал его.

Одной из особенностей наших войск было то, что они вели боевую работу непосредственно в городе. Рядом с нашими огневыми позициями находились предприятия и учреждения, жилые дома. Это вызывало немалые трудности, а иногда и осложнения.

Например, случилось так, что невдалеке от дачи М. И. Калинина построили ложный объект, который сразу же привлек внимание вражеской авиации. Сюда каждую ночь сыпались бомбы. Что было делать? Создание «приманки» — вещь сложная, дорогостоящая. Решили посоветоваться с Михаилом Ивановичем — оставлять ложный

[187]

объект или ликвидировать его. Калинин выслушал нас и сказал:

— Оставьте, конечно оставьте. Какие сейчас дачи? Зенитчиков расцеловать надо за то, что они нас защищают. Пусть никто не мешает им выполнять, что нужно.

Воины Московской противовоздушной обороны всегда ощущали теплое участие и помощь со стороны Михаила Ивановича Калинина. Он охотно отзывался на наши просьбы выступить перед командирами и политработниками, девушками-добровольцами, пропагандистами, комсомольскими работниками.

М. И. Калинин неизменно подчеркивал огромное значение нашего ратного труда, высокую ответственность защитников столицы перед партией и народом.

В период, когда противник прекратил налеты на Москву и воины столичной противовоздушной обороны были вынуждены бездействовать, остро переживая невозможность принять активное участие в разгроме врага, Михаил Иванович тонко уловил настроение людей. Он подбодрил их, высказав в одном из своих выступлений такую мысль: отлично выполнять изо дня в день свои будничные обязанности — это тоже героизм. Эти слова Всесоюзного старосты помогали нам поддерживать у людей сознание значимости их обязанностей.

Однажды вместе с В. П. Прониным мы пришли в кремлевский кабинет Михаила Ивановича Калинина, чтобы пригласить его на совещание воинов-отличников, которое собирались провести в

Центральном Доме Красной Армии.

М. И. Калинин встретил нас радушно, посадил пить чай. Узнав о нашей просьбе, немедленно согласился приехать. Его выступление оставило у всех присутствовавших огромное впечатление. В перерыве, когда Михаил Иванович вышел в фойе, воины окружили его и стали тепло приветствовать. Он был очень растроган этим проявлением любви и уважения к нему.

Несмотря на резкое ухудшение здоровья, М. И. Калинин, как и в годы гражданской войны, стремился встречаться с воинами, с населением прифронтовых районов. В январе 1942 года, вскоре после освобождения города Калинин, Михаил Иванович посетил его, выступил на собрании городского партийного актива, побывал в частях Калининского фронта.

[188]

Частым и желанным гостем в наших войсках был Е. М. Ярославский. Его глубокие по содержанию и яркие по форме выступления помогали защитникам Москвы яснее видеть свои задачи, лучше разбираться в международной обстановке. В наших авиационных частях служили два сына Емельяна Михайловича — смелые летчики, всегда стремившиеся в бой.

Я уже говорил о помощи, которую оказывал войскам ПВО Москвы секретарь Центрального и Московского комитетов партии Александр Сергеевич Щербаков. Он умел как-то по-отечески поддержать нас. Бывало, что и остро критиковал. 18 июня 1942 года, выступая на сессии Верховного Совета СССР, А. С. Щербаков сказал:

«Население Москвы вместе с бойцами противовоздушной обороны героически отстояло свой родной город от вражеских налетов. И вы, товарищи депутаты, видите свою столицу целой и невредимой, видите свою родную Москву по-прежнему преисполненной решимости довести войну до победного конца»[20]. Эти слова участники сессии встретили бурными аплодисментами.

Мы ощущали постоянную заботу и со стороны Государственного Комитета Обороны, руководителей различных ведомств и организаций.

Однажды во время боевой работы на нашем командном пункте был Нарком оборонной промышленности Б. Л. Ванников.

Помню, для уточнения названия какого-то населенного пункта на карте мне пришлось воспользоваться увеличительным стеклом. Достав из ящика стола небольшую, видавшую виды лупу, я стал рассматривать надпись, сетуя на то, что лупа не дает необходимого увеличения.

На следующий день мне передали какой-то сверток.

— Что это? — спросил я.

Адъютант не знал. Разорвав бумагу, я обнаружил великолепную лупу. Конечно, сразу можно было догадаться, чей это подарок, столь скромно преподнесенный.

С Борисом Львовичем Ванниковым мне приходилось встречаться не часто, но я всегда с уважением относился к нему как к человеку и как к одному из крупнейших деятелей нашей промышленности. В ходе войны Б. Л. Ван-

[189]

ников стал Наркомом боеприпасов. Он всегда очень чутко прислушивался к нашим просьбам. Войска ПВО Москвы получали боеприпасы в первую очередь.

Не знали отказа мы и в железнодорожных вагонах. Нам всегда шли навстречу, когда требовалось перевезти людей и боевую технику.

Находясь постоянно на своем командном пункте во время налетов вражеской авиации, я был в курсе всех событий, происходивших в воздухе и на земле на всем большом пространстве нашей зоны. На планшетах отражался ход воздушных боев, можно было в любой момент видеть, в каком секторе, по каким целям ведет огонь зенитная артиллерия. Однако все это было лишь отражением действительности, а не подлинной картиной боя. Мне очень хотелось побывать в части в период боевой работы, но я не мог оставить пульт управления во время налета.

Помнится, 14 ноября 1941 года вражеская авиация несколько раз предпринимала попытки прорваться к городу. Летчики и зенитчики успешно отражали атаки противника. На командный пункт то и дело поступали донесения об уничтожении неприятельских самолетов. Позвонил и командир 193-го зенитного артиллерийского полка майор М. Г. Кикнадзе:

— Сбили «Мессершмитт-109», — доложил он. — Самолет упал рядом с батареей старшего лейтенанта Гургеняна.

— Поедемте посмотрим, — сказал присутствовавший на КП Маршал Советского Союза С. М. Буденный. — Обязательно нужно съездить.

Отдав необходимые распоряжения полковнику С. И. Макееву, я поднялся наверх.

И вот мы в Баковке, городке, где располагался командный пункт 193-го полка. Майор Кикнадзе доложил, что летчик сбитого «мессершмитта» погиб, пытаясь выброситься с парашютом.

Мы осмотрели самолет. Два снаряда угодили в него прямым

попаданием: один — в мотор, другой — в фюзеляж. По «мессершмитту» вели огонь воины подразделений старшего лейтенанта Х. С. Гургеняна, лейтенантов Е. М. Данилова и В. Т. Ильюшина.

Пока мы занимались осмотром, стало смеркаться. И тут вдруг в потемневшем небе замелькали разрывы зенитных снарядов. Они все приближались. И вскоре мы

[190]

увидели группу вражеских бомбардировщиков, вокруг которых то и дело вспыхивали и гасли шапки разрывов. Бомбардировщики пытались вырваться из этого смертоносного кольца, но на флангах зоны огня барражировали наши истребители. Они ожидали, когда зенитчики «отдадут» им цели.

Я видел, как Семен Михайлович то и дело от удовольствия разглаживал свои пышные усы и притопывал ногой.

— Молодцы, буквально молодцы! — хвалил он зенитчиков.

Вот задымил и пошел со снижением к дальнему лесу один из бомбардировщиков. Видно было, что получили повреждения и другие неприятельские самолеты. И тут зенитчики прекратили огонь. Немедленно на врага устремились истребители. Нам не удалось увидеть конца этого интересного боя. Самолеты скрылись вдали, и мы только слышали, как где-то в высоте раздавался дробный перестук авиационных пулеметов.

Вечером, как и обычно, я докладывал И. В. Сталину об итогах нашей боевой работы. Услышав, что в течение дня войска Московской противовоздушной обороны сбили 42 вражеских самолета, Верховный Главнокомандующий усомнился:

— А не преувеличиваете ли вы, товарищ Журавлев?

— Нет, товарищ Сталин, — ответил я, — все точно. Можно комиссию создать и проверить.

Комиссия действительно была создала и подтвердила наши данные.

Нужно сказать, что подсчет боевых трофеев на войне — дело, безусловно, сложное и неточности возможны. Особенно трудно учесть все сбитые в воздушных боях и огнем наземных средств неприятельские самолеты. Попробуй учти, сбит самолет или нет, если он со снижением уходит на свою территорию или падает в труднодоступной местности (лес, болото), где не удается обнаружить его обломков. Но мы стремились быть точными. Я требовал от командиров частей подтверждения: справок от местных советских, общественных и военных организаций, в которых указывалось бы место и время падения сбитых в их районе вражеских самолетов.

В некоторых случаях мы не записывали трофеи на боевой счет той или иной части, если не получали достаточно убедительных доказательств.

[191]

Труднее было установить конкретно, какой батарее записать сбитый самолет. По одной и той же цели огонь обычно вели несколько подразделений. Установить, чей залп оказался поражающим, было невозможно.

Подчас мы просто записывали сбитый самолет на боевой счет лучшей батареи из участвовавших в бою. Никто против этого не возражал: раз подразделение зарекомендовало себя лучшим, значит, и доля его в достижении победы наверняка большая. Конечно, все это условно. Но установление «боевых счетов» имело весьма большое воспитательное значение.

Партия и правительство высоко оценивали боевые дела защитников столицы. За оборону Москвы 22 летчика Московской противовоздушной обороны были удостоены звания Героя Советского Союза, многие авиаторы, зенитчики, прожектористы, аэростатчики, вносовцы награждены орденами и медалями. Безусловно, признанием и их заслуг является награждение в 1967 году Московского округа противовоздушной обороны орденом Ленина. Этой награды воины ПВО столицы удостоены за боевые заслуги в период Великой Отечественной войны и за успехи в учебе в мирные дни.

[192]

Глава 9. Наш противник — 2-й воздушный флот

В небе Подмосковья — «Легион Кондор». Командование люфтваффе просчиталось. Немного истории. Почему не рвались бомбы. Противник вынужден менять тактику. Побеждают сильные духом.

Меня часто спрашивают: «Как вы думаете, почему немецко-фашистская авиация не использовала фактор внезапности и не попыталась нанести удар с воздуха по нашей столице в первый день войны? Ведь, безусловно, соображениями гуманности это не вызвано».

Чувства гуманности тут, конечно, ни при чем. Они полностью отсутствовали у фашистских заправил. Ведь Гитлер и его приспешники вели войну на уничтожение и не скрывали этого.

Истинная причина заключалась в другом. Верховное немецко-фашистское командование не решалось в первый месяц войны распылять силы авиации, пока сухопутные войска не выполнят ближайших оперативных задач.

Существовала и еще одна причина, заставившая руководителей вермахта отложить на месяц начало налетов на Москву. Полеты бомбардировщиков без сопровождения истребителей на большое расстояние в светлое время суток были очень рискованны. А в июне, как известно, ночи короткие. При полетах с дальних аэродромов бомбардировщики не успели бы затемно дойти до Москвы, выполнить свою задачу и вернуться обратно. Они неизбежно несли бы большие потери.

Следует сказать, что и в дальнейшем, в более благоприятных условиях, противник предпочитал ночные полеты. Из 122 налетов, совершенных вражескими бомбардировщиками на Москву в 1941 году, только 32 предпринимались в дневное время, да и то главным образом при плотной облачности.

[193]

Готовясь к проведению налетов на Москву, гитлеровское командование сосредоточило на аэродромах Польши, Белоруссии, Прибалтики отборные части 2-го и 8-го авиакорпусов, входивших в состав 2-го воздушного флота, самолетный парк которого насчитывал в строю свыше тысячи

машин. Там же дислоцировалась и 53-я авиационная эскадра дальних бомбардировщиков под названием «Легион Кондор». Ее летчики заслужили недобрую славу убийц мирного населения. В их послужных списках были бомбежки городов республиканской Испании, разбойничьи налеты на города и села Польши, Югославии, Греции. Многие асы из «Легиона Кондор» получили награды за бомбардировки французской территории и налеты на Лондон. Словом, это был цвет фашистской авиации. На вооружении эскадры состояли лучшие в немецких военно-воздушных силах самолеты-бомбардировщики «Хейнкель-111».

Под стать личному составу «Кондора» были и летчики 4-й бомбардировочной эскадры «Вевер», летавшие на «Юнкерсах-88». Их самолеты неоднократно появлялись над Лондоном, Ливерпулем, Бирмингемом, Бристолем и другими городами Великобритании.

Для участия в налетах на Москву на аэродром в районе Барановичей с киевского направления прибыла 55-я эскадра дальних бомбардировщиков, а в район Бобруйска — 28-я эскадра. Вместе с ними действовали также эскадра особого назначения «Гриф» и 100-я бомбардировочная группа.

Таким образом, авиационная группировка, предназначенная для ударов по нашей столице, к середине июля 1941 года насчитывала более 300 бомбардировщиков. Это составляло значительную часть 2-го воздушного флота, поддерживавшего группу немецко-фашистских армий «Центр».

Командовал 2-м воздушным флотом генерал-фельдмаршал Кессельринг — заметная фигура среди генералитета гитлеровской Германии. Альберт Кессельринг пришел в люфтваффе из артиллерии, когда фашисты, захватившие власть при покровительстве и помощи западных держав, стали восстанавливать военный потенциал Германии в нарушение Версальских соглашений. Типичный представитель прусского офицерства, Кессельринг пришелся ко двору фашистскому руководству. Он занял высокий пост в

[194]

штабе люфтваффе, а потом, после смерти генерала Вевера, стал начальником генерального штаба ВВС.

С начала войны, развязанной Гитлером против Польши, Кессельринг возглавил одно из самых мощных соединений немецкой военной авиации — 2-й воздушный флот. Это на его совести разработка и осуществление планов бомбардировки многих городов Западной Европы, в частности Роттердама. После того как гитлеровцы захватили Польшу, Бельгию, Голландию и

Францию, заслуги Кессельринга, являвшегося правой рукой Геринга, были отмечены. Ему присвоили звание генерал-фельдмаршала.

Возглавляя 2-й воздушный флот, Альберт Кессельринг активно участвовал в разработке планов налетов на Англию. Его эскадры обрушивали бомбовые удары на южную часть Британских островов. Видимо, этот опыт был учтен при определении задач воздушным флотам на советско-германском фронте. 2-му воздушному флоту, в состав которого входило более половины всех ВВС Германии, сражавшихся на Восточном фронте, поручили самую трудную миссию — поддерживать группу армий «Центр» и организовывать налеты на Москву.

Фельдмаршал Кессельринг во время войны непрерывно слал в Берлин выдуманные сообщения о разгроме Москвы его бомбардировщиками. Он не изменил привычки приукрашивать действительность и после поражения фашистской Германии. В своих воспоминаниях Кессельринг писал: «С самого начала войны (21—22 июня 1941 года) из ставших шаблонными действий немецкой авиации выделяются лишь налеты на Москву — политический и экономический центр и важнейший узел дорог России, — проводившиеся вполне успешно на протяжении нескольких месяцев... Тогда немецкая авиация могла действительно решить исход войны, если бы наступление немецкой сухопутной армии не застряло под Москвой сначала в болотах, а затем в снегах русской зимы»[21].

У Греффрата — одного из коллег Кессельринга по люфтваффе — эпопея налетов на Москву вызывает далеко не такие радужные воспоминания. «На эти удары, — пишет он, — в проведении которых не было почти никакой

[195]

необходимости, немецкое командование бесполезно израсходовало довольно значительные силы своей авиации»[22].

Еще более определенно высказывается на этот счет другой историк — Георг Фойхтер. «Как и во время воздушной битвы за Англию, — вспоминает он, — оказалось, что главное командование немецких военно-воздушных сил совершенно не умеет «стратегически» мыслить, не говоря уже о способности планировать и проводить стратегические операции. Немногочисленные воздушные налеты на Москву были настолько плохо подготовлены и проведены, что не достигли никакого практического результата. Их можно было бы оценить лишь как «пропаганду», но они не достигли и этой цели»[23].

Нам удалось установить, что летный состав немецких частей,

участвовавших в налетах на Москву, к началу нападения Германии на Советский Союз почти полностью состоял из офицеров. Многие из командиров воздушных кораблей были в звании полковника. Почти каждый член экипажа имел награды, в том числе и Железные кресты, полученные за бомбардировку мирных городов Западной Европы.

Это были фашисты образца 1941 года, опьяненные успехами, уверенные в своей силе и быстрой победе над нашей страной. Попадая в плен, они держались высокомерно, отказывались отвечать на вопросы.

Но уже через два-три месяца картина изменилась. В протоколах допросов экипажей сбитых самолетов стали появляться весьма характерные признания. Вражеские летчики показывали, что их авиация несет большие потери от огня нашей зенитной артиллерии, многие самолеты из числа возвратившихся на свои аэродромы бывают настолько повреждены осколками снарядов, что требуют серьезного ремонта и даже оказываются вовсе непригодными к дальнейшим полетам.

Нужно сказать, что верховное командование немецко-фашистских войск очень быстро убедилось в силе противовоздушной обороны Москвы. Специальная комиссия германского генерального штаба ВВС, посланная в

[196]

1941 году вслед за своими наступавшими войсками для изучения организации ПВО в нашей стране, отмечала ошибочность представления о том, что в Советском Союзе ПВО слабая.

Известно, что по Версальскому договору Германии было запрещено иметь военную авиацию. И потому до 1933 года ее военно-воздушные силы практически равнялись нулю. Но когда к власти пришли фашисты, с молчаливого согласия западных участников бывшей Антанты Гитлер бесцеремонно растоптал мирный договор. В Германии началось, восстановление военной, и в том числе авиационной промышленности, быстрыми темпами стали готовиться военные авиационные кадры.

Немецко-фашистские ВВС создавались не на голом месте. Германия не без помощи международного капитала сумела сохранить свои авиастроительные заводы и достаточно многочисленные кадры летного и технического состава. По существу, не прекращалась в стране и деятельность авиационных конструкторских бюро, которые под видом разработки проектов для гражданского воздушного флота создавали модели современных по тому времени бомбардировщиков и

истребителей.

Уже к 1939 году среднемесячный выпуск самолетов в Германии достиг внушительной цифры — 700 машин. В тот же период Франция производила 40—50 самолетов, США — до 300, а Англия — до 400.

Весьма интересны цифры, характеризующие состав самолетного парка фашистской Германии по боевому предназначению. В соответствии со своими взглядами на роль ВВС в осуществлении планов «молниеносной» войны немецкие военные специалисты считали необходимым всемерно развивать бомбардировочную авиацию. К 1938 году она составляла до 75 процентов всех военно-воздушных сил Германии, в то время как удельный вес истребителей не превышал 22 процентов. В этом проявились свойственные гитлеровской военной доктрине агрессивность, стремление вести только наступательные действия, пренебрежение к обороне.

Впрочем, в первом периоде второй мировой войны, в операциях против Польши, Бельгии, Франции, немецко-фашистскому командованию удалось использовать ВВС в соответствии со своими взглядами на их предназначение. Осуществляя внезапное вторжение на территорию про-

[197]

тивника, при тройном и даже большем превосходстве в авиации, немцы обрушивали бомбовые удары на аэродромы, железнодорожные узлы, позиции ПВО, парализуя сопротивление обороняющихся. При необходимости бомбардировщики переключались на непосредственную поддержку сухопутных войск на поле боя. В этих случаях они нуждались в помощи истребителей, и количество их вполне обеспечивало выполнение боевых задач.

Но так было, когда вермахт вел борьбу против государств, с которыми Германия имела общие сухопутные границы, против стран, не обладавших достаточно мощной противовоздушной обороной. Но уже и в этот период гитлеровцы могли понять, что стойкая противовоздушная оборона способна значительно снизить действенность усилий их бомбардировочной авиации. Пришлось пересматривать свои первоначальные концепции.

В результате оценки боевого опыта ведения воздушной войны против Англии командование германских ВВС окончательно убедилось, что без истребительного прикрытия действия бомбардировочной авиации по тыловым объектам в условиях сильного противодействия ПВО противника не могут быть достаточно эффективными. Их расчеты на то, что плотный строй

бомбардировщиков способен самостоятельно вести оборону против истребителей, не выдержали испытания боевой практикой. Поэтому уже к моменту нападения на нашу страну удельный вес бомбардировщиков в военно-воздушных силах Германии снизился до 57,8 процента. Истребители в тот период составляли 31,2 процента всех боевых самолетов, разведчики — 11 процентов.

В ходе войны немцы были вынуждены существенно изменить и конструкцию своих самолетов. Им пришлось увеличить бронезащиту бомбардировщиков, усилить их вооружение. На самолетах Ю-88 и Хе-111 появились 20-мм пушки в дополнение к пулеметам, которыми они были вооружены вначале.

Нужно сказать, что, создавая свои бомбардировщики, немецкие конструкторы в первую очередь предназначали их для авиационной поддержки сухопутных сил. И хотя они сконструировали такие типы самолетов, как Хе-177, ФВ-200 «Курьер» и другие, способные решать стратегические задачи, их серийный выпуск так и не был организован. Видимо, считалось, что для ведения «молниенос-

ной» войны против нашей страны они не потребуются, а для ударов по Англии предполагалось использовать новое оружие — ракеты Фау-1 и Фау-2.

В групповых налетах на Москву чаще всего участвовали средние бомбардировщики Хе-111, До-215, Ю-88, пикирующие бомбардировщики Ю-87 и многоцелевые самолеты Ме-110. Эти машины были созданы перед началом второй мировой войны, модернизировались в процессе производства и к моменту нападения фашистской Германии на нашу страну по своим летно-техническим данным оставались на уровне лучших бомбардировщиков западных государств. Они имели максимальные скорости от 400 до 465 километров в час, потолки полета от 8 до 11 тыс. метров и, следовательно, могли летать на пределе досягаемости прицельного огня наших зенитных орудий старых выпусков. На их вооружении находилось по одной пушке (у До-215 — две) и 4—7 пулеметов, тогда как у наших истребителей старых типов пушек на борту не было, а число пулеметов не превышало четырех. Нужно, правда, отметить, что бомбовая нагрузка перечисленных бомбардировщиков была сравнительно небольшой — от 700 до 1400 килограммов. Это соответствовало их основному боевому предназначению.

К началу налетов фашистской авиации на пашу столицу Московская противовоздушная оборона располагала в общей

сложности 585 боевыми самолетами: 245 экипажей имели истребители И-16 и И-153, 340 летчиков получили к тому времени машины новых типов — Як-1, МиГ-3, ЛаГГ-3, но далеко не все успели освоить их, особенно для полетов ночью. Тем не менее и на самолетах старых типов наши летчики настигали врага, успешно преодолевали мощную огневую защиту бомбардировщиков и уничтожали их.

Более сложной для летчиков противовоздушной обороны была борьба с истребителями противника, превосходившими наши истребители в скорости и вооружении.

В дальнейшем благодаря настойчивой работе советских конструкторов и самолетостроителей над совершенствованием боевой авиационной техники наши истребители по своим качествам превзошли самолеты противника. Однако надо учесть, что в 1941 году нам приходилось широко использовать технику довоенных образцов, которая хорошо послужила нашим летчикам во время боев в рес-

[199]

публиканской Испании, на Дальнем Востоке. К началу же Великой Отечественной войны она являла собой вчерашний день в развитии советского самолетостроения.

Но не единой техникой решается судьба каждого боя и операции в целом. Немаловажным фактором в борьбе авиации с противовоздушной обороной является тактика. Безусловно, мы были глубоко заинтересованы в изучении тактических приемов противника и очень внимательно фиксировали все особенности боевого применения немецко-фашистских ВВС при налетах не только на Москву, но и на другие пункты и объекты страны, скрупулезно анализировали полученные данные.

Следует иметь в виду, что войска противовоздушной обороны являются оборонительным видом Вооруженных Сил. По отношению к ним противник обладает тем преимуществом, что он диктует характер боевых действий: время, направление, интенсивность и силу воздушных налетов, применяемые при этом средства и тактические приемы. Войска ПВО вынуждены предугадывать цели и средства противника, быстро перестраиваться, чтобы противостоять новшествам, которые он может применить. Образно говоря, нападающая сторона пользуется преимуществом первого хода.

Однако только при слабом сопротивлении обороняющихся это преимущество приносит окончательную победу. История показала, что наша противовоздушная оборона не оставила в руках неприятеля инициативы. Даже в самые трудные для Москвы

дни люфтваффе не смогли диктовать нам своей воли, по своему желанию выбирать цели и обрушивать на них бомбовые удары. С такой противовоздушной обороной немецко-фашистские ВВС не встречались нигде в Западной Европе.

Неприятельским летчикам за все время налетов на Москву удалось сбросить на город 1445 фугасных бомб (лишь девятую долю бомбового груза, который они рассчитывали обрушить на нашу столицу; остальные бомбы были сброшены вне пределов города). Надо учесть также, что из числа бомб, упавших на Москву, 108 не разорвались. Одна из фугасок, например, упала в районе Охотного ряда и своим весом (1000 кг) повредила тоннель метро. Другая тяжелая фугасная бомба, попав в здание издательства «Московский большевик», пробила несколько этажей, но также не разорвалась. За пределами город-

[200]

ской черты наши саперы обнаружили и обезвредили 164 неразорвавшиеся фугасные бомбы. Объяснить это никак нельзя лишь обычным техническим браком.

В авиационной промышленности Германии работало немало людей, жаждавших поражения фашизма в войне и предпринимавших меры для подрыва боевой мощи гитлеровской армии.

Во время одного из налетов вражеской авиации на Москву бомба упала во двор дома, где когда-то жил и создал свой знаменитый «Толковый словарь живого великорусского языка» Владимир Иванович Даль. Бомба не взорвалась. Саперы извлекли ее и обнаружили, что вместо взрывателя в ней был чешско-русский словарь.

В течение первого полугодия войны фашистская авиация много раз пыталась протаранить нашу противовоздушную оборону. При этом ее тактика была в основном прямолинейна и подчинялась девизу: «Во что бы то ни стало прорваться к Москве». Осенью 1941 года, когда линия фронта проходила в нескольких десятках километров от нашей столицы и противник мог использовать для поддержки бомбардировщиков свои истребители с прифронтовых аэродромов, тактика силового давления, возможно, и дала бы какие-нибудь результаты, будь перед ней менее сильная оборона. Однако и благоприятные условия не принесли 2-му воздушному флоту решающих успехов. Потеряли же немцы при налетах на Москву в первом полугодии войны 952 самолета. Чувствительный урон! Если учесть к тому же, что в основном это были бомбардировщики, экипажи которых состояли из четырех-пяти человек, то потери противника следует

признать катастрофическими. Люфтваффе лишились в боях у стен Москвы цвета своих летных кадров.

Проиграв Московской противовоздушной обороне это сражение в воздухе, командование германских ВВС было вынуждено отказаться от тактики давления. Пришлось прибегнуть к методу «беспокоящих» налетов. Прекратить все попытки прорваться к Москве противник не мог: это выглядело бы как признание своего поражения и освобождало бы нас от необходимости держать на обороне Москвы большие силы и средства. Эти соображения командования немецких ВВС в основном определили действия вражеской авиации в нашей зоне после 1 января 1942 года.

[201]

В первые дни 1942 года противник предпринял четыре попытки прорваться к Москве. Но это были, прямо скажем, символические налеты. В общей сложности в них участвовало 13 самолетов. У гитлеровцев уже не было сил для решения этой задачи, так как их наземные войска, вынужденные отступать под ударами наших частей, постоянно требовали от авиаторов все возрастающей поддержки.

Последний из серии микроналетов на Москву был совершен 6 января. А потом последовал двухмесячный перерыв. Войска ПВО столицы получили длительную передышку. Но главное — могли спокойно трудиться москвичи.

В марте гитлеровцы возобновили попытки прорваться к городу. Они предприняли шесть ночных налетов. Правда, по числу участвовавших в них самолетов (105 бомбардировщиков) эти атаки вражеской авиации не шли ни в какое сравнение с теми, которые нам пришлось отражать летом и осенью 1941 года.

Потерпев фиаско в массированных налетах, немецкие летчики стали прибегать к различным хитроумным уловкам, чтобы обмануть бдительность защитников московского неба. К сожалению, иногда им удавалось добиваться некоторых успехов. Так, например, в ночь на 31 марта восемь одиночных бомбардировщиков противника, пристроившись к нашим самолетам, возвращавшимся с боевых заданий на подмосковные аэродромы, дошли до границ города, а потом пытались внезапно прорваться в его воздушное пространство. Однако их обнаружили и отогнали огнем зенитной артиллерии. Но все же одному из вражеских бомбардировщиков удалось проникнуть в пределы московского неба. Конечно, никакого существенного ущерба городу он не смог нанести, но факт оставался фактом.

Недостаток сил и боязнь вступать в прямое единоборство с

противовоздушной обороной Москвы диктовали противнику и другой тактический прием, к которому он особенно охотно прибегал весной 1942 года. Это изматывание сил ПВО.

Одиночные вражеские самолеты или мелкие группы бомбардировщиков на большой высоте подходили к зоне огня зенитной артиллерии и старались как можно дольше держать в напряжении зенитчиков, прожектористов и истребителей. Затем они уходили, а на смену им приле-

[202]

тали новые самолеты. Вначале эта тактика приносила противнику успех: мы нервничали, расходовали понапрасну большое количество боеприпасов. Но вскоре все стали спокойнее относиться к маневрам врага, не теряя, однако, бдительности.

Неприятельские бомбардировщики прибегали и к такой тактической уловке. Два эшелона самолетов летели на различных высотах. Та группа, что шла ниже, имитировала намерение прорваться к городу сквозь стену заградительного огня, а в это время бомбардировщики верхнего яруса, пользуясь тем, что шум их моторов не был слышен, пытались миновать огневой заслон.

Несколько раз мы фиксировали и такой прием: самолеты противника на большой высоте проходили линию фронта и, приблизившись к зоне огня зенитной артиллерии, выключали моторы. Они планировали на город и внезапно сбрасывали бомбы, а потом пытались на форсированном режиме снова набрать высоту и выйти из зоны огня.

Но все эти ухищрения, хотя и позволяли гитлеровцам добиваться отдельных, частных успехов, все же не дали им возможности существенно повлиять на ход боевых действий под Москвой, добиться решения своих задач.

Нужно сказать, что в целом вражеская авиация действовала шаблонно. И в этом одна из причин того, что она не сумела использовать всех преимуществ, которые немецкие летчики получили, базируясь на прифронтовых аэродромах, в непосредственной близости от Москвы. Думается, что в этом сказались не только отсутствие инициативы у командиров эскадрилий, но и серьезные просчеты высшего немецко-фашистского командования в планировании воздушных операций.

Мы всегда достаточно точно могли предугадать, как будут развиваться боевые действия вражеской авиации при том или ином налете. Уж если, например, противник избрал объектом атаки Москву, то можно было не сомневаться, что все самолеты в ходе этой операции пойдут почти одним и тем же маршрутом к

заранее избранному пункту. Ни перенацеливания групп бомбардировщиков на другие объекты в ходе боя, ни сложных маневров, ни отвлекающих ударов обычно не было.

Только в марте 1942 года мы зафиксировали некоторое подобие рассредоточенного удара. Три ночи подряд в кон-

це месяца вражеские бомбардировщики одновременно пытались нанести удары по двум аэродромам нашей истребительной авиации. Несмотря на то что в налете участвовало значительное число бомбардировщиков, успеха они не имели. Бдительность, стойкость и мастерство зенитчиков, летчиков, воинов других родов войск противовоздушной обороны сорвали все попытки неприятеля обрушить бомбовый груз на наши объекты.

Казалось бы, уже после первого неудавшегося налета руководители 2-го воздушного флота должны были пересмотреть свои планы. Но и во вторую ночь и в третью противник повторял первый вариант, хотя было ясно, что внезапности достигнуть уже не удастся.

Всего за первое полугодие 1942 года немецко-фашистская авиация предприняла 11 попыток прорваться к Москве. Все налеты были ночными, и участвовало в них в общей сложности 118 самолетов. Тринадцати из них удалось проникнуть в воздушное пространство города и сбросить 48 фугасных бомб. Это были последние удары врага по нашей столице в годы войны.

Второй воздушный флот немцев потерпел под Москвой поражение в единоборстве с фронтовой авиацией и средствами противовоздушной обороны столицы. Однако это вовсе не означало, что наш противник был слабым. Да, мы знали слабые стороны врага, но убедились и в его силе, коварстве и жестокости. В ряде случаев немецким летчикам удавалось не только проникать в воздушное пространство города, но и наносить весьма чувствительные удары.

Так, в частности, было в октябре 1941 года, когда я находился в Куйбышеве, организуя там противовоздушную оборону. В один из серых, пасмурных дней посты ВНОС донесли о появлении в зоне огня зенитной артиллерии одиночного вражеского бомбардировщика, который шел курсом на Москву. Казалось бы, раздумывать нечего — надо предотвратить его прорыв к городу. Но на командном пункте решили, что это разведчик, и не открыли стрельбу. В результате самолет прорвался к центру столицы и сбросил бомбы. Одна из них, крупного калибра, угодила в здание Московского комитета

ВКП(б) на Старой площади и разрушила часть дома. Среди работников аппарата МК имелись жертвы, к счастью немногочисленные. Как выяснилось позже, у экипажа вражеского

[204]

бомбардировщика было специальное задание — нанести удар по центру города.

Командование люфтваффе, безусловно, записало в свой актив и еще один досадный для нас эпизод.

Днем 8 июля 1942 года посты ВНОС начали доносить о появлении в зоне их наблюдения высотной цели. О типе самолета все посты докладывали одинаково: в воздухе — Ю-86, а высоту полета определяли по-разному. Одни наблюдатели называли 10 тыс. метров, другие — 9 тыс., третьи — 12 тыс. метров. Последние были ближе всего к истине. Разведчик противника оказался новейшей модификацией «юнкерса». Это был Ю-86-Р1, и высота его полета над городом, как показали замеры приборами, равнялась 12500 метрам.

Самолет, не меняя курса, дошел до Москвы, пролетел несколько раз над городом. В ярком летнем небе цель была отлично видна с земли по следу инверсии. Зенитная артиллерия открыла стрельбу, но и с самой большой установкой взрывателя снаряды рвались с недолетом. Противник, походив над городом, развернулся и ушел.

Появление Ю-86-Р1 было для нас неожиданностью. Мы не располагали тогда орудиями, способными вести огонь на такую высоту. Наши истребители тоже не могли атаковать такую высотную цель. Словом, сложилась неприятная обстановка, и нужно было искать выход из положения. Конечно, высотный самолет не представлял угрозы для города. Чтобы он смог достичь столь значительной по тому времени высоты, с него сняли вооружение и бомбы. Но самолет был предназначен для разведки, и эту роль он имел возможность выполнять достаточно эффективно.

В тот же день по указанию И. В. Сталина к нам прибыл авиаконструктор Артем Иванович Микоян. Стали думать о том, как заставить МиГ-3 — наш самый высотный истребитель — достичь максимальной высоты. Были выработаны меры по улучшению аэродинамических качеств самолета, специальные правила для летчиков, выполняющих высотные полеты. Однако все это требовало времени, а «юнкерс» на следующий день прилетел снова. Вести по нему огонь зенитчикам мы запретили, понимая бесцельность такой стрельбы. И разведчик без помех ходил над городом.

На третий день он появился, как по расписанию, в

[205]

то же время, что и накануне. И тогда на перехват врага была поднята пара специально подготовленных истребителей МиГ-3. Мы знали: их высотности не хватит, чтобы достичь фашистского разведчика, Однако дали задание летчикам набрать максимально возможную высоту, используя так называемый динамический подскок, то есть движение вверх по инерции после энергичного разгона. В момент достижения предельной точки летчики должны были открыть огонь.

Задачу своим истребителям мы поставили весьма сложную. На предельных высотах самолет держится очень неустойчиво, «проваливается», и произвести здесь какую-нибудь эволюцию может только самый опытный пилот, да и то в случае удачи. К тому же, потеряв высоту, летчики почти не имели возможности снова повторить атаку: горючего и боеприпасов у них было очень мало. Ведь пришлось максимально уменьшить вес машины. Одному из летчиков все же удалось выполнить маневр и дать очередь по вражескому разведчику. Конечно, точность огня была невысокой, но моральное воздействие на экипаж «юнкерса» эта атака произвела сильное. Разведчик немедленно развернулся и ушел. Больше он не появлялся над Москвой. Это был последний неприятельский самолет, побывавший во время войны в небе нашей столицы. С военной точки зрения полеты над Москвой высотного разведчика едва ли многое дали командованию люфтваффе. Это была всего лишь демонстрация, акция, скорее пропагандистская, чем военная.

Отказавшись от непосредственных налетов на Москву, вражеская авиация пыталась найти объекты для бомбометания в окрестностях нашей столицы. Во второй половине 1942 года и летом 1943 года противник проявлял довольно большую активность, выискивая цели, менее защищенные средствами ПВО. При этом неприятельские летчики нередко прибегали к хитроумным уловкам, чтобы обмануть нашу бдительность.

Одним из коварных приемов врага было использование для налетов на наши объекты советских самолетов, захваченных на аэродромах. Один такой самолет появился над подмосковным городом Подольском еще в октябре 1941 года. Он летел на небольшой высоте и внезапно атаковал зенитную батарею старшего лейтенанта Пинчука. Нападение было, конечно, неожиданным для зенитчи-

[206]

ков. И тем не менее они сумели мгновенно изготовиться и дать отпор врагу. В течение второго года войны посты ВНОС зафиксировали восемь случаев использования противником наших самолетов. Большей частью они ограничивались разведкой, иногда с попутным бомбометанием.

Зная маршруты полетов наших дальних бомбардировщиков, фашистские летчики ожидали их возвращения и пристраивались в хвост. Под этим прикрытием им иногда удавалось дойти до аэродромов. Но, как правило, нервы подводили гитлеровцев. Ни один из них толком не сумел воспользоваться преимуществом внезапности. А зачастую хитроумный маневр врага разгадывался нашими воинами. Так было в случае с летчиком Богдановым.

Капитан Н. Богданов возвращался с задания. Он стал уже заходить на посадку, когда ночное небо в непосредственной близости от его самолета прорезала пулеметная трасса. Стреляли с земли. Богданов немедленно дал ракету установленного цвета: мол, я — свой! Но пулеметчик продолжал вести огонь. Тут только летчик заметил, что сзади от его машины отошел фашистский самолет и круто повернул на запад.

Маневр противника сорвал наш пулеметчик ефрейтор Михаил Байков. Нужно было обладать поистине великолепной подготовкой, чтобы в ночном небе обнаружить неприятельский самолет, звук мотора которого сливался с гулом нашего бомбардировщика. Нужно было обладать крепкой рукой, быть уверенным в себе, чтобы, почти не видя силуэтов обоих самолетов, так точно пулеметной очередью отсечь «мессершмитт» от нашей машины. За высокое мастерство и мужество ефрейтор Байков был награжден медалью «За отвагу».

Тактику пристраивания к нашим бомбардировщикам использовали не только отдельные вражеские самолеты, но и целые группы. В августе 1942 года до 15 немецких самолетов, мелкими группами пристроившись в кильватер нашим дальним бомбардировщикам, дошли до подмосковных аэродромов, а некоторые даже пытались пробиться к Москве. Но это им не удалось. Воины ПВО столицы бдительно охраняли московское небо.

Глава 10. За высокую боеготовность

Школа боевого мастерства. В прицеле не враг, а конус. В борьбе за переходящее Красное знамя. К нам обращаются москвичи. 33-й таран. О чем писала «Тревога». Наши помощники. «Мирные» будни. Сбор средств в фонд обороны. Почему в первом салюте участвовало 124 орудия. Праздник Победы.

С июля 1942 года немецко-фашистское командование отказалось от попыток обрушить на Москву бомбовый груз. В то время люфтваффе уже не располагали прежними возможностями для организации налетов. К тому же в единоборстве с Московской противовоздушной обороной они потерпели поражение. Попытки прорваться к Москве не принесли врагу ни военного, ни политического выигрыша, а потери оказались большими.

Правда, летчикам-истребителям, зенитчикам, оборонявшим отдельные объекты вокруг столицы, еще приходилось отражать налеты неприятельских бомбардировщиков. Но эта боевая деятельность уже не шла ни в какое сравнение с теми напряженными схватками, которые мы вели в первый год войны. А с июля 1944 года до конца войны уже ни один вражеский самолет не входил в воздушное пространство Особой московской армии ПВО.

Л. Г. Рыбкин

Л. Г. Рыбкин

Между тем на огромном фронте от севера до юга шли бои. К ним было приковано внимание всей страны. Советские люди с огромным напряжением сил трудились, чтобы обеспечить армию всем необходимым. Каждый день газеты и радио приносили известия о стойкости и героизме наших бойцов и командиров. Война была еще в разгаре, а мы волей обстоятельств были выключены из сферы активных действий. Тысячи здоровых, сильных людей, отлично вооруженных и экипированных, накопивших боевой опыт, оказались в роли пассивных наблюдателей. Известно, что в напряженной боевой обстановке у людей

[208]

обостряется чувство ответственности, повышается бдительность, собранность и готовность к действию. Но как только человек оказывается вне сферы боя, он невольно позволяет себе расслабиться.

Перед нами возникла весьма сложная задача — в этих условиях поддерживать постоянную боевую готовность: не допускать беспечности, снижения дисциплины, высокого воинского мастерства, приобретенного бойцами и командирами в период напряженной боевой работы.

Противовоздушную оборону столицы нельзя было ослаблять

ни на один день. Таково было прямое указание партии и правительства.

Мы продолжали регулярно проводить занятия и тренировки, добивались, чтобы планы боевой подготовки пунктуально выполнялись, а все учебные полеты, стрельбы, световые задачи и другие мероприятия проводились на высоком уровне. Ход учебного процесса и состояние боевой готовности систематически контролировались.

Нужно сказать, что все эти меры встречали полную поддержку со стороны партийных и комсомольских организаций, у подавляющего большинства воинов. Если в начале войны у нас было несколько десятков летчиков-истребителей, способных вести ночной бой, то к 15 июня 1942 года их стало 199 человек, а к 1 апреля 1943 года искусством ночных полетов овладели еще 175 человек.

Периодически проводились совместные учения авиаторов и прожектористов. Действуя в обстановке, максимально приближенной к условиям реального боя, летчики, прожектористы, вносовцы, расчеты пунктов управления, радиолокационных станций и средств связи получали отличную практику, отрабатывали все вопросы взаимодействия. Слаженность в работе частей и подразделений различных родов войск становилась все более высокой.

Предметом нашей особой заботы была подготовка штабов, точнее оперативных групп командных пунктов. Для войск ПВО, призванных отражать стремительные атаки маневренного противника, быстрота и четкость в управлении боем — решающее условие успеха. И мы требовали от офицеров штабов постоянно совершенствовать свои знания и навыки. Только в течение второго года войны со штабами истребительной авиации было проведе-

[209]

но 86 тренировочных занятий. Для проверки боевой готовности эскадрильи 131 раз поднимались по тревоге, 47 раз тревоги объявлялись истребительным авиационным полкам в целом.

Столь же напряженно в этот «мирный» период жили штабы зенитных артиллерийских и пулеметных частей. С целью тренировки штабов мы провели 43 учения, обязательно обозначая «противника» полетами своих самолетов. При этом действия большинства подразделений во время тренировок контролировались посредниками. Так же учились штабы частей всех других родов войск.

В условиях затишья мы имели возможность серьезно заняться

повышением тактической, технической и общей подготовки офицерских кадров. Надо сказать, что командные кадры наших частей и подразделений прекрасно зарекомендовали себя в дни напряженных боев. Но теоретические знания кое-кто успел растерять, а некоторым их вообще не хватало. Этот пробел мы стремились восполнить.

Тренировки, учения с привлечением обозначенного воздушного «противника» — все это было очень важно для поддержания боевой готовности наших зенитчиков на должном уровне. И все же ничто не могло заменить практических стрельб. Особенно для тех, кто пришел в наши части уже после весны 1942 года и не участвовал в боевой работе. А таких воинов у нас становилось все больше. Бывалые, опытные зенитчики уходили на фронты, а вместо них прибывала молодежь и люди старших возрастов.

И вот, как это ни парадоксально, частям, находившимся в составе действующей армии, пришлось проводить учебные стрельбы по конусу, как в довоенное время. Мне довелось побывать на стрельбах некоторых подразделений, и я убедился: новички являются достойной сменой ветеранам.

Как-то вместе с Л. Г. Лавриновичем я наблюдал за учебной стрельбой батареи, которой командовал старший лейтенант В. Мазур. Огонь зенитчики вели в высоком темпе, разрывы ложились точно и кучно. В конусе насчитали десятки пробоин. Особенно слаженно действовал орудийный расчет старшего сержанта А. Елагина, награжденного еще в первые месяцы войны орденом Красного Знамени.

[210]

Но особенно порадовали нас прибористки. Девушки прекрасно освоили сложную технику прибора управления артиллерийским зенитным огнем, уверенно выполняли свои обязанности во время стрельбы. Мы решили поощрить весь состав отделения. Командиру отделения И. Лисковой было присвоено звание старшего сержанта, а всем бойцам — звание ефрейтора.

В другой раз мне довелось побывать на стрельбах зенитчиков старшего лейтенанта А. Дороднева. И они укрепили во мне уверенность, что воины времени зря не теряют. Очень слаженно батарея дала четырнадцать залпов. Казалось, стреляло одно гигантское орудие. Так проводилось большинство стрельб. Бывали, конечно, и неважные результаты. Но не они определяли уровень выучки наших зенитчиков в целом.

Учебные полеты, стрельбы по воздушным и наземным целям проводили и наши летчики. Только в период с июня 1942 по июнь 1943 года было проведено 1570 стрельб по конусу и 641 — по

наземным мишеням.

Как и у зенитчиков, лучшие результаты показывали летчики-ветераны. Блестящую точность стрельбы по конусу и щитам продемонстрировал Герой Советского Союза капитан Г. А. Григорьев. С каким-то непостижимым искусством пилотировал он самолет и выбирал самый выгодный момент для открытия огня. Это было характерно и для его воздушных боев с реальным противником.

Нужно сказать, что Григорьев обладал и незаурядными инструкторскими способностями. Летчики его эскадрильи также продемонстрировали отличную летную и воздушно-стрелковую подготовку.

Невозможно перечислить всех мероприятий, проведенных нами для поддержания высокой боевой готовности войск. К этому в тот период было приковано внимание всего личного состава. По нашей просьбе Московский комитет ВКП (б) и Московский Совет депутатов трудящихся в мае 1942 года учредили переходящее Красное знамя для награждения лучшей части, победившей в социалистическом соревновании. Ряд райкомов партии и райсоветов города также учредили знамена для награждения лучших подразделений.

Специальным приказом были определены конкретные требования к соревнующимся частям. Они предусматри-

[211]

вали отличное выполнение всех нормативов боевой работы, достижение высоких показателей боевой готовности. Соревнование позволило значительно повысить боевую выучку личного состава. Победителем его мы назвали 27-й истребительный авиационный полк, которым командовал подполковник П. К. Демидов.

Это был поистине славный боевой коллектив летчиков, техников, механиков, показавших себя способными решать самые трудные задачи. В 1941 году полк прославился не только победными воздушными боями, но и многими дерзкими штурмовками войск противника. В полку выросло 13 Героев Советского Союза. Среди них старший лейтенант В. Н. Матаков и майор Н. Д. Гулаев, удостоенный этого высокого звания дважды.

В. Н. Матаков

В. Н. Матаков

В 1942 году мы откомандировали 27-й полк на помощь защитникам Сталинграда, позже его летчики дрались на Курской дуге, участвовали в Берлинской операции. И везде авиаторы полка продолжали традиции воинов столичной противовоздушной обороны. Под руководством опытных летчиков здесь быстро мужала молодежь. Во многом этому способствовали успешная работа политаппарата, возглавлявшегося батальонным комиссаром К. Т. Стома, четкая деятельность штаба, руководимого майором П. Ф. Николайченко. Знамя 27-го истребительного авиационного полка украшали ордена Александра Невского и Богдана Хмельницкого.

При подведении итогов соревнования были отмечены успехи и многих зенитчиков, прожектористов, пулеметчиков, аэростатчиков, вносовцев. Отлично зарекомендовала себя 56-я зенитная артиллерийская дивизия. Это соединение, оборонявшее центр города, в трудные дни прекрасно справилось со своей задачей. Командовал им опытный зенитчик — полковник Ф. И. Ковалев, заместителем по политической части был подполковник П. П. Телегин — один из героев боев с наземным противником на подступах к Москве.

Большим стимулом в борьбе за высокие показатели в боевой и политической подготовке было соревнование подразделений за право носить имена прославленных героев Великой Отечественной войны. Лучшим расчетам, отделениям

присваивались имена Александра Матросова, Николая Гастелло, Виктора Талалихина и других. С гордостью воины говорили: «Мы — гастелловцы!», «Наш рас-

[212]

чет талалихинский!». А это означало, что в маленьком боевом коллективе все воины — подлинные мастера своей военной специальности, что здесь постоянно «помнят воздух», нетерпимо относятся к отступлениям от строгих правил дисциплины.

Многие особо отличившиеся молодые воины наших войск были удостоены Почетных грамот ЦК ВЛКСМ. Надо сказать, что Центральный Комитет комсомола и его секретарь Н. М. Михайлов постоянно помогали нам в работе с молодежью.

4 августа 1943 года рабочие, инженерно-технические работники и служащие Москвы обратились к воинам столичной противовоздушной обороны с письмом, в котором призывали их бдительно нести свою службу и всеми силами приближать день окончательного разгрома немецко-фашистских захватчиков.

Это письмо обсуждалось на собраниях коллективов крупнейших московских предприятий — заводов «Динамо», «Серп и молот», комбината «Трехгорная мануфактура». В его обсуждении участвовало свыше десяти тысяч человек.

Наказ тружеников московских предприятий наши воины восприняли как приказ Родины с еще большим упорством изучать боевую технику, еще бдительнее нести свою службу. Чувства и мысли защитников столицы очень хорошо выразили посланцы воинов ПВО, встретившиеся с коллективом завода «Серп и молот».

«Мы всегда помним ваш наказ, — сказала командир отделения радистов из подразделения ВНОС сержант Д. Феонова, — и стараемся бдительно охранять ваш славный труд».

Командир одной из передовых батарей старший лейтенант И. Ерохин заявил в своем выступлении: «Мы горды сознанием того, что нам доверена защита нашей великой столицы — штаба Отечественной войны. Сознание огромной ответственности за порученное дело заставляет нас быть втройне бдительными, втройне настороженными». От имени воинов ПВО он заверил тружеников завода «Серп и молот», что противовоздушная оборона Москвы так же крепка, как сталь, сваренная ими.

В начале октября 1943 года в период подготовки к празднованию 25-летия ВЛКСМ собрался комсомольский актив войск Московской противовоздушной обороны.

[213]

В его работе принял участие секретарь Центрального Комитета ВЛКСМ Н. М. Михайлов.

Комсомольцы и молодежь наших частей включились в борьбу за достойную встречу юбилея своего Союза. И нужно сказать, мы имели немало примеров отличной работы молодых воинов.

В этот «мирный» период в наших войсках был совершен 23-й воздушный таран. Его автором стал молодой летчик-комсомолец из 565-го истребительного авиационного полка младший лейтенант Геннадий Сырейщиков. Он поднялся на перехват вражеского разведчика. Встреча с «юнкерсом» состоялась на высоте семь тысяч метров. В то время наведение уже не было для локаторщиков таким сложным делом, как в первый год войны.

Противник попался опытный. Геннадий расстрелял весь бортовой боекомплект, а «юнкерс» уходил. Тогда Сырейщиков решил таранить врага. Он нанес бомбардировщику сильнейший удар. «Юнкерс» камнем полетел вниз, но и истребитель стал беспорядочно падать. Нашему летчику пришлось выброситься с парашютом. Приземлившись, Геннадий на попутной машине добрался до места падения «Ю-88». Он увидел груду обломков и трупы членов экипажа. Это было все, что осталось от неприятельского разведчика.

Еще в 1941 году, стремясь сохранить за собой господство в воздухе, командование люфтваффе бросало в бой самолеты не только новых типов, но и устаревших конструкций. А в 1943 году нам пришлось встретиться и вовсе с диковинной машиной. Вот как это произошло.

Однажды меня предупредили: в районе Гжатска ожидается высадка с самолета вражеской диверсионной группы. Было указано и точное место ее приземления.

Немедленно в этот район мы выслали взвод малокалиберных орудий. На поляне, где должен был сесть самолет, выкопали несколько ям и замаскировали их, чтобы вражеская машина не смогла взлететь. К приему «гостей» все было готово, но прошла ночь, потом другая, третья, а самолет все не появлялся. На четвертую ночь зенитчики наконец услышали гул мотора. Они затаились, готовые в любую минуту открыть огонь.

Самолет стал снижаться, но летчик, видимо, заметил что-то подозрительное, и машина взмыла вверх. Зенитчи-

ки немедленно дали по ней несколько коротких очередей. Но она на бреющем полете ушла в сторону линии фронта.

Однако вскоре наблюдатели поста ВНОС донесли, что какой-то самолет совершил вынужденную посадку невдалеке от них.

Туда немедленно была выслана группа захвата. Воины обнаружили место посадки, скорее, падения вражеской машины. Специалисты определили — это «арадо», самолет для десантных диверсионных операций. Никого из членов экипажа и пассажиров около самолета захватить не удалось. Все они были схвачены позже в лесах недалеко от Гжатска.

Нам стало известно, что эту операцию немецкое командование готовило долго и очень тщательно. Для ее выполнения был использован один из специально построенных несерийных самолетов «Арадо-332». После провала высадки гитлеровцы больше не пытались засылать в наш тыл свои «арадо».

Большой популярностью в наших войсках пользовалась многотиражная газета «Тревога». На ее страницах постоянно публиковались материалы, мобилизующие воинов на бдительное несение службы, настойчивое совершенствование боевого мастерства. В дни напряженной боевой работы газета оперативно информировала читателей о ходе событий, о подвигах наших воинов, призывала следовать примеру героев. Не меньшую роль сыграла она и в период, когда вражеская авиация прекратила налеты на Москву. Умело и изобретательно наши журналисты и военкоры рассказывали о соревновании за высокую боевую готовность частей и подразделений, своими статьями боролись против проявлений самоуспокоенности и благодушия.

Многие сотрудники «Тревоги» были удостоены правительственных наград. В их числе ответственный редактор газеты батальонный комиссар М. Т. Скобеев, политруки Н. М. Балакин, А. А. Ильин и другие.

Большой популярностью пользовалась и газета 1-й воздушной армии «За храбрость», которую редактировал старший политрук Н. Я. Бойко. С любовью и знанием дела рассказывала она об опыте передовых летчиков, инженеров, младших авиаспециалистов, умело ставила перед читателями актуальные вопросы: о борьбе за высокую боевую готовность, сбережение техники, укрепление летной дисциплины.

[215]

Оказавшись к середине 1942 года почти свободными от боевой работы, мы смогли организовать у себя ремонт боевой техники, оружия, снаряжения, обмундирования и обуви.

В конце года у нас появилась фронтовая артиллерийская ремонтная мастерская. Ее коллектив был невелик. Но там трудились люди с золотыми руками и пытливой мыслью. В мастерской имелись большие хорошо оборудованные цехи, где восстанавливались орудия, приборы, средства связи. Там же

производился сложный ремонт различной аппаратуры.

Снаряжение и обмундирование мы не только приводили в порядок, но и многое изготовляли заново. Моим деятельным помощником по вопросам тыла был полковник интендантской службы Я. С. Жемерикин, интендант фронта, руководитель сложного и большого войскового хозяйства.

Предметом постоянных забот был у нас автотранспорт. Разбросанность наших подразделений требовала непрерывных перевозок, в большинстве случаев по бездорожью. Автомашин не хватало, тем более, если учесть, что много их нам приходилось отдавать фронтам. Вот и «колдовали» наши автомобилисты над брошенными, разбитыми автомобилями, возвращая их в строй.

В организованной нами фронтовой ремонтной мастерской научились изготовлять 117 наименований деталей. Можно было только удивляться находчивости и расторопности автомобилистов, возглавляемых начальником автотракторной службы полковником К. В. Щербаковым, а позже инженер-полковником В. Л. Емельяновым, прекрасными организаторами и знатоками своего дела.

Весной 1942 года мы взялись за создание собственной продовольственной базы. Это позволило отказаться от централизованного снабжения по некоторым видам продовольствия и сэкономить значительные государственные средства. Части получили задание, не ослабляя боевой готовности, довольно значительные площади засеять зерновыми, посадить картофель и овощи. Наградой за труд был богатый урожай. Мы получили возможность снабжать продуктами не только наши столовые, но и семьи военнослужащих.

Широкий размах в тот период получила в наших частях красноармейская художественная самодеятельность.

[216]

Среди искусных зенитчиков, авиаторов, вносовцев оказалось немало певцов, танцоров и музыкантов.

Для культурного обслуживания личного состава в каждой части создавались агитмашины. Приезд их на огневую позицию, на пост ВНОС или аэродром становился для воинов подлинным праздником. Приезжали лектор, группа участников полковой самодеятельности, киноустановка, библиотека-передвижка. По установленному графику агитмашины объезжали все позиции.

Большую работу проводил и армейский ансамбль песни и пляски. Из него впоследствии на профессиональную сцену пришло немало способных исполнителей. Среди них баянисты А. Шалаев и Н. Крылов.

К нам в гости охотно приезжали ученые, писатели, художники, артисты. Я не ошибусь, если скажу, что у нас побывали все без исключения ведущие артисты Большого, Малого и Художественного государственных академических театров. Только за пять первых месяцев войны выездные бригады московских артистов дали в наших частях 148 концертов.

Большую роль в организации культурно-массовой и политико-просветительной работы в наших войсках сыграл Московский горком партии. Он создал специальную группу лекторов и докладчиков для наших частей. В нее вошли 60 ученых, профессоров и доцентов московских вузов. Активное участие в этой работе принимали члены столичной писательской организации.

В 1942—1943 годах большой размах получило движение за сбор средств в фонд обороны. Горячо поддержали этот почин и защитники неба столицы. На средства, собранные воинами Московской противовоздушной обороны, были построены самолеты для авиационного соединения «Москва».

Помимо коллективных взносов делались и индивидуальные. Летчик 126-го истребительного авиационного полка Герой Советского Союза капитан П. Н. Белясник внес 30 тыс. рублей на постройку самолета. В торжественной обстановке ему вручили «именной» истребитель. Такую же машину получил и летчик Н. Т. Самонов, на боевом счету которого было 13 вражеских самолетов. Вместе с капитаном Белясником он сражался в небе Сталинграда. По примеру старшего товарища Самонов внес свои сбережения на постройку истребителя.

Н. Т. Самонов в самолете, построенном на его средства

Н. Т. Самонов в самолете, построенном на его средства

[217]

Запомнилась мне история еще одного подаренного самолета. Его вручили односельчане нашему замечательному летчику Герою Советского Союза Ивану Николаевичу Калабушкину.

Войну Калабушкин начал на западной границе, в районе Бреста. Возглавляемое им звено в одном из первых боев одержало крупную победу: уничтожило четыре вражеских самолета, не потеряв ни одного своего. А на следующий день Калабушкин сбил еще два самолета противника.

Таким же отважным и умелым летчиком зарекомендовал себя Иван Николаевич и в наших войсках. Он продолжал увеличивать счет сбитых неприятельских самолетов.

Комиссар полка послал как-то на родину Калабушкина, в село Спудня Ивановской области, письмо, в котором рассказал о его боевых делах. Весточка порадовала односельчан, и они решили собрать деньги на постройку истребителя для Ивана Калабушкина. Весной 1942 года в торжественной обстановке делегация жителей Спудни передала своему отважному земляку самолет, построенный на их сбережения. Иван Николаевич Калабушкин с честью выполнил наказ односельчан. За время войны он сбил 15 вражеских самолетов.

Нужно сказать, что в наших истребительных авиационных полках имелось немало самолетов, построенных на средства трудящихся. Их обычно вручали лучшим летчикам. Один из таких самолетов был закреплен за Героем Советского Союза гвардии капитаном А. Н. Катричем. Между ним и саратовским колхозником Иваном Дмитриевичем Фроловым, на чьи средства был построен самолет, завязалась интересная переписка.

А. Н. Катрич

А. Н. Катрич

С письмами старого коммуниста, участника гражданской войны И. Д. Фролова и ответами ему Героя Советского Союза А. Н. Катрича газета 1-й воздушной армии ознакомила весь личный состав. Эта патриотическая переписка сыграла большую роль в воспитании наших воинов.

К лету 1943 года москвичи уже отвыкли от грохота орудий. И вдруг они снова услышали стрельбу. Но это были уже не те залпы, что раздавались в трудные дни 1941-го. Это были залпы салютов. Они вызывали радость в сердцах советских людей, всех друзей вашей Родины.

[218]

Первый салют прозвучал 5 августа 1943 года в честь освобождения Орла и Белгорода войсками Западного, Центрального, Воронежского, Брянского и Степного фронтов.

И. В. Сталин, находившийся в то время в войсках Калининского фронта, распорядился отметить освобождение Орла и Белгорода поторжественнее — лучше всего салютом из орудий. Прежде мне никогда не приходилось выполнять таких поручений. К тому же мы не имели холостых снарядов, а стрелять боевыми было опасно: осколки, падающие на город, могли поразить людей.

Мне и генералу П. А. Артемьеву предложили подумать, где взять холостые снаряды, а также решить все другие вопросы,

связанные с организацией салюта.

Пришлось поставить на ноги своих артснабженцев во главе с начальником этой службы полковником М. И. Бобцовым. Проверили все склады. Боевых снарядов было предостаточно. Но где взять холостые? Мы давно забыли, что они существуют в перечне боеприпасов для зенитных пушек. И все же кто-то вспомнил, что такие снаряды есть. В предвоенные годы в нашем Костеревском лагере имелась пушка, из которой каждый вечер давали выстрел, означавший, что наступило время сна. Оказалось, что для этой цели было запасено более тысячи снарядов. Они-то нам и пригодились.

Я тоже сделал счастливое открытие: вспомнил, что в Кремле видел дивизион горных пушек. Немедленно позвонил коменданту Кремля и выяснил, что у него есть 24 горных орудия и к ним холостые снаряды. Это была удачная «находка», в какой-то мере облегчавшая нашу задачу. Когда у нас появилась ясность, каким количеством холостых снарядов мы располагаем, взялись за подсчеты. Прикинули, что к салюту нужно привлечь около сотни зенитных орудий, иначе залпы не будут слышны в городе. Значит, на каждый залп необходимо израсходовать сто снарядов, а у нас их 1200 штук. Следовательно, можно дать двенадцать залпов. Если учесть, что вместе с нашими орудиями будут стрелять и кремлевские горные пушки, то получится салют из 124 орудий.

К вечеру меня и генерала Артемьева вызвали в Кремль. Только что вернувшийся в Москву И. В. Сталин и члены правительства заслушали наше сообщение о плане организации салюта. Он был утвержден.

[219]

Мы еще раз детально уточнили места расположения салютных точек. Группы орудий поставили на стадионах и пустырях в разных районах Москвы, чтобы раскаты залпов были слышны повсеместно. Старшими на каждой из салютных точек решили назначить ответственных работников штабов Московской зоны обороны и Особой московской армии ПВО. Помню, П. А. Артемьев выделил для этой цели даже начальника артиллерии зоны генерала Г. Н. Тихонова, моего предшественника на посту командира 1-го корпуса ПВО.

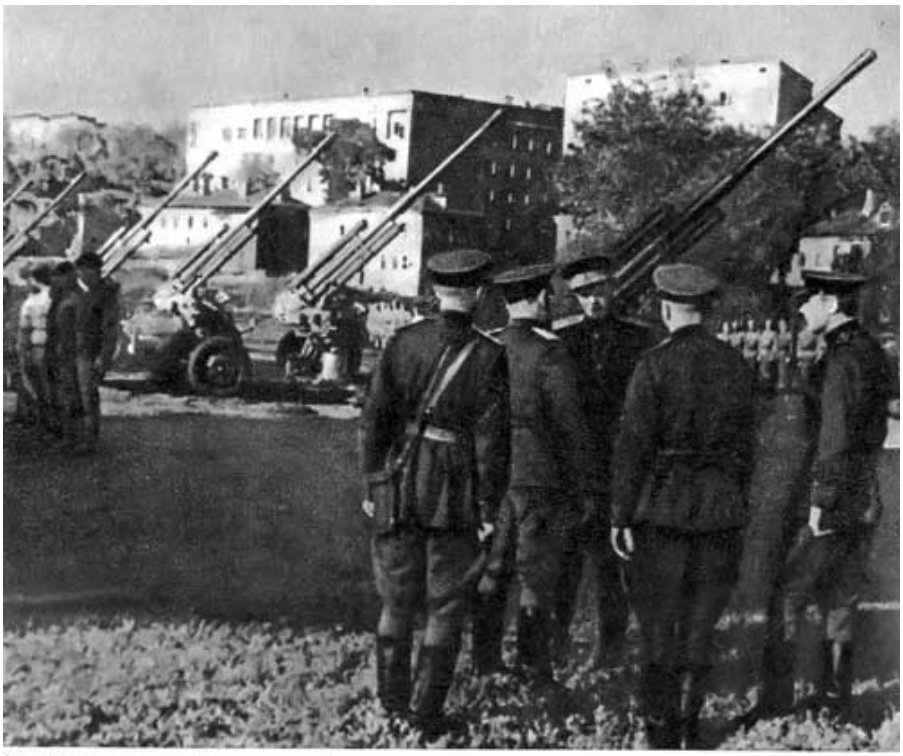
Когда все эти соображения и план размещения салютных точек вновь доложили правительству, И. В. Сталин сказал:

— В прежние времена, когда войска одерживали победы, звонили в колокола во всех церквах. Мы тоже достойно ознаменуем нашу победу. Смотрите, товарищи, — обратился он к нам, — чтобы все было в порядке...

Как только по радио закончилось чтение поздравительного приказа Верховного Главнокомандующего, над Москвой прогремел артиллерийский залп. Через 30 секунд — второй, потом третий... Последний, двенадцатый, грянул ровно через шесть минут после первого.

Эти шесть минут заставили меня поволноваться. Стоя на вышке командного пункта с секундомером в одной руке и телефонной трубкой — в другой, я подавал команду «Огонь!». Признаюсь, после каждой команды не без волнения ждал ее выполнения. Проходили секунды, и в темноте ночи в разных концах Москвы возникали багровые всполохи, слышался гул залпов. Наша наскоро созданная система управления сработала надежно. Не подкачали и орудийные расчеты, а боеприпасы сохранили свои качества за годы хранения: осечек не было.

Среди зенитчиков, принимавших участие в первом салюте, было немало героев боев с фашистской авиацией. Например, батарея старшего лейтенанта Н. Редькина.



Н. Ф. Гритчин (в центре) проверяет готовность зенитчиков к очередному салюту

Н. Ф. Гритчин (в центре) проверяет готовность зенитчиков к очередному салюту

Такова история первого за годы Великой Отечественной

войны победного салюта. А всего за время войны их прозвучало более трехсот пятидесяти. Случайно родившиеся цифры — 124 орудия, 12 залпов — в дальнейшем стали традиционными. Изменился только темп стрельбы. Во время первого салюта интервал между залпами был 30 секунд. Впоследствии по указанию И. В. Сталина его сократили до 20 секунд.

[220]

Позже при проведении салютов иногда менялось и количество участвовавших в них орудий и число залпов. Случалось, что на «салютные позиции» вывозили и по 200 и по 300 орудий, а число залпов увеличивали до 20 или 24. Эффект стали усиливать ракетным фейерверком.

Вторая половина 1943 года, 1944 год и первые месяцы 1945 года ознаменовались многими замечательными победами Советских Вооруженных Сил. Мы изгнали врага с нашей территории. Потом Советская Армия, выполняя свой интернациональный долг, освобождала Будапешт, Варшаву, Бухарест, Прагу, Вену, громила немецко-фашистские войска в Кенигсберге, Берлине и других городах Германии. Все эти победы были отмечены поздравительными приказами Верховного Главнокомандующего и салютами.

Между прочим, впервые по радио транслировался салют за Харьков. Для этого на «салютных точках» были установлены микрофоны. Раскаты залпов радио разносило по всей стране, по всему миру.

Каждый раз, как только меня вызывали в Кремль, я уже знал: сегодня опять будет объявлен поздравительный приказ. К этому привыкла и охрана Кремля. Стоило моей машине появиться у Спасских ворот, как дежурные, улыбаясь, говорили:

— Генерал Журавлев едет, значит, сегодня снова салют!

Бывало, что салюты над Москвой гремели по нескольку раз в день, и зенитчики не покидали «салютных точек», пока не завершали свою «работу».

Если в 1943 году мы еще опасались, как бы выезд нескольких десятков батарей со своих огневых позиций не ослабил противовоздушную оборону в каком-нибудь секторе, то позже беспокоиться по этому поводу почти не приходилось: линия фронта далеко отодвинулась от Москвы, а дела немецко-фашистской армии становились все хуже. Впрочем, и в тот завершающий период войны мы не допускали ослабления боевой готовности войск.

1 Мая 1944 года была учреждена медаль «За оборону Москвы». Многие солдаты, сержанты и офицеры, служившие в то

время в войсках противовоздушной обороны Москвы, и те, кто ушел от нас в действующие фронты, получили дорогую награду. Она и сейчас напоминает нам о трудных, но славных днях боев за родную столицу.

[221]

Необыкновенно радостным, неповторимым для всех советских людей было 9 мая 1945 года. В этот день прозвучал самый торжественный и эффектный салют в честь нашей Победы над фашистской Германией. Мне не довелось наблюдать его: я находился тогда в Берлине. Но по рассказам товарищей знаю, какое это было грандиозное зрелище. В тот вечер над Москвой прогремело 30 залпов из 1000 орудий. Впечатляющим был и фейерверк, сопровождавший эти залпы, и световой шатер над центром Москвы, образованный лучами 160 прожекторов.

24 июня 1945 года на Красной площади состоялся Парад Победы. Перед трибунами Мавзолея пронесли свои боевые знамена представители всех наших фронтов. И каждую колонну встречала буря оваций. Немало аплодисментов раздалось тогда и в адрес защитников московского неба, колонна которых участвовала в параде.

Мне посчастливилось присутствовать на этой торжественной церемонии, а потом — на приеме в Кремле в честь участников парада. Неизгладимое впечатление произвел в тот день и праздничный салют. Сияние фейерверков, гул залпов — все это так гармонировало с нашим приподнятым настроением, с огромной радостью от сознания того, что победоносно окончилась труднейшая из войн. Мне часто вспоминается этот день и друзья, не дожившие до победы. Очень хорошо чувства людей, прошедших войну, передал в словах песни «Салюты» поэт Лев Кропп:

Я слышу сквозь годы,
Как залпы гремят боевые.
Я вижу, как насмерть
Простые ребята встают...
Пусть небо цветет —
Это им салютует Россия,
Пусть пушки палят —
Это нашим ребятам салют!

Война принесла советским людям много горя. Кажется, не было семьи, которая не оплакивала бы своих близких, отдавших жизнь за свободу и независимость Родины. Но ни утраты, ни

огромные трудности, которые приходилось переживать нашему народу, не сломили его воли к победе.

[222]

Глава 11. Нам родная Москва дорога

Вместе с нами вся страна. Воины столичной ПВО на других фронтах. Еще одна реорганизация Войск ПВО страны. Боевой опыт защитников московского неба. Славные судьбы. Наследники боевых традиций.

К героической обороне Москвы было приковано внимание всех советских людей, многочисленных друзей за пределами нашей Родины. Осенью 1941 года, когда у стен столицы развернулась гигантская битва, вся страна с тревогой и волнением следила за сводками Совинформбюро. Очень хорошо чувства советских людей выразил ленинградский поэт Александр Прокофьев:

Вся родина встала заслоном,
Нам биться с врагом до конца,
Ведь пояс твоей обороны
Идет через наши сердца!

Столь же пристально наш народ следил и за борьбой воинов Московской противовоздушной обороны с вражескими бомбардировщиками, рвавшимися к столице. К защитникам неба Москвы со словами любви и привета обращались жители различных уголков нашей необъятной Родины. Каким теплом веяло от их многочисленных писем! Мы постоянно ощущали заботу и любовь народа.

Тесная дружба связывала наших воинов с предприятиями и учреждениями Москвы, с воинами противовоздушной обороны Ленинграда и других городов, с фронтами, где развертывались наиболее напряженные боевые действия.

В трудную осень 1941 года и после разгрома немцев под Москвой наши войска являлись арсеналом для подготовки резервов. Сколько истребительных авиационных и

зенитных частей, прожекторных и пулеметных подразделений отправили мы на фронты. Многие руководители противовоздушной обороны городов были воспитанниками наших войск.

Авиаторов, выделенных из состава столичной противовоздушной обороны, можно было встретить на Северном флоте, где действовал наш 95-й истребительный авиационный полк. Его летчики, пилотировавшие многоцелевые самолеты Пе-3, успешно выполняли боевые задачи по сопровождению кораблей и штурмовке вражеских войск. На Северо-Западный фронт мы перебросили десять истребительных авиационных полков, на Брянский — четыре истребительных авиационных полка. Под Воронежем сражался сформированный у нас 1693-й зенитный артиллерийский полк. Но особенно суровое испытание выпало на долю тех наших воинов, которые были командированы в Сталинград. Здесь с августа 1942 года сражались три истребительных авиационных полка, выделенных из состава Московской ПВО, — 27, 126 и 176-й.

Весьма характерно, что в небе Сталинграда нашим летчикам пришлось скрестить оружие с фашистскими асами из противовоздушной обороны Берлина.

Летчики Московской ПВО с честью выдержали это испытание. Особенно чувствительные удары наносили противнику воины 126-го полка, возглавляемого опытным воздушным бойцом майором В. М. Найденко. В свое время он сражался в небе Испании, позже громил японских захватчиков, вторгшихся на территорию братской Монголии. Под стать командиру были и его подчиненные — Герои Советского Союза В. Г. Каменщиков, С. Г. Ридный и другие.

После Сталинградских боев Героем Советского Союза стал лейтенант Н. Е. Глазов — воспитанник 176-го истребительного авиационного полка. В небе Сталинграда умножил свою боевую славу и другой летчик этого полка — лейтенант Г. К. Гультяев. В воздушных боях он уничтожил десять вражеских самолетов лично и пять — в группе. Один из сбитых самолетов пилотировал известный фашистский ас, имевший на своем счету 37 побед в воздушных боях, проведенных в Западной Европе, и летавший на машине, подаренной ему Герингом. Григорий Капитонович Гультяев в феврале 1943 года был удостоен звания Героя Советского Союза.

[224]

Своими умелыми и отважными действиями наши летчики оказали существенную помощь авиаторам 102-й истребительной авиационной дивизии, входившей в состав ПВО Сталинграда.

В Сталинградской битве принимали участие и наши прожектористы. Среди них были воины батальона капитана М. Д. Трибуля.

Прожектористы сразу активно включились в боевую работу. С их помощью летчики и зенитчики Сталинградской ПВО в ночных боях уничтожили немало вражеских самолетов. Свои прожекторы воины применяли и в борьбе с наземным противником. Организуя освещение неприятельских танков, участвовавших в ночных атаках, прожектористы помогали уничтожать бронированные машины. Впоследствии, участвуя в составе войск 5-го Краснознаменного корпуса ПВО в Берлинской операции, прожектористы использовали свой опыт освещения наземного противника.

Ведя тяжелую борьбу с вражеской авиацией, воины Сталинградского корпусного района ПВО с помощью представителей других соединений Войск противовоздушной обороны страны и фронтовых ВВС нанесли люфтваффе огромный урон. За успешные боевые действия Сталинградский корпусной район ПВО, которым командовал воспитанник наших войск полковник Е. А. Райнин, был награжден орденом Красного Знамени.

Е. А. Райнин

Е. А. Райнин

В войсках столичной противовоздушной обороны выросли и многие другие способные руководители соединений и частей ПВО страны. Так, командиром 105-й истребительной авиационной дивизии, осуществлявшей противовоздушную оборону Ростова, стал полковник Л. Г. Рыбкин, бывший командир нашего 34-го

полка. Руководимая им дивизия отлично зарекомендовала себя, участвуя в гигантской битве в небе Кубани.

Опытным авиационным командиром стал Герой Советского Союза Евгений Михайлович Горбатюк. Начав войну в наших войсках командиром эскадрильи, он одержал 19 побед в воздушных боях, провел 50 штурмовок. К 1944 году Е. М. Горбатюк возглавил полк, успешно действовавший на Северо-Западном фронте, а позже в Прибалтике. В этом полку сражался прославленный летчик Герой Советского Союза Алексей Петрович Маресьев. В послевоенные годы Е. М. Горбатюк получил звание ге-

[225]

нерал-полковника авиации, стал одним из крупных авиационных военачальников.

Воины Московской противовоздушной обороны участвовали и в одном из гигантских сражений Великой Отечественной войны — битве на Курской дуге. Стремясь сорвать снабжение советских войск, гитлеровцы предприняли массированные налеты на ряд железнодорожных узлов. Особенно настойчиво авиация противника пыталась вывести из строя Курский железнодорожный узел. Здесь 2 июня 1943 года был произведен один из самых больших налетов, которые немецкие ВВС совершали на Восточном фронте. Фашисты бросили сюда 543 самолета.

Б. Г. Басин

В воздушном сражении над Курском успешно взаимодействовали истребители войсковой противовоздушной обороны и Войск ПВО страны. В ходе этих боев противник потерял 162 самолета, но своей цели не достиг. Работа Курского железнодорожного узла практически не прекращалась. Войска Центрального и Воронежского фронтов бесперебойно получали все необходимое.

В воздушных боях в районе Курской дуги продемонстрировали высокое мужество и мастерство многие наши летчики, в том числе воспитанник 28-го истребительного авиационного полка Московской ПВО Герой Советского Союза И. М. Холодов. После войны он стал генералом.

В битве над Курской дугой участвовали летчики 233, 171 и 176-го истребительных авиационных полков — посланцы столичной противовоздушной обороны. Во главе 233-го полка стоял майор В. В. Кравцов. Под его руководством летчики части достойно выполняли свою задачу. Сражаясь в эпицентре боевых действий, над Понырями, с 27 мая по 14 августа 1943 года они совершили 694 боевых вылета и уничтожили 79 вражеских самолетов.

Воины 176-го истребительного авиационного полка в воздушном сражении в районе Курской дуги увеличили свой боевой счет на 30 фашистских самолетов.

Летчики, зенитчики, прожектористы из состава Московской противовоздушной обороны громили врага в Прибалтике, участвовали в штурме Кенигсберга, дрались на территории Польши и Германии.

Мы постоянно следили за боевой деятельностью своих питомцев на других фронтах, переписывались с ними, их

[226]

подвиги рассматривали как продолжение героических традиций наших войск.

К концу 1944 года война откатилась далеко на запад. Москве уже не могли угрожать массированные налеты немецкой авиации. Вместе с тем возникла необходимость усилить противовоздушную оборону наших войск, громивших врага за пределами Советской страны, а также организовать надежную защиту городов, коммуникаций, важнейших предприятий на освобожденной от противника советской земле и на территории Польши, Венгрии, Румынии.

К тому времени отечественная промышленность во всевозрастающих размерах обеспечивала войска ПВО первоклассной боевой техникой и боеприпасами, а сокращение вдвое линии фронта позволило высвободить значительное количество сил и средств противовоздушной обороны и выдвинуть их на запад. Чтобы усовершенствовать организацию управления войсками ПВО, приблизить органы оперативного руководства к действующей армии, в декабре 1944 года было принято решение о реорганизации фронтовых объединений Войск ПВО страны. Действовавшие в то время Северный и Южный фронты противовоздушной обороны были преобразованы в Западный и Юго-Западный фронты ПВО. Для защиты пунктов и объектов глубокого тыла страны был создан Центральный фронт противовоздушной обороны, в состав которого вошла Особая московская армия ПВО, Ленинградская армия ПВО и ряд других соединений. Первоначально командование Западным фронтом ПВО предполагалось поручить генерал-полковнику М. С. Громадину, а Центральным фронтом ПВО — мне. Командующим Юго-Западным фронтом ПВО назначили генерал-полковника артиллерии Г. С. Зашихина.

Позднее произошли некоторые изменения. По состоянию здоровья М. С. Громадин был оставлен в Москве во главе Центрального фронта ПВО, а я получил назначение на Западный фронт.

Новые сложные обязанности, непривычная обстановка, хлопоты по сколачиванию органов управления фронта,

знакомство с людьми — все это потребовало немало сил и времени. Но работали мы с необыкновенным подъемом. Радостно было сознавать, что недалека желанная победа, что остались позади дни тяжелых испытаний.

[227]

Нам уже не приходилось строго экономить боеприпасы, ломать голову над изысканием боевой техники для самых насущных нужд войск, как это делалось в начале войны. Отечественная промышленность теперь могла удовлетворить даже самые большие заявки.

Западный фронт ПВО, взаимодействовавший с Прибалтийскими и Белорусскими фронтами, участвовал во всех крупных операциях заключительного этапа войны. Безусловно, в его действиях было много интересного и поучительного, но это уже предмет для разговора в другой книге.

Мысленно возвращаясь сейчас к прошлому, я неизменно прихожу к выводу, что противовоздушная оборона Москвы всегда являлась как бы эталоном для организации защиты территории нашей Родины от нападения вражеской авиации. В период войны ПВО Москвы была не только самой мощной по количеству сил и средств во всей стране, да и среди столиц воевавших государств, но и наиболее совершенной по своему организационному построению.

Чтобы нагляднее представить это, сопоставим обеспеченность Лондона, Берлина и Москвы средствами ПВО.

Территория Большого Лондона равна 1,8 тыс. квадратных километров. К началу налетов немецко-фашистской авиации на обороне этого города находилось всего лишь 92 зенитных орудия.

Противовоздушная оборона Берлина в 1944 году, в период самых интенсивных налетов на него англо-американской авиации, располагала 250 зенитными орудиями разных калибров. Таким количеством огневых средств приходилось прикрывать город, раскинувшийся на территории 890 квадратных километров.

Объекты Москвы и ее жилой массив, занимавшие площадь 330 квадратных километров, в июле 1941 года оборонялись 1044 зенитными орудиями среднего и малого калибра. В дальнейшем, как известно, количество зенитных средств Московской ПВО значительно возросло.

Иначе говоря, противовоздушная оборона Лондона на один квадратный километр обеспечиваемой площади в разное время имела от 0,5 до 0,8 орудия, Берлина — от 0,4 до 0,6 орудия, Москвы — от 3,1 до 5,8 орудия.

Но менее характерны данные, показывающие обеспеченность противовоздушной обороны трех столиц истре-

[228]

бительной авиацией. Район Лондона и всю юго-восточную Англию от налетов немецкой авиации обороняла 11-я истребительная авиагруппа. В ее составе насчитывалось 336 самолетов, причем четвертая часть из них — устаревших типов.

Истребительную авиацию ПВО Берлина в самые трудные для города дни представляла 1-я истребительная дивизия, в составе которой было около 60 боеспособных самолетов.

Оборону Москвы обеспечивал 6-й истребительный авиационный корпус. К моменту первых налетов немецко-фашистской авиации 6-й корпус имел около 600 истребителей.

Не буду приводить данных о количестве зенитных пулеметов, зенитных прожекторов, аэростатов заграждения в составе противовоздушной обороны Лондона, Берлина и Москвы. Соотношение этих средств было примерно таким же, как в зенитной артиллерии и истребительной авиации. Словом, все свидетельствует о том, что советская столица располагала самой мощной и боеспособной противовоздушной обороной.

О высокой эффективности и мощи противовоздушной обороны Москвы свидетельствуют и потери вражеской авиации. После налетов на нашу столицу люфтваффе недосчитались в общей сложности 1392 самолетов.

В войсках столичной противовоздушной обороны возникли, были проверены боевой практикой и получили развитие многие оперативные и тактические приемы борьбы против сильного воздушного противника. Опыт, накопленный войсками ПВО Москвы, обогатил советское военное искусство. В наших частях были разработаны и практически освоены маневренные действия зенитной артиллерии, способы поиска и перехвата воздушных целей ночью и борьбы с самолетами-разведчиками, взаимодействия истребительной авиации с зенитной артиллерией и прожекторами, всестороннее развитие получила тактика группового боя истребителей.

При отражении массированных налетов немецко-фашистской авиации на Москву и важнейшие объекты, расположенные в ее окрестностях, впервые в ходе войны развертывались взаимосвязанные, объединенные общим замыслом бои и сражения. С короткими перерывами они продолжались по нескольку дней и даже недель. Для

[229]

этих боев были характерны большой пространственный размах, участие крупных сил авиации с обеих сторон. В Московском оборонительном сражении 1941 года воздушным операциям гитлеровцев были противопоставлены операции войск противовоздушной обороны столицы, проводившиеся совместно с ВВС фронтов.

Большое значение для развития оперативного искусства войск ПВО имело внедрение в них радиолокационной техники, позволявшей обнаруживать воздушного противника в обороняемой зоне и тем самым обеспечивать согласованные действия всех родов войск противовоздушной обороны, совершать маневр значительными силами истребительной авиации, создавая превосходство над врагом на более угрожаемых направлениях.

Богатый опыт, накопленный в наших соединениях и частях, весьма поучителен. Многие теоретические и практические положения, выработанные в процессе борьбы против немецко-фашистской авиации, не потеряли своего значения и в современных условиях.

Боевые традиции фронтовиков живут и приумножаются в частях ПВО столицы. Постоянная боевая готовность, высокая бдительность, несгибаемая стойкость, железная дисциплина, бесстрашие, воинское мастерство стали законом для молодых воинов, стоящих ныне на страже воздушных рубежей столицы.

* * *

Годы тяжелых испытаний сплачивают людей, накрепко связывают их. До сих пор я переписываюсь и встречаюсь со многими бывшими сослуживцами. Некоторые из них и ныне служат в Советской Армии, иные ушли на заслуженный отдых, другие трудятся в народном хозяйстве.

В годы войны старшиной роты ВНОС в Торжке служил Василий Иванович Кулешов. Ныне он ученый, профессор Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. Коллегой В. И. Кулешова по университету является бывший лектор политуправления нашего фронта Вера Ивановна Владимирская, доцент, кандидат исторических наук, автор трудов по истории Коммунистической партии в годы войны.

Ученым, начальником лаборатории одного из институтов Академии наук СССР стала Мария Николаевна Чу-

маченко. В дни войны она была наблюдателем во вносовской роте, которая долгое время располагалась на переднем крае

обороны наших войск, в городе Погорелое Городище. Еще один наблюдатель из вносовского полка Василий Ильич Соренков сейчас также ученый, кандидат химических наук.

«Эффект Кабанова» — так названо одно из явлений в радиотехнике. Н. И. Кабанов — автор этого научного открытия — бывший инженер нашего радиополка. В годы войны он вместе с другими инженерами и техниками своей части сконструировал высотную приставку для радиолокаторов.

Бывший начальник политотдела соединения Иван Александрович Демьянов возглавляет ныне Центральный радиоклуб ДОСААФ. Крупным партийным работником стал Михаил Михайлович Бутузов, бывший политработник наших войск, ответственный пост занимает Георгий Михайлович Давыдов, в прошлом комсомольский работник нашей Воздушной армии. Славно трудятся и многие другие товарищи.

Неузнаваемо изменились Войска противовоздушной обороны страны за послевоенные годы. Как и во всех Вооруженных Силах Советского Союза, в них произошла подлинная военно-техническая революция, в корне изменившая и технику, и тактику, и психологию людей.

Благодаря успехам в развитии социалистической экономики, науки и техники Советские Вооруженные Силы располагают сейчас самым современным оружием. Их высококвалифицированные, идейно и физически закаленные кадры владеют всеми новейшими способами ведения боевых действий, самой передовой стратегией и тактикой, им по силам решение любых боевых задач.

Мы, люди старшего поколения, отдавшие службе в Советской Армии десятки лет своей жизни, с огромным удовлетворением отмечаем, что ленинские заветы о защите социалистического Отечества неуклонно и с большим успехом претворяются в жизнь. Они находят отражение в мероприятиях партии и правительства, направленных на дальнейшее укрепление обороноспособности нашей Родины, боевой мощи ее Вооруженных Сил.

Бывая в частях ордена Ленина Московского округа противовоздушной обороны, я вижу, какая замечательная

молодежь служит там. Да, место ветеранов в боевом строю занимает достойная смена.

В Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду партии сказано: «Партия по праву гордится молодыми строителями коммунизма. Наш долг — передавать новым поколениям свой политический опыт, опыт решения проблем экономического и культурного

строительства, руководить идейным воспитанием молодежи, делать все, чтобы она достойно продолжала дело своих отцов, дело великого Ленина»[24].

На смену одним поколениям приходят другие. Это неизбежный, закономерный процесс. Немножко грустно, конечно, что прошла твоя боевая молодость. Однако огромную радость приносит сознание честно выполненного перед Родиной долга.

Время все дальше отодвигает события минувшей войны. Но над временем, над десятилетиями и веками, властвует человеческая память. Она навсегда сохранит для потомков имена героев, самоотверженно сражавшихся с немецким фашизмом, сохранит всенародную признательность к тем, кто отстоял свободу и независимость нашей Родины.

Даниил Арсентьевич Журавлев

ОГНЕВОЙ ЩИТ МОСКВЫ

Редактор Пантелеева Л. М.
Художественный редактор Голикова А. М.
Художник Васильев В. В.
Технический редактор Бабина А. П.
Корректор Лебедева М. Л.

Г-82551. Сдано в набор 26.7.71 г. Подписано в печать 30.11.71 .
Формат 84×108¹/₃₂. 17¹/₄. печ. л. 12,18. усл. печ. л., 13,681 уч.-изд. л.
+ вкладки ⁵/₈ печ. л., 1,05 усл. печ. л. Бумага типографская № 1
Тираж 100 000 экз. Цена 74 коп. Изд. № 3/2452. Зак. 636.

Ордена Трудового Красного Знамени
Военное издательство Министерства обороны СССР. Москва, К-160
1-я типография Воениздата
Москва, К-6, проезд Скворцова-Степанова, дом 3

notes

Примечания

1

Архив МО СССР, ф. 72, оп. 12274, д. 38, л. 8

2

Газета 1-го корпуса ПВО «Тревога», 24 июня 1941 г.

3

Архив МО СССР, ф. 72, оп. 56103, Д. 2, лл. 23—26.

4

Архив МО СССР, ф. 72, оп. 200176, д. 9, л. 8.

«Правда», 23 июля 1941 г.

6

Газета «Тревога», 28 июля 1941 г.

7

Мировая война 1939—1945 годы. Сборник статей. Перевод с немецкого. М., Издательство иностранной литературы, 1957, стр. 465.

8

Московский партархив, оп. 52, д. 24, л. 1—2.

9

Сообщения Советского информбюро. Т. 1. Изд. Совинформбюро, М., 1944, стр. 167—168.

10

«Völkischer Beobachter», 10. Oktober, 1941.

11

Архив МО СССР, ф. 208, оп. 2511, д. 4, л. 50.

12

Архив МО СССР, ф. 213, оп. 2002, д. 66, лл. 22-23.

13

История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945. Т. 2. М., Воениздат, 1963, стр. 264.

14

Архив МО СССР, ф. 741, оп 705648, д. 1, лл. 146-147.

15

А. Яковлев. Цель жизни. Изд. 2-е, дополн. М., Издательство политической литературы, 1968, стр. 294.

16

«The German campaign in Russia — Planing and Operations (1940—1942). Departament of the Army». Washington, 1955, p. 86.

17

М. И. Калинин. О коммунистическом воспитании и воинском долге. М., Воениздат, 1967, стр. 525.

18

Архив МО СССР, ф. 135, оп. 276289, д. 14, л. 77.

19

Архив МО СССР, ф. 218, оп. 161877, д. 2, лл. 205—212.

20

Газета «Тревога», 20 июня 1942 г.

21

Итоги второй мировой войны. Сборник статей. Перевод с немецкого. М., Издательство иностранной литературы, 1957, стр. 206.

22

Мировая война. 1939—1945 годы. Сборник статей. Перевод с немецкого. М., Издательство иностранной литературы, 1957, стр. 473.

23

Г. Фойхтер. История воздушной войны в ее прошлом, настоящем и будущем. М., Воениздат, 1956, стр. 168.

24

Л. И. Брежнев. Отчетный доклад Центрального Комитета КПСС XXIV съезду Коммунистической партии Советского Союза. М., Издательство политической литературы, 1971, стр. 98.